

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Vědecký a praktický časopis

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

№ 1 2016

ZAKLADATEL:
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

Šéfredaktorka – prof. **Irina S. Karabulatova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie)

Mezinárodní redakční rada

doc. **Zoya N. Afinskaya**, CSc. (docent v oboru filologie – Moskva, Rusko)

prof. **Zohidjon M. Islamov**, Ph.D. (Tashkent, Uzbekistan)

prof. **Svetlana V. Kezina**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)

prof. **Irina V. Moklecova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Moskva, Rusko)

prof. **Vasilij V. Lipič**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Belgorod, Rusko)

prof. **Albina M. Sayapova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Kazan, Rusko)

prof. **Elena N. Serdobinceva**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Scientific and practical journal

PHYLOGICAL KNOWLEDGES

№ 1 2016

THE FOUNDER:
The science publishing centre «Sociosphere-CZ»

Editor-in-Chief – Doctor of Philological Sciences, professor
Irina S. Karabulatova

International editorial board

Zoya N. Afinskaya, Candidate of Philological Sciences, assistant professor (Moscow, Russia)

Zohidjon M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan)

Svetlana V. Kezina, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)

Irina V. Mokletsova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)

Vasiliy V. Lipich, Doctor of Philological Sciences, professor (Belgorod, Russia)

Albina M. Sayapova, Doctor of Philological Sciences, professor (Kazan, Russia)

Elena N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)

ISSN 2464-6768
MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016.

LINGVISTIKA A INTERKULTURNÍ KOMUNIKACE

Афинская З. Н. Культурный и когнитивный диссонанс: « <i>l'hospitalité/ l'hostilité</i> »	9
Ахметова Б. З. Языковые реликты в речи потомков русских казаков бывшей Горькой Линии в иноэтничном окружении как отражение устойчивости казачьей культуры.....	16
Галиуллина С. Д., Кобякова Т. И. Концепт «попечительство» в русской языковой картине мира	20
Заварзина Г. А. К вопросу о системных отношениях в структуре лексико-семантического поля (на материале ЛСП «Государственное управление» в русском языке новейшего периода)	26
Исламов З. М. Особенности перевода многоязычных произведений на восточных языках	29
Карабулатова И. С. Мультилингвизм евразийской языковой личности нового типа в эпоху глобализации как геополитическая проблема.....	34
Койше К. К. Проблема сохранения и развития миноритарных языков в эпоху глобализации	39
Макеева М. Н., Бородулина Н. Ю. Метафоричность экономического дискурса: интердискурсивный характер и потенциал риторического воздействия	44
Muminov A. M. Language world picture and its reflection on translation	49
Пазлитдинова Н. З. Интеграция наук при исследовании фитонимов	53
Прозоров Л. Р. Проблема смердов: антропонимический аспект	56
Хачмафова З. Р. Лингвокультурные особенности вербализации концепта «дом» в дискурсе современной женской прозы (на материале русского и немецкого языков)	58
Шагбанова Х. С., Бобкова Е. А. Литературный процесс как пространство диалога городской и деревенской культур	62

Шишкин Н. Э. Идеологический аспект видеобума – реакция перестроечной печати	67
---	----

LITERATURA A FOLKLÓR

Липич В. В., Липич Т. И. «Я гимны прежние пою...» (к вопросу художественного синтеза в творческом методе А. С. Пушкина)	71
Лоскутова Е. Н. Поэтонимы в контексте суггестивного эффекта воздействия лингвокультурного кода (на материале произведений М. А. Шолохова)	78
Улуков Н. М., Баходирова Н. Ш. О составных поэтических единицах с элементом гул в поэзии Алишера Навои	85

METODY VÝUKY FILOLOGICKÝCH VĚD

Поливарова З. В. Проблема формирования связной письменной речи у младших школьников-билингвов	89
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016 году	93
Информация о научных журналах	95
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	96

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Afinskaya Z. N. Cultural and cognitive dissonance: "hospitalité / / hostilité"	9
Akhmetov B. Z. Language relics in speech descendants of Russian Cossacks former Bitter Lines in inoethnic environment as a reflection of the stability of the Cossack culture	16
Galiullina S. D., Kobyakova T. I. The concept of "custody" in Russian language picture of the world	20
Zavarzina G. A. To the question about systematic link in the atructure of lexical-semantic field (on the base of LSF «State government» in modern Russian language)	26
Islamov Z. M. Peculiarities of translation of multilingual works in eastern languages	29
Karabulatova I. S. Multilingualism Eurasian language personality of a new type in the era of globalization as a geopolitical problem.....	34
Koyshe K. K. The problem of preservation and development of minority languages in the era of globalization	39
Makeyeva M. N., Borodulina N. Yu. Metaphorality of economic discourse: interdiscursive nature and po-tential of rhetorical impact	44
Muminov A. M. Language world picture and its reflection on translation	49
Pazlitdinova N. Z. Integration of science in the study of phutonimy	53
Prozorov L. R. The smerd's problem: anthroponimical dimension	56
Khachmafova Z. R. Linguistic and Cultural Aspects of verbalization of the concept of «home» in the discourse of contemporary women's fiction (on a material of Russian and German languages)	58
Shagbanova H. S., Bobkov E. A. The literary process as a space Dialogue urban and rural culture	62
Shishkin N. Videoboom's ideological aspect – reaction in the «perestroika» press	67

LITERATURE AND FOLKLORE

Lipich V. V., Lipich T. I.

«I'm singing the previous hymns...» (revising the problem of the artistic synthesis in the creative method of A.S. Pushkin) 71

Loskutova E. N.

Poetonyms in the context of suggestive effect exposure cultural linguistic code (on the material of M. A. Sholokhov) 78

Ulukov N. M., Bahodirova N. Sh.

About the poetic combinations with the meaning of “gul” in Alisher Navoi’s poetry 85

METHODS OF TEACHING OF PHILOLOGICAL SCIENCES

Polivara Z. V.

The problem of formation of coherent written speech in primary school bilingual 89

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan, and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2016 93

Information about scientific journals 95

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 96

УДК 811.133.1 (075.8)

КУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС:
«*l'hospitalité/l'hostilité*»

З. Н. Афинская

*Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия*

CULTURAL AND COGNITIVE DISSONANCE:
"hospitalité / l'hostilité"

Z. N. Afinskaya

*Candidate of Philological Science,
assistant professor
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov
Moscow, Russia*

Abstract. The ancient custom of hospitality as a social act is an appointment, the contact with "others", and in linguistic and cognitive perspective – the dialogue and exchange of information. This socially significant event involves two role of actant – the landlord, on the one hand, and on the other hand. The semantics of a word are initially marked un hôte complex motivation: on the one hand, this refers to a person (stranger, enemy), on the other, the one who provides hospitality, i.e. the owner of the house. Cognitive dissonance inherent historically in the word hôte, reproduced in the hospitalité and concepts hostility.

Keywords: linguistic culture; concept; custom; right; West-East.

Гостеприимство – один из древнейших ритуалов общения, однако практика этого социального акта в разных этнокультурах обнаруживает значительные различия. Будучи одной из моральных ценностей, религиозных по своему существу (и не только христианских), претерпев существенные изменения в секуляризованном французском обществе, гостеприимство в силу возрастания миграционных потоков стало одной из актуальных социальных проблем XX и XXI веков, привлекая внимание лингвистов, философов, социологов, культурологов (E. Benveniste, J. Derrida, Gotbout J.-T, Mestre Cl., Moro M.-R. Montandon A., Ярославский Е. и др.).

Жак Деррида в своих эссе о феномене *l'hospitalité* во французской лингвокультуре обратил внимание на глубинный амбивалентный фон и семантическую связь двух, казалось бы, несовместимых понятий - *l'hospitalité* и *l'hostilité* (гостеприимство и враждебность). Этот когнитивный диссонанс он выразил неологизмом *l'hostipilité* (**гостевраждебность*), который отражает сложную семантическую историю, связанную изначально со словом *hôte* (гость).

Гостеприимство и его ритуал (приглашение, прием гостей, предоставление ночлега и еды) подразумевает общение с *другим*, когда сама «речь становится гостеприимством»: «L'invitation, l'accueil,

l'asile, l'hébergement passent par la langue ou par l'adresse à l'autre... le langage est l'hospitalité» – «приглашение, прием, убежище, ночлег происходят в языке или в обращении к другому... речь и *есть* гостеприимство. – Пер. З. А.)» [13, с. 119]

Проблема взаимоотношений между людьми и выражения этих проблем в процессе речевой деятельности является одной из ключевых для когнитивной лингвистики, так как, согласно Е. С. Кубряковой, «речевая деятельность есть не только манифестация системы языка, но и проявление индивидуального опыта и индивидуальных знаний этой системы говорящими...» [7, с. 186].

В дальнейшем будет представлен краткий историко-этимологический и лингвокультурный обзор развития этих концептов в качестве проблемы когнитивной лингвистики, так как она, по словам О. В. Александровой, «объединяет и интегрирует разные области человеческого знания и опыта в области изучения культурных, социальных, исторических, антропологических и других знаний о жизни и окружающей среды» [1, с. 12].

Можно с уверенностью утверждать, что актуальность концепта *гостеприимство* связана в настоящее время с социополитическим контекстом, однако, лингвокогнитивную основу для его всестороннего анализа составляют, в первую очередь, исследования Э. Бенвениста, посвященные тем словам индоевропейского наследия, которые стали константами европейской концептосферы и ключевыми терминами французской социополитической терминологии.

В латинском языке «гость» обозначается словами *hostis* и *hospes*, где основным является термин *hospes* (1.чужестранец, чужак, гость; 2. оказывающий гостеприимство, хозяин) [8]. Морфологический анализ позволяет, согласно Э. Бенвенисту, обнаружить сложную смысловую наполненность слова <*hostipet-*>, которая показывает как два разных слова (*hostis* и *hospes*) в результате исторического развития слились в одно, которое должно означать «хозяин гостя». Латинское *hostis* имеет соответствие в готском (*gast*) и, что

особенно интересно, – также и в русской лексике: старославянское «*gos-podi* 'хозяин' образовано подобно *hospes*». Но в латинском *hostis* означает 'враг', а в готск. и ст-слав. – *гость*. Э. Бенвенист выдвинул гипотезу, которая была в дальнейшем принята научным сообществом, о том, что оба значения связаны семантически с значением 'чужестранец' (**xenos*), что позволяет предположить следующую логическую последовательность: *чужестранец с добрыми намерениями* – гость, а *чужестранец с недобрыми намерениями* – враг. «Слово *hostis* первоначально обозначало равенство отношений между людьми в результате действия компенсации даров, обмена и т.п.; *hostis* – это тот, кто получил от меня подарок, отвечает мне тем же», – пишет Э. Бенвенист [2, с. 74]. Однако статус гостя менялся на протяжении многих веков. «Когда древнее общество превращается в нацию, – заключает Э. Бенвенист, – отношения, устанавливаемые между отдельными людьми и родами, отмирают; остается лишь различие между тем, что является внутренним, и тем, что является внешним по отношению к *ciuitas*, гражданскому обществу» [2, с. 79]. По неизвестным до сих пор причинам, слово *hostis* стало значить 'враждебный', и с тех пор, отмечает Бенвенист, оно стало употребляться только в этом значении, отражая в своей семантике изменения, произошедшие в римском законодательстве, ставшего основой западноевропейских установлений.

Действительно, в дохристианском обществе чужестранец воспринимался преимущественно как враг, по отношению к которому не действуют никакие законы и установления. Чувство недоверия и враждебности к иностранцу было обратной стороной той солидарности и поддержки, на которых держалось единство племени или рода. Гостеприимство было скорее исключением в правилах поведения родового общества. Первые институциональные правила гостеприимства возникают в Древнем Риме вместе с римским правом. Чужестранец, не будучи гражданином, лишен всех прав; его судьба и существование находится полностью во власти

принимающего его хозяина дома. Именно хозяин дома предоставляет на свое усмотрение кров, пищу, защиту своему гостю, позволяя ему под свое рекомендацию и защиту, обосноваться в чужой стране. Этот добровольный акт общения мог подкрепляться официально особым актом (*sponsio*) (прообразом современного спонсорства), а также рукопожатием, обменом памятными знаками (отсюда – традиция подарков), особыми грамотами, согласно которым все представители двух родов и их потомки должны оказывать друг другу гостеприимство. Конвенции о гостеприимстве заключались также между римскими и иностранными городами (*hospitium publicum*) как прообраз будущих пактов о ненападении, как идея о городах-побратимах. Таким образом, римское право впервые в истории узаконило древний обычай гостеприимства между гражданином полиса и чужеземцем (особые грамоты, значки и церемонии), между римским и иностранным городом (конвенции о гостеприимстве). Постепенно внедрение в жизнь правовых институтов подтачивало принцип равенства между чужеземным гостем и хозяином дома: чем больше чужеземец был защищен римским правом, тем меньше принимающая сторона несла ответственности за своего гостя [15].

С принятием христианства гостеприимство обрело статус нравственной нормы отношений между богатыми и нищими, которых считали посланцами высших сил, и к которым следовало относиться милосердно. Тема бескорыстной встречи гостя и хозяина в древнем христианском обществе представлена в новелле Г. Флобера «Легенда о Св. Юлиане»: «Иногда в глубине долины появлялся караван вьючных животных с погонщиком в восточной одежде. Хозяин замка, увидев, что это купец, посылал за ним слугу. Чужеземец доверчиво сворачивал с пути; введенный в приемную, выкладывал из своих ларей куски бархата и шелка, золотые и серебряные изделия, благовония, диковинные предметы неизвестного употребления; и под конец уходил с большой прибылью, не потерпев никакого

насилия... Иной раз у дверей стучалась толпа паломников. Их мокрые одежды дымились перед очагом. Насытившись, они рассказывали о своих странствиях: о блуждании кораблей по вспененному морю, о переходах по раскаленным пескам, о свирепости язычников, о сирийских пещерах, яслях и гробе господнем; потом они дарили молодому господину раковины со своих плащей» [10, с. 71–74] Флобер отразил главные аспекты понятия *гостеприимство*, сформировавшиеся в ранне-христианском мире, где странник воспринимался как посланец Бога: 1) акторы (*хозяин замка, купец, чужеземец, паломники*); 2) обряды (*угощенье, «насытившись»*); 3) обмен дарами от гостей («куски бархата и шелка, золотые и серебряные изделия, благовония, диковинные предметы неизвестного употребления») и от хозяина (прибыль от проданного товара в качестве материальной поддержки); 4) эмоциональное наполнение встречи (обоюдная доверчивость, отсутствие враждебных намерений и проявлений, радушие).

Статус гостя и хозяина подвергся трансформациям в период крестовых походов, когда произошло столкновение западной (христианской) культуры и религиозных устоев Востока. Так, во время крестовых походов, начиная с IX в., возникали ордена и конгрегации госпитальеров, монашеских орденов, призванных оказывать военную и медицинскую помощь крестоносцам, как например, орден Иоаннитов, военно-монашеский католический орден, созданный в Палестине крестоносцами в начале XII в. В Париже, начиная с XII в. основывается несколько женских монастырей (*Les hospitalières de Saint-Augustin*) и больниц (*l'hôpital Sainte-Catherine*), которые предоставляли ночлег, питание и лечение паломникам, бездомным мужчинам и женщинам, оказавшимся без средств существования. С этого времени концепт «больница» (*l'hôpital*) стал основой представлений о гостеприимстве (*l'hospitalité*) во французской лингвокультуре, что подтверждается данными французских энциклопедических и этимологических словарей, где *гостеприимство* фи-

гурирует только внутри словарной статьи l'hôpital [12; 15].

С конца XIX века гостеприимство во Франции становится государственной политикой в отношении лиц без различия их национальности и религии, но которым вменялось соблюдение определенных правил поведения и гигиены в государственных пансионах, ночлежках для бездомных (l'asile Venoît-Malon, l'asile Nicolas-Flamel).

В русской культуре обычай гостеприимства сопряжен с такими мотивами, как угощение, хлебосольство, радушие, приветливость, трапеза. В словаре М. Фасмера слово *гость* имеет в качестве синонимов такие слова как *чужестранец, приезжий купец* [9], что говорит о значимости экономического содержания этого термина. Согласно Большой российской энциклопедии, *гости* в др.-рус. государстве, в княжествах и землях – это «категория купцов, занятых, гл. образом, внешней торговлей, и иностранцы» [3]. Помимо включения фактора современности (замена архаичного *чуже-*, на актуальное, менее категоричное и несущее более нейтральные эмоции и более привлекательное в сфере современной русской языковой личности *ино-*), подчеркивается роль внешней торговли, основного источника создания богатства в докапиталистическом обществе. Понятие *гость* в средневековой культуре ассоциировалось не только с паломниками и купцами, которым надо было предоставлять ночлег и пищу, но и с недругами, от которых надо защищать свой дом и свое хозяйство. Вплоть до конца XVIII века, гостями называли крупных купцов, которые объединялись в корпорации (гостиные сотни, торговавшие в гостиных дворах). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в семантике слова *гость* на протяжении веков значимым было экономическое содержание, а не *враждебность*. *Враг* (предполагаем, что и этимологически и когнитивно связанное с ним *варяг*) был антонимом *гостя*, и следовательно, антиподом тому, кто оказывает гостеприимство, и тому, кто им пользуется.

Между тем, ситуационное неравенство между гостем и хозяином сохранялось в

восточной культуре, где гость обладал большими правами: хозяин дома обязан предоставить гостю прием, угощение, ночлег и защиту. Радушие и щедрость в отношении гостя и одновременно отсутствие доверительных отношений с ним характеризуют обычаи восточного гостеприимства вплоть до настоящего времени. «Они (алжирцы – З. А.) могут стать твоими друзьями (да еще какими!), – замечал А. Камю, – но никогда не будут относиться к тебе доверительно» [5, с. 439]. Столкновение двух культур (Запада и Востока), их взаимное непонимание и отторжение представлено Альбером Камю в его новелле «L'Hôte», где запечатлены особенности гостеприимства в колониальном обществе, пораженном гражданской войной. Актеры: 1) Daru, l'instituteur... qui vivait presque en moine; 2) арестованный за убийство жены араб, которого Дарю должен был доставить в тюрьму в местный город, так как он по законам Франции был обязан помогать полиции). Обряды: 1) угощение – le thé как только араб появился в доме Дарю; le cafe, les galettes на следующее утро;). Эмоциональное наполнение (Salut, allez-vous rechauffer, nous y serons plus à l'aise, couche-toi là, c'est ton lit, но также постоянная настороженность Дарю, ожидание нападения, отсутствие агрессивности у араба). Обмен дарами (только со стороны хозяина: un paquet avec des biscottes, des dattes et du sucre в дорогу и небольшая сумма денег, которую Дарю дал арабу). «Гость» и хозяин практически не разговаривают, так как араб плохо говорит по-французски. Вернувшись домой, дарю обнаруживает на классной доске угрожающее послание: «Tu as livré notre frère. Tu paieras» [6, с. 43]. Кто является, по сути, гостем и хозяином в колонии, и каковы могут быть ее ритуалы, что важнее – закон или мораль? Дарю понимает, что его гуманное отношение к арабу не делает его «своим» в этой чужой стране: «Dans ce vaste pays qu'il avait tant aimé, il était seul» [6, с. 55].

В ракурсе современной французской социокультурологии *гость* – это, прежде всего, *чужой*, и это качество вызывает если не открытую враждебность, то, как ми-

нимум, некую настороженность, на что обращает внимание А.Монтандон: «L'hôte est par essence étranger et autre, et cette fondamentale altérité est dangereuse» [17, с. 65]. («Гость, по существу, – иностранец и другой, и это фундаментальное отличие опасно» – пер. З. А.). Основными мотивами гостеприимства выступают такие слова, как *другой* и *опасность*. Напротив, становятся второстепенными мотивы *доверчивость*, *угощение*, *дары*, *рассказы о далеких странах* – своеобразный обмен информацией как одна из практик межкультурного общения.

Обычай гостеприимства сопряжен не только с радушием, но и с настороженным отношением к чужому вплоть до враждебности. Именно этот аспект концепта *гостеприимство* стал предметом философских размышлений Жака Деррида. Опираясь на исследования слова *hostis*, проведенные Бенвенистом, Деррида объясняет взаимосвязь понятий *гостеприимство/враждебность*, исходя из полномочий *хозяина дома* (*potis, potens*), которые обязывают его «*de choisir, d'élire, de filtrer, de sélectionner ses invités, ses visiteurs ou ses hôtes, ceux à qui il décide d'accorder l'asile, le droit de visite ou d'hospitalité... Je veux être maître chez moi... pour pouvoir y recevoir qui je veux. Je commence à tenir pour un étranger indésirable, et virtuellement pour mon ennemi, quiconque empiète sur mon «chez-moi»,... sur mon pouvoir d'hospitalité, sur ma souveraineté d'hôte. Cet autre devient un sujet hostile dont je risque de devenir l'otage*» («выбирать, избирать, фильтровать, отбирать своих приглашенных. Своих посетителей или гостей, тех, кому он решает предоставить убежище, право на посещение или гостеприимство... Сначала я воспринимаю как нежелательного и даже вероятного врага любого, кто нарушит «мой дом»..., мои полномочия гостеприимства, мой суверенитет хозяина. Этот другой становится враждебным субъектом, заложником которого я могу стать» – пер. З. А.) [13, с. 53].

Гость вторгается не только в физическое пространство дома, но и, благодаря общению, во внутренний мир (*l'intérieur*) хозяина дома, в его жизненное простран-

ство, создавая тем самым определенное эмоциональное напряжение: «*l'hospitalité, c'est recevoir chez soi et être reçu par quelqu'un chez lui, dans son espace*» [14, с. 46]. («Гостеприимство означает принимать у себя дома и быть принятым кем-либо у себя в *своем* пространстве» – пер. З. А.)

В русском языке *гость*, *гостеприимство*, *угощение*, *гостинец* – однокоренные слова, взаимодействие которых в тезаурусе языковой личности создает концептуальную сферу, в котором субъект и действие объединены единым когнитивным процессом. Это единство обнаруживается в сфере паремии, в пословицах и поговорках: Гости пришли глотать кости. Угощайтесь, чем Бог послал. Гость гостит покуда его угощают [4]. Тогда как во французском языке слова *un hôte, l'hospitalité, la régalarde* (угощение) не только не составляют концептуального единства, но, напротив, они дают, скорее, пример когнитивного диссонанса. *Qui compte sans son hôte compte deux fois* (ср. скупой платит дважды), – утверждает французская пословица, напоминая об «экономическом» аспекте приема гостей. *Un hôte* и *l'hospitalité* объединены в когнитивной ассоциации благодаря понятию *l'hôpital*, тогда как в русской лингвокультуре слова *гость*, *гостеприимство* и *больница* не образуют когнитивного единства. Однако, радушный прием, схожий с русским хлебосольством, сохраняется во французских семьях в провинции Бретань, придерживающихся традиционных, патриархальных обычаев. Как отмечает Евг. Ярославский, «радушие и уважительное поведение крестьян принимающих в своем доме нищих, объединяет, на первый взгляд, два совершенно разных и географически удаленных народа: русских и бретонцев» [11, с. 51].

Гостеприимство в обществе, основанном на принципах либеральной демократии, в котором предполагается разделение сфер личной и государственной сфер жизни, регулируется законами о приеме беженцев (политических и нелегальных беженцев, мигрантов). Обычай гостеприимства, став объектом государственной политики, т. е. оторванным от жизни кон-

кретной личности или семьи, утратил в современном французском обществе свою былую значимость, вследствие чего, по мнению М. Р. Моро и Кл. Мэстр, общество становится все более «негостеприимным» [16, с. 411–415]. Возникает вопрос о том, насколько термин «гостеприимство» соответствует государственной политике относительно массовой миграции, предполагающей обеспечение государством длительного проживания вплоть до получения гражданства, работы и предоставление материальных средств.

В качестве кратких выводов проведенного исследования следует отметить несколько позиций:

1. Гостеприимство с древних времен было культурно значимым обычаем жизни семьи, которая в силу разветвленной сети родовых контактов, практически постоянно была вовлечена в процесс приема гостей, предоставления ночлега, угощения и иного вида общения, а также защиты своего имущества от врагов.

2. Гостеприимство в качестве социокультурной практики подразумевает встречу двух акторов (хозяина и гостя), их диалог, обмен информацией. В современном европейском обществе гостеприимство в виде радушного приема «чужого» постепенно истончается, так как общение, благодаря современным средствам коммуникации, стало обыденной и ежеминутной практикой, где *чужому* (страннику в древнем обществе) обеспечена государственная защита и безопасность, а питание и медицинская помощь оплачиваются согласно их товарной стоимости.

3. Когнитивный диссонанс, заложенный в этимологии слова *l'hôte*, значим в концептах *l'hospitalité* и *l'hostilité*. При современном уровне технологизации и информатизации общества становится все сложнее придерживаться многих ценностей, которые некогда были ему присущи. Ритуал гостеприимства обязывает хозяина и гостя сохранять коммуникативную дистанцию «свой-чужой», и это фундаментальное позиционирование хранит в себе опасность непонимания вплоть до неприятия.

Библиографический список

1. Александрова О. В. Изучение языка как важнейшей составляющей науки // Филологические науки. – № 3. – 2007.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. акад. Ю. С. Степанова. – М., 1970.
3. Большая российская энциклопедия. Т. 7. – М., 2007.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. – М., 1981.
5. Камю А. Маленький путеводитель по городам без прошлого / Соч. в пяти томах. Т. 3. – М., 1997.
6. Камю А. Новеллы. – Л., 1980.
7. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М., 2012.
8. Латинско-русский словарь / под ред. С. И. Соболевского. – М., 1949.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах / пер. с нем. и доп. Акад. РАН О. Н. Трубачева. – М., 2004.
10. Флобер Г. Собр. соч. в пяти томах. Т. 4. «Легенда о св. Юлиане». – М., 1956.
11. Ярославский Евг. Нищие всегда ожидаемы в доме крестьянина (Традиции гостеприимства в Бретани и в России в XIX веке)/Традиционные и современные модели гостеприимства. Материалы российско-французской конференции. – М., 2004.
12. Dauzat Al., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. – Paris : LAROUSSE, 1971.
13. Derrida J. De l'hospitalité/Anne Dufourmantelle invite Jacques Derrida à répondre DE L'HOSPITALITÉ. – Paris, 1997.
14. Gotbout J.-T. Recevoir, c'est donner//Communications n°65, 1997.
15. Grand Dictionnaire universel du XIX-e siècle. – Paris, 1873, t. 9.
16. Mestre Cl., Moro M.-R. Comment sommes-nous devenus si inhospitaliers ? // L'Autre, 2005/3.
17. Montandon A. Le livre de l'hospitalité. – Paris, 2004.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aleksandrova O. V. Izuchenie yazyika kak vazhneyshey sostavlyayushey nauki // Filologicheskie nauki. – № 3. – 2007.
2. Benvenist E. Slovar indoeuropeyskih sotsialnyih terminov / per. akad. Yu. S. Stepanova. – M., 1970.
3. Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya. T. 7. – M., 2007.
4. Dal V. Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyika. Tom 1. – M., 1981.
5. Kamyu A. Malenkiy putevoditel po gorodam bez proshlogo / Soch. v pyati tomah. T. 3. – M., 1997.
6. Kamyu A. Novellyi. – L., 1980.

7. Kubryakova E. S. V poiskah suschnosti yazyika: Kognitivnyie issledovaniya.– M., 2012.
8. Latinsko-russkiy slovar / pod red. S. I. Sobolevskogo. – M., 1949.
9. Fasmer M. Etimologicheskii slovar russkogo yazyika. V chetyreh tomah / per. s nem. i dop. Akad. RAN O. N. Trubacheva. – M., 2004.
10. Flober G. Sobr. soch. v pyati tomah. T. 4. «Legenda o sv. Yuliane». – M., 1956.
11. Yaroslavskiy Evg. Nischie vseгда ozhidaemyi v dome krestyanina (Traditsii gostepriimstva v Bretani i v Rossii v HIIH veke)/Traditsionnyie i sovremennyye modeli gostepriimstva. Materialyi rossiysko-frantsuzskoy konferentsii. – M., 2004.
12. Dauzat Al., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire etymologique et historique. – Paris : LAROUSSE, 1971.
13. Derrida J. De l'hospitalite / Anne Dufourmantelle invite Jacques Derrida repondre DE L'HOSPITALIT L'HOSPITALITE. – Paris, 1997.
14. Gotbout J.-T. Recevoir, c'est donner//Communications n°65, 1997.
15. Grand Dictionnaire universel du XIX-e siècle. – Paris, 1873, t. 9.
16. Mestre Cl., Moro M.-R. Comment sommes-nous devenus si inhospitaliers ? // L'Autre, 2005/3.
17. Montandon A. Le livre de l'hospitalité. – Paris, 2004.

© Афинская З. Н., 2016

**ЯЗЫКОВЫЕ РЕЛИКТЫ В РЕЧИ ПОТОМКОВ
РУССКИХ КАЗАКОВ БЫВШЕЙ ГОРЬКОЙ ЛИНИИ
В ИНОЭТНИЧНОМ ОКРУЖЕНИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ
КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ**

Б. З. Ахметова

*Ph.D., доцент
Костанайский государственный
университет им. А. Байтурсынова
г. Костанай, Казахстан*

**LANGUAGE RELICS IN SPEECH DESCENDANTS
OF RUSSIAN COSSACKS FORMER BITTER LINES
IN INOETHNIC ENVIRONMENT AS A REFLECTION
OF THE STABILITY OF THE COSSACK CULTURE**

B. Z. Akhmetov

*Ph.D., assistant professo,
Kostanai State University named
after A. Baitursynov, Kostanay, Kazakhstan*

Abstract. Study on the formation of the Kazakh-Russian bilingualism in terms of development of an independent state in the post-imperial space associated with comprehensive and a different aspects of study and comprehension of the problem of preservation of the native language in the non-indigenous environment. The border areas of Russia and Kazakhstan are presented in the study of human settlements of the former bitter line Siberian Cossack troops, which now belong to the border area of northern Kazakhstan. They are a complex construct that includes a multi-ethnic and multi-confessional community of nations, connecting Europe and Asia, West and East. At the same time Russian settlements based Cossacks and presented by their descendants, their ancestors have preserved it that is relevant for the study of the vitality of language and culture of the Russian people in a foreign language are not closely related environment.

Keywords: Russian; Cossacks; Bitter Line; linguistic relics; ethnic identity; ethnic satisfaction; sociolinguistics.

Согласно последним социолингвистическим исследованиям, идентичность может быть отчетливой или «размытой» в зависимости от стратификационной системы и социокультурных условий. Индивид может проявлять приверженность одновременно к нескольким реальным либо воображаемым сообществам. Виды его идентичностей взаимосвязаны и «накладываются» друг на друга (этническая, религиозная, сословная, профессиональная, территориальная). Языковая реликтовость, на наш взгляд, является яркой иллюстрацией русского консерватизма, который является существенной характеристикой социокультурной феномена «русской души» как таковой [3, с. 105]. По определению Е. В. Морозовой, казачество имеет сложносоставную идентичность, поскольку в ней неразрывно слиты разно-

порядковые идентификационные характеристики, сообщество устойчиво и активно участвует в политическом процессе [2, с. 102–104]. В связи с этим проводились глубинные интервью, сопоставлялись записи русской речи в разные периоды времени, анализировались данные анкетирования, выявлялись зоны трансформации языка и культуры русских казаков, проживающих длительное время в изоляции от материнской культуры в иноэтническом окружении. Было выяснено, что категоричные оценки казачества в контексте словной или этнической идентичности являются малопродуктивными.

Сегодня на территории Северного Казахстана сохранился аутентичный небольшой островок потомков казаков – представителей Сибирского Казачьего Войска, которые были первыми поселен-

цами в этих местах и построили в XVIII веке линию укреплений между Оренбургской, Тюменской и Омской областями, названной позже Горькой линией. В 1752 году началось строительство укреплений, которое было закончено в основном в 1755 г. Линия получила название Новошешимской, или Новой (официально), и Пресногорьковской (в быту) [1].

Авторское обследование казачьих поселений бывшей Горькой линии, проведенное в середине второго десятилетия двухтысячных годов, позволяет сделать выводы о витальности русского языка и русской культуры в иноэтничном окружении. Эти данные были сопоставлены нами с диалектологическими и социологическими обследованиями советского периода, результаты которых хранятся в Костанайском государственном университете им. А. Байтурсынова [1]. Первыми казачьими поселенцами были основаны такие станицы Горькой казачьей линии, как Веренка, Надеждинка, Гренадерка и другие. К 1894 году в каждой из волостей проживало 800–900 семей переселенцев, в Костаное с 1885 года образованы волостное и сельское управление и суд. [1, с. 59].

Некоторые фонетические и морфологические особенности говоров западных поселений Горькой линии в конце XX века – начале XXI века были исследованы в работах Ахметовой Б. З., Гультяева В. Н., Койше К. К., Карабулатовой И. С. и др. Однако некоторые аспекты реликтовых явлений не подверглись детальному обследованию, как например, анализ такого звена консонантизма, как заднеязычные согласные, не установлен ряд фонетических черт, вызванных иноязычным воздействием. Поэтому приведенные в работе факты позволяют утверждать, что в настоящее время актуальна необходимость тщательного изучения особенностей в составе и качестве согласных фонем, а также явления прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных фонем на диалектном материале, в данном случае – русских говоров Костанайской области.

Особенностью казачества является их становление на юге России, однако наши

языковые данные, основанные на материалах Сибирского казачьего войска, позволяют утверждать, что в Сибирском казачьем войске подавляющее большинство говорило на различных северновеликорусских говорах, преобладающими в которых являются черты северные, или архангельские. Это позволяет расширить понимание казачества как многосоставного феномена российской культуры.

Население данного региона устойчиво, и носители русских говоров в основном своем составе являются потомками первых переселенцев, пришедших сюда из северных областей России – Вологодской и Пермской. В окающих говорах Костанайской области имеется пять гласных фонем: / и, у, е, о, а / игры, пул'а, в'ера, ун'ес, п'атка, пут'и, л'уд' и, ут'онок, ут'уг, уг'ол, игла, фс'е, крыл'цо, дамно, дал'е, в'ер'ил, тожо, с'ин'их, он.

В архаическом состоянии части окающих говоров области реализация гласных фонем не зависит от ударения: ударенный слог характеризуется незначительным выделением по силе, а потому в безударных слогах данных говоров находим все пять гласных фонем.

Так, фонема /о/ после твердых согласных в архаическом слое говоров качественно не отличается от положения ее под ударением: носатой, носовой, на-нос; говор' а, говор' ат, наговор и под.. «о» произносится и в тех случаях, где в современном литературном языке утвердилось не только произношение, но и правописание а: розм'ер, розопр'ет, розговор; робота, робот'ага, заработка, растут; стокан; колач'ик, бол'шой, поры, подарок, полосах, йетот, ч'ижолый, мужу – то, дом, пот самой потолок, йово, год'иков, св'екроф, фронт'е, моч'ит, пойд'ош, одной рукой плохо, пошел, расход'ит, худой, сос'идной, хот', конава, бол'но; загорода у нас бол'шайа; лошат – то голон'ошон'ка; н'е розум' ийот лошку –то; доч' ка – то бол' но у ийо послушнойа; хотко у вас робота ид'ет; ошо тамо ; возоф п'ет' буд'от ; полно рост' от ; божы – ко; нутро у йово бол'нойо ; што т ихо; на горцкуйу похожа ; воно самол'от л' ет' ит ; посл'е тово ; тамо за мостом; тогда што он

много роботал ; на ногах фс'о; тожо забор; р' екой пол'зова'л ис' ; тол'ко потковы ; вот у нас – то было; отсохн'ет тол'ко; ето ужо одного; хот'и жарко было; довол'на бот'инком; хот' понос'ит ; хорошо и урод'ит (дд.Федоровка, Демьяновка); моч'и н'ет бол' шэ т'ерп' ет' и // зач'ем фс'о ф полосу д'елат // на самол'от'е н'и разу н'ел'итала // рост'от на радос' думайу // на горотскуйу похожа стала // до с'ей поры жд'от // воно кака стадо // ты погод' шум'ет' // нарот ч'о – то расход' итса // да тут рукой подат' // розговор с йей н'е получ'илса // работа там у йих в'ет' // зорплату дойдут // стол'евары штол' // мы в'ет' колхозн' ик'и и так'и остан'емс'а // (Нестерова Р. И., д. Узынагаш).

Историей заселения Костанайской области и объясняются севернорусские черты, характерные для большей части костанайских говоров, «родство этих говоров с архангельскими, вологодскими, кирзовскими (вятскими), пермскими.

Исследуемые говоры, выделившись из севернорусского наречия, развиваясь в новых условиях, сохранили ряд унаследованных диалектных особенностей: вместе с тем, в течение длительного времени своего существования русские говоры указанного региона в результате междиалектного и меъязыкового контактирования подверглись значительным изменениям, поэтому их нельзя уже отождествлять с материнскими. Русское население, оседая по низовьям Тобола, соленых озер, пришло в весьма тесное соприкосновение с казаками – хозяйственное и культурное.

На территории Костанайской области некоторые диалектные явления, как фрикативное произношение [г], конечная фонема / т' / при ее наличии в окончании 3-го лица единственного и множественного чисел довольно устойчивы, слабо поддаются влиянию окружающей среды и литературного языка: ноуа, ауа, үрус', ү'ир'а (д. Есенколь – 58 чел.), үром, ү'ерой, үрамота (д. Новое – 36 чел.).

В говоре д. Кособа отмечено взрывное и фрикативное произношение звука [г]: дуга – дууа (17 чел.), гнат' – үнат' (23 чел.), могла – моула (30 чел.).

В некоторых окающих говорах наблюдается в первом предупредительном слоге / о / в соответствии с / а / других окающих говоров в определенных словах, например: стакан, творог при стакан, творог в окающих же (не только в акающих говорах). В данном случае наблюдается не фонетическое изменение / о / в / а / в части окающих говоров (пресногорьковских, песчанских и др.), а старое этимологическое о.

В некоторых костанайских говорах фрикативный звук [γ] зарегистрирован в речи 50 человек д. Гренадерка Узункольского района и в речи 69 чел. д. Пресногорьковка того же района.

При взаимодействии различных говоров севернорусского типа (вологодских, пермских и др.) на территории Узункольского (дд. Ершовка, Троебратное, Новопокровка, Озерное, Миролубовка), Сарыкольского (дд. Барвиновка, Варваровка, Анновка, Ермаковка, Лимановка, Дудаковка, Урожайное, Жанасу), Карабалыкского (дд. Песчанка, Есенколь, Дальнее, Светлое, Орнекский, Целинное, Славянский, Малороссийский, Лесное) районов сложились полноокающие говоры. Носители говоров южнорусского типа жили на территории дд. Гренадерка, Пресногорьковка, Убаган Узункольского, Карабалыкского (дд. Белоглинка, Босколь, Огнеупорное, Магнай, Жанааул, Фадеевка, Победа), а также Сарыкольского (дд. Бол. Дубрава, Вишневка, Дудаковка, Западное) районов. Смешанные (окающие и акающие) говоры отмечены в Узункольском (дд. Суворово, Моховое, Ксеньевка, Сибирка), Федоровском (дд. Новоукраинка, Новоборисовка, Курское, Грачевка), Сарыкольском (дд. Минское, Семеново), Карабалыкского (дд. Новотроицкое, Первомайское, Приуральское), Тарановском (Архангельское, Оренбургское, Щербиновка, Екатериновка), Камыстинского (дд. Туфановка, Приречное, Сахаровка, Ключково) районах.

Диалектные черты «чистых» материнских (орловских) говоров сохранены в речи старожилов деревень Курское, Грачевка Федоровского района; Гренадерка, Пресногорьковка, Сибирка Узункольского

района; Белоглинка, Дальнее Карабалыкского района.

При взаимодействии различных говоров севернорусского типа (вологодских, пермских и др.) в Узункольском (дд. Ершовка, Новопокровка, Озерное и др.), в Карабалыкском (дд. Есенколь, Светлое и др.), в Сарыкольском районах (дд. Анновка, Варваровка и др.) сложились полноокающие говоры.

Носители говоров южнорусского типа на территории дд. Пресногорьковка Гренадерка Узункольского (б. Ленинского), Новотроицкое, Победа, Магнай Карабалыкского районов были переселены в 1954–1955 годах из южных областей европейской части России, главным образом Орловской.

В результате диалектологических экспедиций собран уникальный материал по русским говорам бывшей Горькой линии в Северном Казахстане, на основании изучения которых стало возможным разделение говоров на окающие и акающие, что позволяет более объемно представить языковую жизнь казачьего сообщества в тюркском окружении.

Библиографический список

1. Ахметова Б. З., Жумагулова Н. С., Карабулатова И. С., Койше К. К., Поливара З. В. Языковая личность в трансформирующемся обществе (на примере билингвов в полиэтничном окружении). – Тюмень : ВекторБук, 2013. – 191 с.
2. Морозова Е. В. Региональная политическая культура. – Краснодар, 1998.
3. Федулов А. М., Кареева С. Г., Карабулатова И. С., Ахметова Б. З., Истамгалин Р. С. Феномен «русской души» и традиция русского консерватизма: новые теоретико-методологические подходы и обыденное восприятие консерватизма // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. – Москва; Уфа; Ростов-на-Дону, 2015. – С. 103–112.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ahmetova B. Z., Zhumagulova N. S., Karabulatova I. S., Koyshe K. K., Polivara Z. V. Yazykovaya lichnost v transformiruyuschemsya obschestve (na primere bilingvov v polietnichnom okruzenii). – Tyumen : VektorBuk, 2013. – 191 s.
2. Morozova E. V. Regionalnaya politicheskaya kultura. – Krasnodar, 1998.
3. Fedulov A. M., Karepova S. G., Karabulatova I. S., Ahmetova B. Z., Istamgalin R. S. Fenomen «russkoy dushi» i traditsiya russkogo konservatizma: novyye teoretiko-metodologicheskie podhody i obyidennoe vospriyatie konservatizma // Sotsialno-ekonomicheskie i gumanitarno-filosofskie problemy sovremennoy nauki. – Moskva; Ufa; Rostov-na-Donu, 2015. – S. 103–112.

© Ахметова Б. З., 2016

КОНЦЕПТ «ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

С. Д. Галиуллина

*Доктор исторических наук
профессор
заведующая кафедрой истории
и политологии*

Т. И. Кобякова

*кандидат филологических наук
доцент
Уфимский государственный
нефтяной технический университет
г. Уфа, Республика Башкортостан
Россия*

THE CONCEPT OF "CUSTODY" IN RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

S. D. Galiullina,

*Doctor of Historical Sciences, professor
head of department
of history and political science*

T. I. Kobyakova

*Candidate of Philological Science,
assistant professor
Ufa State Oil Technical University, Ufa
Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. This article highlights the problem of the relationship of language and thought in terms of cultural linguistics, linguistics. Today's society puts its main task – the formation of linguistic personality, its language consciousness and national mentality in a humanization of Russian education. In the present paper describes the concept of "custody" as a phenomenon of Russian culture. The authors examine the role and place of custody in the Russian language picture of the world, associating it with the fundamental characteristics of the Russian ethnos.

Key words: concept; linguistic picture of the world; language mentality; welfare; charity.

Введение

Концепт как знак культурного феномена в своей внутренней структуре концентрирует все этапы абстрагирования культурного фона, созданного путем присвоения репрезентирующей единице (слову-наименованию концепта) вторичного значения. С одной стороны, это фрейм сознания, составляющий основу языковой ментальности, с другой – знак культурного феномена, так как «представительство концепта в языке приписывается слову, а само слово получает статус имени концепта – языкового знака, передающего содержание концепта полно и адекватно» [1]. В нашей работе мы рассматриваем концепт – феномен культуры, связывающий вербализующую его лексему с языковой ментальностью, отражающей особенности национального менталитета.

Цель работы – описать концепт «попечительство» как феномен русской культуры и определить его место в русской языковой картине мира. Объектом исследования и материалом для анализа послужили лексемы русского языка с национально-культурным компонентом значения, а его предметом – русская языковая картина мира. Актуальность проблемы обусловлена антропоцентрическим подходом к изучению и обучению языкам. Для русской национальной картины мира сострадание, попечение, помощь, поддержка являются одними из характерных черт загадочной «русской души» и русского характера [7]. В связи с этим организация попечительства и различных форм медико-социальной помощи лицам, имеющим те или иные ограничения (по возрасту, состоянию здоровья и т. д.), основывается

на национальной специфике жизни русской общинности. Некоторые авторы прямо указывают, что использование элементов социального взаимодействия в русской общине для медико-социальной реабилитации различных категорий лиц успешно влияет на качество жизни опекаемых, позволяя им активно участвовать в общественной жизни, чувствуя себя необходимыми членами общества. Организация такого попечительства обеспечивает сохранность коммуникативных способностей и профилактирует социальные девиации, в том числе и языковые. Кроме того, сам феномен попечительства способствует передаче социального поведения [5].

Методы

Исследование когнитивной картины мира является актуальным научным направлением, значение которого огромно теоретически и практически. В этом плане концепт «попечительство» может рассматриваться с помощью традиционной, так и синергетической методологии:

1) Метод дескриптивного анализа, с помощью которого произведён тщательный отбор литературы по поставленной в исследовании проблеме и её изучение для установления общих и частных закономерностей лингвистических и экстралингвистических факторов. 2) Интроспективный метод, на основе которого построен основной способ изложения информации – принцип свободного изъяснения материала. 3) Приём междисциплинарной интеграции, включающий в себя историографический анализ и лингвистические методы: лексико-семантический, этимологический, морфологический и лингвокультурологический, – которые помогли определить внутреннее содержание (смысловой объём) концепта «попечительство».

Результаты

В рамках проведённого исследования выявлено, что в русской языковой картине мира концепт «попечительство» занимает особое место, так как отражает духовное самосознание и самовыражение личности. В целом альтруизм и направленность на социальную жизнь являются характерными чертами русского человека [7]. Но в

отличие от благотворительности, представляющей собой совокупность альтруистических действий, направленных на улучшение жизни членов социума, попечительство – это социальный институт, деятельность которого регламентируется нормативно-правовыми документами. Благотворительность способствует осознанию и устранению затруднений личностного, социального, экономического и духовного характера, основана на добровольном пожертвовании средств при оказании помощи гражданам. «Акцент благотворительности делается на ценностно-мотивационную сторону человеческой деятельности» [6]. Попечительство же в русской языковой картине мира – система законодательно оформленных, нормативно регулируемых мероприятий по защите прав и интересов несовершеннолетних и недееспособных лиц и их опеке (надзоре за их действиями).

Обсуждение

«Попечительство» как концепт русской языковой картины мира

В эпоху петровских реформ наряду с безвозмездной благотворительной деятельностью, возникшей на Руси с принятием христианства и существовавшей вначале в форме милостыни, появляется форма попечительства в виде церковно-монастырской поддержки и приходской системы защиты нуждающихся. На духовенство было возложено попечение и надзор над общественным призрением (Указ 7 ноября 1775 года), который разрешался только Высочайшей властью. Так постепенно начинает оформляться государственная организационная форма попечительства и частной благотворительности. На рубеже XVII–XVIII вв. заложены основы государственного и общественного призрения, которое основано на сострадании, религиозных верованиях, нравственных воззрениях, патриотизме, сознании гражданской солидарности между членами общества, желании получить признательность со стороны правительства, которое таким образом пыталось устранить социальную напряжённость. Сложившаяся правительственная практика предусматривала партнёрские отноше-

ния, когда ответственность со стороны государства и частных лиц (по Гавлину М. Л., «просвещённых благотворителей») была равной. Однако по этой же причине должность попечителей образовательных учреждений порой воспринималась как повинность [2]. Развитие российского института попечительства продолжилось и в XIX веке. Именно в этот период заложена уникальная модель правительственного попечения – форма государственной службы и социального института, закреплённого нормативно-правовыми документами. Так, в первой половине XIX века впервые вводится институт почётных попечителей, смотрителей и блюстителей из представителей дворянства, купеческого сословия, промышленников для попечения об училищах и гимназиях в хозяйственном и нравственном отношении во главе с губернатором, в обязанности которого вменяется две функции – попечителя и надзирателя. Во второй половине XIX века император Александр II и правительство развивают партнёрские отношения с бизнесом и общественностью и становятся гарантами попечительства в разных сферах общественной жизни, особенно в сфере народного образования, под которым подразумевается исторически сложившаяся общенациональная система образовательно-воспитательных учреждений и органов управления ими, действующая в интересах воспитания подрастающих поколений и отвечающая за социализацию детей [3]. В 1899 г. опубликовано собрание сочинений русского историка, правоведа и публициста К. Д. Кавелина, где в разделе «Наука и университеты» (Т. 3) точно определена суть попечительства: «Попечитель есть орган правительства относительно университета, которому предоставлено, посредством своих учреждений и должностных лиц, заведовать своими делами» [2]. В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона к отличительным особенностям попечительства относятся: во-первых, организация, которая может осуществляться двумя способами – по отношению к получающим помощь и к оказывающим её; во-

вторых, субъектом попечительства являются земства, учебные округа; в-третьих, мотивы деятельности, проявляющиеся в осознании гражданской солидарности членами попечительской общины, общественный интерес, забота правительства о благе населения; в-четвёртых, цель попечительства – разумное обеспечение нуждающихся и борьба с нищетой.

Следовательно, со временем благотворительная деятельность, регулируемая Евангельскими канонами, приобрела основание в виде нормативно-правовых документов, процесс принятия которых контролируется на государственном уровне, и стала существовать параллельно в двух формах – 1) попечительство (общественное призрение, прежде всего связанное с созданием стройной системы попечительства о народном образовании, основанной на законодательных актах [3], с последующей его трансформацией в государственную службу); 2) бескорыстная и безвозмездная, прежде всего финансовая, поддержка попечительства частными лицами.

Языковое содержание концепта «попечительство»

Этимологический анализ слов «попечительство», «попечение», «попечитель» указывает на тот факт, что они имеют один и тот же старославянский корень -пек- / -печ(а)- (в общеславянском языке означал «забота» (см. Шанский Н. М. и др. «Этимологический словарь русского языка» (М.: Дрофа, 2004)) и восходят к заимствованному из польского языка в XVI веке «опека», которое буквально означало «управление» и являлось словообразовательной калькой латинского слова *procuratio* «опека, управление». В древнерусском языке было много заимствований с этим корнем: «печа», «печаль» – 1) забота, попечение (мирские печали); 2) грусть, скорбь (по этимологическому словарю М. Фасмера); «печальник» – попечитель, заступник, покровитель (о земле великой печальник) (И. И. Срезневский «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902)); «печаловатиса», «печаловати», «печа-

люю», «печися» – заботиться, хлопотать, просить, «опекувати», «опекальник» – работа, старание (см. Абрамов Н. «Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений» (М. : Русские словари, 1999) и другие. Отметим, что эти слова были многозначными, например, прилагательные «опечаленный» и «печальный» означали тревожный, беспокойный, заботливый (ср.: «О том царю за весь мир печися» слово «печися» имеет значения «заботиться», «радети», «беречи», «делать с сердцем» (по данным «Словаря церковнославянского и русского языка»)). В последующем слово «печися» трансформируется в новую форму «печся» и расширяет своё толкование. Теперь оно означает хлопоты и участие, беспокойное попечение, радушное беспокойство о ком или о чём-либо. Производное «заботник м., -ница ж.» означает попечитель, стратель, радитель, кормилец. Именно от слова «печися» образуется «попечение» (более подробно см. «Полный церковнославянский словарь» Г. Дьяченко, 1900), имеющее в современном русском языке синонимы – забота, курация, опека, покровительство, попечительство; призор, призрение, присмотр, радение, рачение (архаизмы).

В дореволюционной научно-справочной литературе понятия «опека» и «попечительство» рассматриваются как тождественные. Так, в «Энциклопедическом словаре Русского библиографического института Гранат» подчёркивается, что опека и попечительство – юридический институт [Т. XXX, с. 607], цель которого – защита, охрана прав и интересов лиц, которые не в состоянии осуществлять свои права и оберегать интересы. В «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний», изданном в 1864 году под редакцией В. Р. Зотова и Ф. Толля, уже отмечается разница в трактовании данных понятий: опекун – юридическое лицо, ответственное за сохранность имущества опекаемого; попечитель – человек, который, управляя имением, заботится о приращении достатка. В «Энциклопедическом словаре» (СПб. : Типография И. А. Ефрона, 1897) указано, что в отличие от терминов «опека» и «опекун» зна-

чения слов «попечение», «попечительство» и «попечители» соединялись с правомочием на управление имуществом. Это выборная «должность», так как попечители назначались сословными органами и обязательно утверждались властями.

В последующем понятие «попечительство» расширило своё лексическое значение. От заботы о судьбе конкретного лица к попечению о целых отраслях жизни общества. В «Словаре церковнославянского и русского языка» (СПб., 1847) впервые даётся определение понятия в сфере образования. Оно рассматривается как государственная функция в отношении образовательной сферы («попечение правительства о народном образовании») и трактуется как забота о ком или о чём-либо. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля зафиксировано понятие «государственное попечительство», которое трактуется как «место, должность, званье, округ попечителя, весь состав этого управления».

Очевидно, что до 1917 года «попечительство» означало государственную службу и подразумевало правовую защиту опекаемых, а «попечитель» – назначаемое на эту службу лицо.

В современном обществе «попечительство» трактуется с разных научных точек зрения: в юриспруденции это одна из **правовых форм защиты** личных и имущественных прав и интересов граждан, регулируемая гражданским и семейным законодательством (slovar.cc/pravo; дата обращения 17.08.2015); в экономике – одна из правовых форм защиты личных и имущественных прав и интересов граждан; регулируется гражданским и брачно-семейным законодательством. <...> Попечители дают согласие на совершение тех сделок, которые граждане, находящиеся под попечительством, не вправе совершать самостоятельно. Попечители оказывают содействие в осуществлении ими своих прав и исполнении обязанностей, а также охраняют их от злоупотреблений со стороны третьих лиц (enc-dic.com/economic; дата обращения 15.10.2015); в педагогике – форма защиты прав, интересов, содержания, воспитания

и образования несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет; попечительство осуществляется безвозмездно (slovar.cc/enc/ped; дата обращения 17.08.2015); в социологии – работа, связанная с поддержкой людей, которые из-за физической немощи, хронической болезни или других форм неспособности не могут вести самостоятельный образ жизни. Это услуги агентов организаций, **учреждённых законом**, добровольных или частных (diclist.ru/slovar/sociologicheskij; дата обращения 17.08.2015).

Заключение

Россия часто подвергалась социальным трансформациям. И сегодня общество испытывает серьёзные кризисные изменения, что приводит к нарушению привычного жизненного уклада людей, усиливает их личную неустроенность. В условиях трансформационных процессов благотворительность и попечительство сглаживают социальные противоречия, способствуют повышению устойчивости социального порядка. Вот почему эти концепты занимают особое место в русской языковой картине мира. Они как формы проявления милосердия раскрывают особенности национального менталитета – русского языкового сознания. В их основе лежит идея сострадания и милости по отношению к страждущим. Но сегодня значения этих концептов смешивают.

Лингвокультурологическое описание вербализованного в системе языка концепта «попечительство» выявило, что эти понятия не тождественны. Изначально попечительство было формой благотворительности, но в XIX веке оформилось как социальный институт, деятельность которого регулировалась законодательно, а благотворительность стала выступать как одна из форм его финансовой основы. Результаты представленного исследования могут быть использованы при чтении курсов «Межкультурные коммуникации», «Русский язык как иностранный», «Лингвострановедение», а также в учебной лексикографии.

Библиографический список

1. Воркачёв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004.
2. Галиуллина С. Д. Методологические основы попечительства как социального института // Власть. – 2010. – № 8.
3. Галиуллина С. Д. Попечительство как форма государственной службы в Российской Империи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 9 (113).
4. Герье В. И. По поводу статьи в «Русском Вестнике»: К университетскому вопросу // Вестник Европы. – 1876. – № 10.
5. Карабулатова И. С., Ким Л. И., Галиуллина С. Д., Азнабаева Г. Х., Ираева Н. Г., Коннова О. А. Особенности интеграционных инклюзий в социально-психолого-медицинской реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья в контексте работы обществ национальной культуры // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. – Москва : Уфа : Ростов-на-Дону, 2015. – С. 158–162.
6. Логунова Е. Г. Феномен милосердия: опыт социально-философского анализа : автореф. дис. на соискание к.ф.н. – Ижевск, 2010.
7. Федулов А. М., Кареева С. Г., Карабулатова И. С., Ахметова Б. З., Истамалин Р. С. феномен «русской души» и традиция русского консерватизма: новые теоретико-методологические подходы и обыденное восприятие консерватизма // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. – Москва; Уфа; Ростов-на-Дону, 2015. – С. 103–112.

Bibliograficheskiy spisok

1. VorkachYov S. G. Schaste kak lingvokulturniy kontsept. – M. : ITD GK «Gnozis», 2004.
2. Galiullina S. D. Metodologicheskie osnovyi popechitelstva kak sotsialnogo instituta // Vlast. – 2010. – № 8.
3. Galiullina S. D. Popechitelstvo kak forma gosudarstvennoy sluzhbyi v Rossiyskoy Imperii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2012. – № 9 (113).
4. Gere V. I. Po povodu stati v «Russkom Vestnike»: K universitet-skomu voprosu // Vestnik Evropyi. – 1876. – № 10.
5. Karabulatova I. S., Kim L. I., Galiullina S. D., Aznabaeva G. H., Iraeva N. G., Konnova O. A. Osobennosti integratsionnykh inkluziy v sotsialnopsihologo-meditsinskoy reabilitatsii lits s ograniченными возможностями здоровья v kontekste rabotyi obshchestv natsionalnoy kulturyi // Sotsialno-ekonomicheskie i gumanitarno-filosofskie problemyi sovremennoy nauki. – Moskva; Ufa; Rostov-na-Donu, 2015. – S. 158–162.

6. Logunova E. G. Fenomen miloserdiya: opyt sotsialno-filosofskogo analiza : avtoref. dis. na soiskanie k.f.n. – Izhevsk, 2010.
7. Fedulov A. M., Karepova S. G., Karabulatova I. S., Ahmetova B. Z., Istamgalin R. S. fenomen «russkoy dushi» i traditsiya russkogo konservatizma: novyye teoretiko-metodologicheskie podhody i

obyidennoe vospriyatie konservatizma // Sotsialno-ekonomicheskie i gumanitarno-filosofskie problemy sovremennoy nauki. – Moskva : Ufa : Rostov-na-Donu, 2015. – S. 103–112.

© Галуллина, С. Д., Кобякова Т. И.

**К ВОПРОСУ О СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
(на материале ЛСП «Государственное управление»
в русском языке новейшего периода)**

Г. А. Заварзина

*Доктор филологических наук, доцент
Воронежский государственный
педагогический университет
г. Воронеж, Россия*

**TO THE QUESTION ABOUT SYSTEMATIC LINK
IN THE STRUCTURE OF LEXICAL-SEMANTIC FIELD
(on the base of LSF «State government» in modern Russian language)**

G. A. Zavarzina

*Doctor of Philological Sciences, assistant professor
Voronezh State Pedagogical University
Voronezh, Russia*

Abstract. The given article is devoted to research of systematic organization's features of LSF «State government» in modern Russian language. Special attention is paid to analysis of paradigmatic, syntagmatic and derivational links between the language units and thematic groups of the researched field. There is made an important conclusion that processes of the active formation of new systematic links and relations between the structural elements of lexical-semantic field «State government» attest to dynamical development of the lexical-semantic subsystem of State administration in general.

Keywords: lexical-semantic field; state government; thematic group; systematic links; paradigmatic links; syntagmatic links; derivational links.

Положение о системности лексико-семантического поля русского языка и его многоуровневой организации в настоящее время не вызывает сомнений и в современной науке является одним из наиболее приоритетных. Признавая системный характер лексики русского языка, ученые традиционно выделяют основные направления ее исследования, связанные с изучением лексической системы по предметным (тематическим или лексико-семантическим) группам (в работах М. М. Покровского [3], А. А. Уфимцевой [5] и др.) или по понятийным и семантическим полям (в работах З. Д. Поповой и И. А. Стернина [4], О. В. Загорской [2] и др.). Безусловно, единым для названных ученых является основание выбранного исследования – понятие «семантическое поле», в структуре которого ученые считают обязательным выделение «лексико-семантических групп, синонимических рядов и других группировок слов и даже

совокупностей лексико-семантических вариантов слова» [3, с. 55], входящих в парадигматические, синтагматические и ассоциативно-деривационные отношения.

Исследование одного из доминантных лексико-семантических полей языковой картины мира русского народа – ЛСП «Государственное управление» – показало, что между языковыми единицами и тематическими группами (ТГ) исследуемого поля существуют достаточно прочные системные отношения, представленные на уровнях парадигматики, синтагматики и деривационных связей.

Парадигматические (так называемые нелинейные) связи в лексико-семантическом поле государственного управления представлены, прежде всего, системными отношениями таксономии, синонимии и антонимии.

Так, например, таксономическими взаимоотношениями рода и вида связаны некоторые словесные знаки, формирую-

щие ядро исследуемого поля: *управление* (ср.: *электронное управление, рыночное управление, управление без правительства, сетевое управление, результативное управление и др.*) и *руководство* (ср.: *путинское руководство, кремлевское руководство и др.*), а таксономические отношения части и целого весьма характерны для языковых единиц, номинирующих понятия и явления подсистемы политико-административного управления (ср.: *сетевое правительство – сетевые управленческие структуры, сетевые инструменты, сетевые блага; государственная услуга – получатель государственной услуги, паспорт государственной услуги, стандарт государственной услуги и др.*).

Достаточно разнообразными в лексико-семантическом поле «Государственное управление» в новейший период развития русского языка являются отношения синонимии (ср.: *премьер-министр – премьер, председатель правительства, глава правительства; мэр – глава администрации города – градоначальник; спикер – председатель верхней палаты Федерального Собрания; правительство – кабинет министров; Сенат – Совет Федерации – верхняя палата Федерального Собрания и др.*) и антонимии (ср.: *вертикаль власти – горизонталь власти и др.*), которые наиболее характерны для слов и словосочетаний, именующих органы российской государственной власти и управления. Отмеченное явление отражает, по мнению многих ученых, процессы утверждения в языке масс-медиа системы неофициальных наименований органов государственной власти и их должностных лиц, которая, возможно, может считаться прообразом новой унифицированной системы официальной государственно-административной терминологии.

Формирование и закрепление в русском языке начала XXI века принципиально новых синонимических связей и отношений, охватывающих лексико-семантическую подсистему «Государственное управление», несомненно, свидетельствует о динамике ее развития и трех направлениях трансформаций, проявляющихся: а) в оксидентализации рус-

ского государственно-управленческого языка, б) в актуализации номинаций, отражающих реалии дореволюционной и советской действительности, в) в закреплении и использовании самобытных наименований [1].

Вместе с тем, языковым единицам исследуемого лексико-семантического поля свойственны синтагматические (линейные) связи, которые проявляются, прежде всего, в устойчивых словосочетаниях, обнаруживающихся в составе различных ТГ. Ср.: ТГ «Наименования органов государственной власти и управления» (*государственное управление, исполнительный комитет*), ТГ «Номинации видов деятельности органов государственного управления и их специфика» (*административный ресурс, ручное управление, государственная услуга*), ТГ «Наименования разновидностей государственного управления» (*общественные приемные, совещательная площадка, политическая сеть*), ТГ «Наименования государственных документов» (*целевая программа, административная реформа, бюджетное послание*), ТГ «Обозначения отрицательных явлений в сфере государственного управления» (*системная коррупция, правительственный кризис*), ТГ «Номинации из сферы избирательной системы государства» (*проходимость кандидатуры, ЦИК*), ТГ «Наименования партий и лиц по партийной принадлежности» (*непарламентская партия, партия Путина*), «Наименования, связанные с государственным устройством и административно-территориальным делением» (*депрессивный регион, Субъект Федерации*).

Деривационные связи и отношения, активно развивающиеся под влиянием различных словообразовательных процессов, также широко представлены в лексико-семантическом поле «Государственное управление». В качестве производящих единиц для образования многочисленных дериватов в исследуемом языковом поле в настоящее время выступают производные (ср.: *управлять – управление, управленческий, управляемый, управляемость, управленец; де бюрократизировать – де бюрократизация и др.*) и непроизводные русские

(ср.: *дума – думец, думский, сила – силовой, силовик* и др.) и иноязычные (ср.: *аппарат – аппаратный, аппаратчик, коррупция – коррупционер, коррупционный, коррупциоземкий, коррумтированный, коррумтированность* и др.) лексические единицы.

Очевидно, что многочисленные системные связи обнаруживаются не только между языковыми единицами тематических групп лексико-семантического поля «Государственное управление» современного русского языка, но и между самими ТГ. Наиболее ярко представленными являются парадигматические отношения рода и вида, которыми связаны многие единицы ТГ «Номинации, формирующие подсистему экономического управления», «Номинации, формирующие подсистему политико-административного управления», «Номинации, формирующие подсистему социального управления» (ср.: *государственное управление – политико-административное управление, экономическое управление, системное управление* и др.).

Таким образом, можно утверждать, что лексико-семантическое поле государственного управления в русском языке новейшего периода переживает этап ускоренного динамического развития, о чем свидетельствуют процессы активного формирования новых системных связей и отношений между структурными элементами исследуемого поля.

Библиографический список

1. Заварзина Г. А. Русская лексика государственного управления: история формирования и современные процессы развития : дис. доктора...филол. наук. – Воронеж, 2015. – 381 с.
2. Загоровская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : ИРЯ, 1990. – 299 с.
3. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.
4. Полевые структуры в системе языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляева и др.; науч. ред. З. Д. Попова. - Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 196 с.
5. Уфимцева А. А. Смысловые связи слов в пределах лексико-семантической группы // Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). – М. : изд-во Академии наук СССР, 1962. – 287 с.

Bibliografickij spisok

1. Zavarzina G. A. Russkaja leksika gosudarstvennogo upravlenija: istorija formirovanija i sovremennye processy razvitija : dis. dokto-ra...filol. nauk. – Voronezh, 2015. – 381 s.
2. Zagorovskaja O. V. Semantika dialektnoj slova i problemy dialektnoj leksikografii / отв. red. Ju. N. Karaulov. – М. : IRJa, 1990. – 299 s.
3. Pokrovskij M. M. Izbrannye raboty po jazykoznaniju. – М. : Izd-vo AN SSSR, 1959. – 382 s.
4. Polevye struktury v sisteme jazyka / Z. D. Popova, I. A. Sternin, E. I. Beljaeva i dr.; nauch. red. Z. D. Popova. - Voronezh: izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1989. – 196 s.
5. Ufimceva A. A. Smyslovyje svjazi slov v predelah leksiko-semanticheskoj gruppy // Opyt izuchenija leksiki kak sistemy (na materiale anglijskogo jazyka). – М. : izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. – 287 s.

© Заварзина Г. А., 2016

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МНОГОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКАХ

З. М. Исламов

*Доктор филологических наук, профессор
Ташкентский исламский университет
г. Ташкент, Узбекистан*

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF MULTILINGUAL WORKS IN EASTERN LANGUAGES

Z. M. Islamov

*Doctor of Philological Sciences, professor
Tashkent Islamic University
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The eastern classic literature often contains peculiar kinds of works in multiple languages. This can be explained by the fact that local people had a good command of several languages, including Arabic, Persian, Turkic and were able to create works in these languages. Competence in these languages ensures the authenticity of translations of a work in other languages. Undoubtedly, Mahmud Zamakhshari's *Muqaddamatu-l-Adab* is one of such works. Presently, there are over 70 different copies of the work, (bilingual) Arabic- Persian, Arabic-Turkic, (trilingual) Arabic-Persian-Turkic and (quadrilingual) Arabic-Persian-Turkic-Mongolian. N. Poppe, Mongolian studies scholar, explored and translated the work's Mongol word list on the basis of its Turkic part. Since the work was originally written in Arabic, literal translation of phrases changed their meaning. The article focuses on the translations in the N. Poppe's *Mongolian dictionary Muqaddamatu-l-Adab* that were analyzed and studied comparatively with reference to the copies in Arabic and Persian.

Keywords: Mahmud Zamakhshari, N. Poppe, *Muqaddamatu-l-adab*, bilingual Arabic- Persian, Arabic-Turkic, trilingual Arabic-Persian-Turkic and quadrilingual Arabic-Persian-Turkic-Mongolian, manuscript, authentic text, translation.

Восточная классическая литература выделяется своей многосторонностью и огромными возможностями применения художественного стиля. Высокий художественный уровень представленных трудов требует от переводчика большой ответственности, глубоких знаний восточных языков и богатого опыта. Как известно, переводы в основном осуществляется с одного языка на другой. Для высокого уровня перевода произведения требуется знание двух восточных языков в совершенстве. В нашем богатом духовном наследии есть такие произведения, для перевода которых недостаточно знать двух восточных языков. В качестве примера можно привести двухязычные, трехязычные и четырехязычные словари. Незнание языка текста оригинала приводит к искажению смысла перевода. Одним из таких уникальных произведений считается труд Махмуда Замахшарий «Мукаддамату-л-адаб» «Введение в

изящную словесность». В настоящее время рукопись этого единственного в мире уникального четырехязычного арабо-персо-тюрко-монгольского произведения хранится в Музее литературы имени Алишера Навои в Ташкенте. Нам известно, что Н. Н. Поппе перевел и исследовал тюркский и монгольский пласт словаря [7, с. 6.]. Но арабский и персидский варианты словаря не были привлечены к исследованию. Ученый при передачи смысла тюркских слов, сочетании и фраз опирался на монгольский пласт словаря. Это привело к неправильному толкованию некоторых тюркских слов и глаголов. Автор указывает на то, что произведение с оригинала на арабском языке было переведено на монгольский и тюркские языки дословно. Н. Поппе тоже, в свою очередь, перевел дословно слова и в результате смысл текста отделился от значения оригинала. Например, [3,

с. 393.2] фраза «қонини олди андин» Н. Поппе переводит как «пустил ему кровь» [7, II. с. 135], что меняет смысл фразы «у него взяли кровь». Но, «қассаху мин фуланин» глагол с арабского означает «отомстил кому-то, взял реванш» [1, с. 639]. Персидский вариант «қасос кашидаш аз фулон» означает «взял реванш у кого-то». Выше упомянутая фраза на тюркском «қонини олди андин» дано в этом значении, именно «отомстить, взять реванш». Это значение подтверждает и другие части труда: [4, с. 129.3] «қасос гирифт аз фулан», «қасос олди фаландин», [5, с. 88.5] «қасос ситонад барои вай, қасос олди андин фалан учун», «он отомстил ему».

Таким образом, приведенная выше фраза – «взял реванш», «отомстил» полностью передает смысл и соответствует значению оригинала.

Арабское словосочетание «инжазамал-фёьлу» в тюркском словаре переводится как [3, с. 432а.3] «мажзум бўлди фёьл» – «глагол поставлен в усеченной форме». В словаре Н. Поппе это предложение переведено как «дело было решено» [7.1.235]. Глагол «инжазама» означает «ставить глагол в усеченной форме». Во вспомогательных списках этот пример приводится как [4.с.176а.1] «жазм бўлди музореъ фёьли», [5, с. 116а.7] «кесилди фёьл сўнги харакатдин» – «глагол поставлен в усеченной форме». В обеих рукописях глагол одинаково переводится, то есть речь идет об условном наклонении глагола. Соответственно, фразу «мажзум бўлди фёьл» необходимо комментировать как «глагол находится в условном наклонении».

Хоть переводы некоторых глаголов внешне кажутся правильными, но при сравнении с арабским оригиналом и персидским вариантом выясняется, что перевод не отражает смысл оригинала. В частности [3, с. 224а.3] глагол «зафара» в арабском означает «глубоко вздохнул, тяжело вздохнул». В вышеупомянутой работе Н. Поппе его тюркский вариант «совук тинди» [7.II.226] переведен как «холод закончился». Здесь этот глагол хоть по форме означает «холод

закончился», но в данном тексте подходит перевод «глубоко вздохнул».

В произведении [3.224а.3] глагол «саббахум» дается как «танкля эрта келди анлар уза». Вышеупомянутая фраза в работе Н. Поппе [7.II.233] прокомментирована как «завтра рано утром пришел к нему». Этот перевод не совпадает со значением глагола в арабском языке и не подходит по форме. Значит, эту фразу соответственно надо перевести как «рано утром пришел к нему» или «ранним утром пришел к нему».

Другой пример, в словаре Н. Поппе «кунаш бўлди кунимиз» переведено как «солнце было жарким» [7.II.423]. Арабское «шамаса йавмуна» в произведении на тюркский язык [3.229а.4] переводится как «кунаш бўлди кунимиз» «день был очень жаркий» [2.326]. В арабском языке слово «йавмун» имеет значение только день. Поэтому вышеупомянутое предложение нужно перевести не как «солнце было жарким» а «день был очень жаркий». Этот контекст подтверждает и вспомогательный список источника [5. 7а.1] – «куйашлу бўлди кунимиз».

Неправильное произношение тюркского слово тоже приводило к искажению смысла слов в произведении. Например: [3.224.3] арабский глагол «замара» на персидском варианте приводится как «най зад», а на тюркском «тутук урди» – «играл на флейте». Н. Поппе этот глагол переводит как «закинул занавес, закрыл занавесом» [7.II.129]. Слово «тутук» имеет два значения, первое «занавес», второе «флейта» [8.III.1572]. Также этот глагол можно произнести «урди» и «хурди». Глагол «ур» произносится твердо и означает смысл «бить» [2.614], если произносить мягко, то означает «дуть» [2.626]. В дополнительных списках данный глагол [5.5а.2] комментируется как «играл на флейте». Эквивалент глагола на персидском «най зад» передан правильно как «играть на флейте». Если анализировать монгольский вариант словаря, то слово «чавур» – «флейта»

прочитано в виде «чадур» – «занавес», которое привело к неправильному пониманию смысла глагола. Основываясь на вышеперечисленных доводах этот глагол необходимо привести в форме «тутук урди» и перевести в виде «играть на флейте».

Фраза на арабском «тафассаха фи каламихи» [3.488 б.2] на тюркский язык переведена как «уз сўзлади сўзи ичинда» – «искусно говорил слово». В словаре Н. Поппе фраза «ўзи сўзлади сўзи ичинда», то есть комментирован как «сам говорил между его словами». Как мы предполагаем, автор слово «ўз» – «искусно» [2.620] прочитал как «ўзи» «сам» и это привело искажению смысла слово. В другой копии этот глагол переведен как [4.189а.9] «фасихлик кўргазди сўз ичинда» – «искусно говорил в своей речи». Вариант на персидском языке тоже полностью передает смысл фразы «фасоҳат намудеш дар сухан» – «искусно говорил в своей речи».

В некоторых примерах неправильное произношение букв приводило к изменению смысла глагола, фразы. Например, арабский глагол [3.314б.4] «шабақа» передается на тюрки как «шахвати атик бўлди» – «он был сладострастным». Слово «шахват» – «сладострастие» Н. Поппе прочитал как «шухрат» – «слава» и комментировал его как «его слава быстро распространилась» [7.П.154]. В копиях этот глагол переведен как [4.78а.1] «орзулуғ бўлди жимоъга», [6.39б.7] «бийик шахват бўлди» – «он был сладострастным».

Сравнение тюркских глаголов рукописи с арабскими и персидскими вариантами выявило некоторые неточности в словаре Н. Поппе, например слово «дод» – «жалоба» встречается дважды [3.521б.4] «дод тилади султондин» – «он жаловался правителю» [7.П.137]. Второй глагол приводится в форме «дор тилади андин» – «дом просил у него» [7.П.133]. В оригинале труда не встречается вариант «дор тилади андин» – «дом просил у него». Кроме этого, в «Муқаддамату-л-адаб» слово «дор» не использовано в смысле «дом». Из

вышеизложенных ясно, что фраза «дор тилади андин» не означает «он попросил дом», а должна быть переведена как «он пожаловался ему».

С арабского «такаййаха-л-журху» [3.502б.4] означает «рананагноилась». Эта фраза на тюркском передается в виде «иринглади йара», а на монгольском «иралаба йара». В словаре Н. Поппе монгольский вариант переводится как «рана затянулась» [7. П.197]. В данном случае речь идет не о излечении, а о воспалении раны. Это подтверждают и другие копии источника: [4. I24а] «иринглади қот» – «рананагноилась».

Сравнение вышеизложенного произведения Н. Поппе с базовым источником вносит ясности в перевод некоторых глаголов. Из-за отсутствия вариантов словаря Н. Поппе на арабском и персидском языках сравнивался вариант на монгольском языке, [3.236а.1] глагол «хатафаху» на тюркском приводится как «карди ани», на монгольском – «кармаба туни». Монгольский глагол «кармаба туни» у Н. Поппе комментируется на тюркском как «кармади ани» [7.П.294]. Глагол «хатафаху» с арабского переводится как «задержать его, поймать его» [1.227]. В данном примере более уместно приводить глагол в форме «кармади ани» – «задержал его, поймал его».

В основном списке [3.263а.2] арабский глагол «аддат ад-дахийату» переведен как «тилди анқа уйиқ бало». Здесь глагол «тилди» не передает смысл арабского глагола «попасть, натолкнуться». У Н. Поппе монгольский «курба тунду йэкэ бала [7.П.229] комментирован как «тэгди анқа улук бало» – «он попал в беду». Монгольский вариант глагола аналогичен с формой глагола в рукописи. Значит, вышеприведенный тюркский вариант «тилди» должен замениться вариантом «тегди». В этом случае он полностью раскрывает значение арабского глагола «он попал в беду».

В рукописи [3.513а.1] арабский глагол «истаъмара» на тюркский переведен как «изоҳат тилади», а на монгольском «ижозат эрибэ». Тюркское слово «изоҳат» означает «отдалиться, оградиться». Как

видно, это слово не передает смысл арабского глагола. И поэтому данный глагол на тюркском языке целесообразно передать как «ижозат тилади» – «просил разрешение».

Тюркский вариант «шифо тилади андин» – «попросил у него исцеления» кажется правильным переводом. Арабский вариант глагола «исташфааху» означает «попросил у него защиты». Но в словаре Поппе тюркский вариант переводится как «шафаъат тилади андин» – «попросил у него прощения, попросил у него защиты». В данном случае переписчик слово «шафоат» «защита» переписывает неправильно в виде «шифо» «исцеление».

Смысл фразы [3.233б.4] «илиги остига кэкурди ани» не полностью раскрыт в рукописи. Её монгольский вариант «гардора ачараба туни» в словаре Н. Поппе комментирован по-тюркски «илиги остига кэлурди ани» – «его подчинил себе» [7.П.174]. Значит в рукописи тюркский глагол переписан ошибочно в виде «кэкурди». В данном случае фраза «илиги остига келурди ани» – «его подчинил себе» совпадает со значением арабского глагола «дабатаху».

В тексте рукописи и переводах обнаружены одинаковые ошибки, которые не имеют никакого смыслового оттенка. Взамен их были взяты слова, подходящие по смыслу и контексту. Глагол «казаба бил-амри» – «не доверил работу, объявил работу ложной» в рукописи [3.423.1] переведен на тюркский в форме «итанмади ишни». Этот глагол и в словаре Н. Поппе комментирован как «итанмади ишни» и переведен в смысле «работу не начал». Арабская фраза «казаба бил-амри» означает «не доверил работу, объявил работу ложной». Это значение глагола подтверждают и другие рукописи: [5.95а.] «йолгон кўрди ишни», «ишни ёлгон деб билди» – «не доверил работу, объявил работу ложной». Основываясь на вышеизложенные данный глагол был изложен в виде «инанмади».

Арабское предложение в основной рукописи [3.440а.4] «ваххада-л-лаха таоло» на персидском приводится как «йеки хонд

тэнгри таоло ро» и на тюркском комментируется как «бэрди тэнгри таолони». Значение арабского, персидского и монгольского вариантов совпадают и означают «считал Аллаха единым». Вышеизложенные тюркский и монгольский формы в словаре Н. Поппе «бэрди тэнгри таала», «Аллах дал», «никэн кибэ тэнгри таала» [7.П.252] прокомментированы как «Аллах сделал одним». Тюркский глагол «берди» не совпадает с вариантами на арабском и персидском языках. Этот глагол переведен в других источниках [4.150б.3] как «йалгузлади тенгри таолони», и [5.101б.3] «бирлади тангрини» – «считал Аллаха единым». Значение глагола полностью раскрыт в монгольском варианте, но в словаре Н. Поппе пропущено окончание винительного падежа «йи» и предложение было прочитано как «никэн кибэ тэнгри таала» и в результате был изменен смысл предложения. На монгольском варианте рукописи к слову «таала» прибавлено окончание «йи» винительного падежа.

В заключении можно сказать, что Н. Поппе не собирался исследовать тюркский вариант, он с помощью тюркских слов комментировал монгольский вариант данного труда. Основная часть тюркского словаря прокомментирована правильно, но можно было избежать некоторых недостатков, если бы одновременно сравнивать арабский оригинал и персидский вариант. Поэтому работа над переводом многоязычных текстов требует от переводчика знания всех языков, включенных в произведение.

Библиографический список

1. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М., 1977. (АРС)
2. Древнетюркский словарь. – Л. : Наука, 1969. (ДТС)
3. Махмуд Замахшари. Мукаддаматы-л-адаб. Музей литературы АН РУз, рукопись инв. № 202. (МАО)
4. Махмуд Замахшари. Мукаддаматы-л-адаб. Центр восточных рукописей при ТашГИВ, рукопись инв. № 2699. (МАО)

5. Махмуд Замахшари. Мукаддамати-л-адаб. Центр восточных рукописей при ТашГИВ, рукопись инв. №3807. (МAB)
6. Махмуд Замахшари. Мукаддамати-л-адаб. Центр восточных рукописей при ТашГИВ, рукопись инв. №1497. (МАГ)
7. Поппе Н. Н. Монгольский словарь «Мукаддимат ал-адаб». – Ч. I-III. – М. –Л.: АН СССР, 1938–1939.
8. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I-IV. –СПб., 1893–1911. (РСл).
3. Mahmud Zamahshari. Mukaddamatu-l-adab. Muzej literatury AN RUz, rukopis' inv. № 202. (MAA)
4. Mahmud Zamahshari. Mukaddamatu-l-adab. Centr vostochnyh rukopisej pri TashGIV, rukopis' inv. № 2699. (MAB)
5. Mahmud Zamahshari. Mukaddamatu-l-adab. Centr vostochnyh rukopisej pri TashGIV, rukopis' inv. № 3807. (MAV)
6. Mahmud Zamahshari. Mukaddamatu-l-adab. Centr vostochnyh rukopisej pri TashGIV, rukopis' inv. № 1497. (MAG)
7. Poppe N. N. Mongol'skij slovar' «Mukaddimat al-adab». – Ch. I-III. – M. –L.: AN SSSR, 1938–1939.
8. Radlov V. V. Opyt slovarja tjurkskih narechij. T. I-IV. –SPb., 1893–1911. (RSI).

Bibliograficheskiy spisok

1. Baranov H.K. Arabsko-russkij slovar'. – M., 1977. (ARS)
2. Drevnetjurkskij slovar'. – L. : Nauka, 1969. (DTS)

© Исламов З. М., 2016

**МУЛЬТИЛИНГВИЗМ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ НОВОГО ТИПА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

И. С. Карабулатова

*Доктор филологических наук, профессор
главный научный сотрудник
Институт социально-политических
исследований РАН, Москва, Россия*

**MULTILINGUALISM EURASIAN LANGUAGE PERSONALITY
OF A NEW TYPE IN THE ERA OF GLOBALIZATION
AS A GEOPOLITICAL PROBLEM**

I. S. Karabulatova

*Doctor of Philological Sciences, professor
chief researcher
Institute for Socio-Political Studies RAS
Moscow, Russia*

Abstract. In the period of post-Soviet states the problem of multi-linguistics and the formation of multilingualism become more urgent. Modern electronic-information society raises the question of the choice of language of communication and thinking language. Entropy processes inevitably entail the phenomenon of interference, intervention (capture the scope of the language), attrition (deterioration of language) that accompany the process of multilingualism, affecting the processes of learning new languages and the preservation of the native language. Modern society is involved in the world of digital technology and communications; it remains split in the social, ideological, cultural and national relations. Since 2013 the problem of inter-ethnic tensions in the migration situation came to the forefront and continues to be topical in the world. In this regard, of particular relevance acquire an interdisciplinary understanding of the issue, the integration of knowledge from different areas into a single system to address urgent and complex scientific and theoretical and practical problems. Researchers justifiably raise the question of the need to correct Russian grammar in new Millennium.

Keywords: migration; linguistic activity; geopolitics; linguistic security; electronic digital society.

Введение

Полиаспектность современного общества заставляет нас тщательно выбирать средства доставки информации, а также вербально-невербальные составляющие языка любого сообщения, поскольку явления культурного шока, лингвистического шока при интенсивных миграционных потоках усиливают различные этнические рассогласования в структуре личности. Система глобальной сети Интернет, «размытая» идентичность, вызывает к необходимости поиска новых путей осуществления национальной политики, прежде всего, в сфере межэтнических отношений. На наш взгляд, использование как интерактивных технологий, так и живой тренинговой работы для этнолингвопропедевтики этнических конфликтов принесет ощу-

тимый эффект в условиях современной глобализирующейся среды.

Международная миграция в привлекательных для мигрантов российских регионах формирует до 50 % новых мигрантов, прежде всего из стран СНГ и Таможенного Союза. Однако последние события на Украине и на Ближнем Востоке спровоцировали новое глобальное «переселение народов», внося в коррективы в лингвоментальные стереотипы народов-контактеров. В этих условиях становление евразийской языковой личности нового полилингвоментального типа в условиях национально-конфессионально-англо-русского и русско-национально-конфессионально-английского триязычия и изучения дополнительного языка – это объективный процесс действенности языковой политики в подготовке современного конкурентоспособного и мо-

бильного специалиста в условиях глобализации. В этом контексте при формировании такой личности этнические дифференциации, равно как и общие речевые дисфункции, хотим мы того или нет, выступают на передний план при усвоении и русского языка и других иностранных языков.

Методы и материалы

Предварительно проведенный нами мониторинг открытых источников показал, что в общей сложности в 2013–2014 гг. произошло 1610 этнически мотивированных конфликтных действий различной степени интенсивности (от размещения ксенофобного контента в Интернете до массовых столкновений с применением оружия и смертельными исходами). Сегодня мы видим тенденцию к смешению разнородных этнокультурных элементов не только в обществе, но и в психике конкретного человека, что может привести к появлению психоподобных вербально-паравербальных симптомокомплексов [1].

Структура и содержание этнической идентичности смоделированы на основе анализа ассоциативных связей в вербально-ассоциативной сети индивида, которые актуализируются при восприятии этнически маркированной информации. Данная работа представляет собой пионерскую попытку комплексного подхода к решению проблем этнической напряженности на основе лингвистических, математических и социологических, психологических методик исследования трансформации ментального пространства личности.

Эти данные были подвергнуты дополнительному анализу для выяснения динамики и качественных характеристик этнически окрашенных материалов. Трансграничность и оперативность интернет-сми и блогосферы лишают чиновников на местах возможности «замаять» межэтнические конфликты и /или подать их как бытовые, избежать нагнетания ситуации и перерастания ее в социальный взрыв. Мониторинг и последующее прогнозирование мы предлагаем проводить с учетом ранжирования основных факторов межэтнической напряженности: от неконтролируемой миграции и ксенофобии до рас-

пространения радикального ислама и активности других государств [3].

Большинство факторов являются общими, но некоторые имеют региональную специфику (например, противостояние элит и кланов и т. п.). Актуальность работы объясняется необходимостью поиска путей официального социомоделирования стабильности межэтнических отношений, сохранения и развития взаимопонимания в межэтническом, межконфессиональном, межкультурном общении, разработке методик в сфере этносоциопропедевтики и лингвопедагогики. Скрытые негативные установки, содержащиеся в СМИ-дискурсе, вызывают этническое напряжение, проявляющееся как на уровне бытовых конфликтов, так и в более широких масштабах. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации язык рассматривается как один из объектов информационной безопасности. Предлагаемое исследование ориентировано на теоретико-практическое осмысление Доктрины информационной безопасности России, «Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года» и «Государственной Программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Результаты исследования могут стать базой для разработки теоретических понятий новой государственной «Концепции национальной политики РФ» в становлении единой целостной общероссийской гражданской идентичности.

Дискуссия

При разработке мы использовали тенденции развития мирового образовательного пространства, которые могут быть охарактеризованы как комплексная этнолингвокоррекционная методика. Совмещение различных методов дает коррекцию как психологической, так и лингвистической составляющей личности как таковой, что обеспечивает пропедевтику межэтнических рассогласований в социуме. С этой целью мы предлагаем этносоциопропедевтический подход, который является теоретико-методологической базой поликоммуникативно-этнокогнитивной модели про-

филактики межэтнических конфликтов в обществе и технологии этнокоррекции при формировании толерантности в сложных условиях полиэтничной среды. Мы исходим из того, что составные части данного подхода, обозначаемые как лингвопропедевтика и лингвобезопасность являются новыми прикладными направлениями в языкознании, поскольку реальность современного мира бросает вызовы витальности различным лингвокультурам и самому человечеству в целом. Глобализация как естественно-исторический процесс универсализации многообразных связей и отношений человечества рассматривается политологами [6], педагогами [4], географами [7] и др.

В «пространственном» кросс-культурном аспекте можно наблюдать подчас, что, вместо того чтобы ребенку, родившемуся и живущему в Татарстане или другом регионе (например, в Саратовской, Новосибирской, Тюменской областях и т. д.), читать татарские сказки, родители воспитывают его исключительно на сказках и легендах североамериканских индейцев или фантазиях Дж. Толкиена — в этом проявляется этнофункциональное нарушение проработки содержания стадий онтогенеза. Широкое и углубленное усвоение иноэтнических субкультур стало возможно лишь в наше время вследствие развития средств массовой информации и коммуникации. Они являют собой пример гумилевских «антисистем» по отношению к конкретной этнокультурной и природной среде, которые могут оказывать разрушающее воздействие как на психику и организм отдельного человека, так и на этнос, социум, ландшафт и климат в целом. Этнопсихолингвокоррекционный подход, предложенный нами совместно с З. В. Поливарой, интегрирует изыскания в различных областях знания, ставшие методологической базой для обоснования поликоммуникативно-этнокогнитивной модели усвоения неродного русского языка, в описании которой назрела острая необходимость [2]. Основные положения предлагаемого подхода имеют несомненную ценность для лингвистики, когнитивной лингвистики, онто-

лингвистики, психолингвистики, контрастивной лингвистики, этнолингвистики, логопедии, методики преподавания языка как второго / неродного или иностранного.

К числу основных объектов обеспечения лингвистической безопасности России в контексте мер по укреплению национальной безопасности относится единый государственный русский язык и языки других народов, населяющих Россию. Таким образом, в РФ лингвобезопасность имеет диалектическую, двойственную природу (сохранение и развитие общегосударственного русского и этнонациональных языков), и «главной проблемой лингвистической безопасности в России является обеспечение устойчивого развития общегосударственного языка во взаимодействии с другими языками». Отдельные моменты исследуемой проблемы были отражены в различной степени в работах культурологов, социологов, политологов, философов, филологов, психологов, педагогов. Однако в этих материалах проблемы исследования этносоциопропедевтики как действенного механизма стабильных межэтнических отношений и государственной целостности либо не рассматривались вообще, либо были представлены фрагментарно без каких-либо попыток глубинного анализа.

Результаты

В условиях глобализации информационное пространство выступает: 1) как система действия, 2) как система коммуникаций, которые воспроизводятся в ходе постоянных коммуникационных процессов. «Этнолингвофункциональные рассогласования элементов психики человека предопределяют его психическую дезадаптацию к собственной внутренней и внешней среде» [5, с. 823]. Мы полагаем, что этносоциопропедевтика объединяет усилия специалистов смежных наук в гуманитарной сфере. Исследователи относят к культурам индивидуалистического типа такие страны, как США, Великобритания (Англия), Австралия, Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Новая Зеландия, Нидерланды, Канада, Франция, Швеция, Швейцария. В

то же время к разряду коллективистских культур – Вьетнам, Гватемала, Китай, Колумбия, Корея, Индонезия, Венесуэла, Коста-Рика, Португалия, Пакистан, Перу, Россия, Эквадор, страны арабского Востока и Япония. Довольно спорно, на наш взгляд, отнесение русской культуры к феминному типу, поскольку мы, вслед за П.Сорокиным, считаем, что культурные дистанции в России между русскими Кубани и русскими Урала являются более значительными, чем между русскими и теми народами, которые населяют тот или иной регион [8]. Кроме того, можно говорить о некоей относительности данной категории. Так, русские Северного Кавказа будут более маскулинны, вследствие влияния маскулинной кавказской культуры, чем русские Сибири. Поэтому говорить о тотальной маскулинности и/или феминности русской культуры в целом, по крайней мере, не представляется, на наш взгляд, допустимым и возможным. В связи с этим этносоциопропедевтика межэтнических конфликтов актуальна как при миграции русских из одного региона в другой, так из одной страны в другую. Не случайно русских, мигрировавших в Россию из Казахстана, местные русские называют казахами, а из Украины – украинцами. На сегодняшний день в России предусмотрены Центры по работе с мигрантами, не владеющими русским языком и культурой, но совсем отсутствуют центры по адаптации мигрантов-соотечественников, т. е. тех, кто владеет неким набором знаний и умений в сфере русской культуры, но с учетом трансформации под влиянием длительного иноэтнического окружения. На наш взгляд, такая ситуация также создает ситуацию благоприятствования для развития этносоциокультурных дистанций между «своими» и «чужими» (пришлыми). Поэтому и работа с русскими Ставропольского края должна строиться иначе, чем с русскими Тюменской области, Татарстана и ХМАО.

Заключение

Скрининг современного информационного пространства РФ дает возможность не только проанализировать, но и выработать реальную программу, позво-

ляющую предотвращать нагнетание негативных настроений в языковом сознании современных носителей языка. В современной культурно-исторической ситуации, в условиях системного кризиса «цивилизованного мира» информационно-психологические воздействия на психику человека лавинообразно нарастают, что, несомненно, представляет собой постоянный источник психического стресса и рассогласованности с реальной этнолингвокультурной средой.

Библиографический список

1. Карабулатова И. С., Поливарова З. В., Койше К. К. Языковая личность в трансформирующемся сообществе: этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтническом окружении : коллективная монография / под ред. И. С. Карабулатовой. – Тюмень : Вектор-Бук, 2011. – 189 с.
2. Осипов Г. В., Карабулатова И. С., Шафранов-Кучев Г. Ф., Кучерявая Е. Р., Галиуллина С. Д., Садыкова Л. Р. Проблемы этноконфессионального экстремизма в России как отражение девиационных процессов в обществе // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. – Москва : Уфа : Ростов-на-Дону, 2015. – С. 8–17.
3. Europol: В Европу проникли от трех до пяти тысяч террористов, обученных ИГИЛ. Источник: <http://www.e-news.su/in-world/99912-europol-v-evropu-pronikli-ot-treh-do-pyati-tysyach-terroristov-obuchennyh-igil.html> (дата доступа к базе 20.02.2016).
4. Zamaletdinov R. R., Karabulatova I. S., Yarmakeev I. E., Ermakova E. N. Linguo-propaedeutics of ethnic conflicts as a basis for stability in complex polyethnic regions // Asian Social Science. – 2014. – Vol. 10. – No. 20. – С. 164–173.
5. Karabulatova I. S. and Polivara Z. V., 2013. Turkic and Slavs: Bi-Polylinguism in Globalization and Migrations (On an Example of Tumen Region). Middle-East Journal of Scientific Research. – Volume 17. – Issue 6. – P. 832–836.
6. Kloosterman R. C. A World in Emergence; Cites and Regions in the Twenty-First Century by Allen J. Scott Cheltenham, UK and Northampton, MA: Edward Elgar, 2012. – P. 240.
7. Rodrigues-Pose A. Trade and Regional Inequality // Economic Geography. – Volume 88. – Issue 2. – 2012. – P. 109–136.
8. Сорокин П. А. Система социологии. – М. : Астрель, 2008. – 1003 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Karabulatova I. S., Polivara Z. V., Koyshe K. K. Yazykovaya lichnost v transformiruyuschemsya soobshchestve: etnolingvisticheskie differentsiatsii tatar-bilingvov v inoetnichnom okruzenii : kollektivnaya monografiya / pod red. I. S. Karabulatovoy. – Tyumen : Vektor-Buk, 2011. – 189 s.
2. Osipov G. V., Karabulatova I. S., Shafranov-Kutsev G. F., Kucheryavaya E. R., Galiullina S. D., Sadyikova L. R. Problemy etnokonfessionalnogo ekstremizma v Rossii kak otrazhenie deviatsionnykh protsessov v obschestve // Sotsialno-ekonomicheskie i gumanitarno-filosofskie problemy sovremennoy nauki. – Moskva : Ufa : Rostov-na-Donu, 2015. – S. 8–17.
3. Europol: V Evropu pronikli ot treh do pyati tysyach terroristov, obuchennykh IGIL. Istochnik: <http://www.e-news.su/in-world/99912-europol-v-evropu-pronikli-ot-treh-do-pyati-tysyach-terroristov-obuchennykh-igil.html> (data dostupa k baze 20.02.2016).
4. Zamaletdinov R. R., Karabulatova I. S., Yarmakeev I. E., Ermakova E. N. Linguo-propaedeutics of ethnic conflicts as a basis for stability in complex polyethnic regions // Asian Social Science. – 2014. – Vol. 10. – No. 20. – S. 164–173.
5. Karabulatova I. S. and Polivara Z. V., 2013. Turkic and Slavs: Bi-Polylinguism in Globalization and Migrations (On an Example of Tumen Region). Middle-East Journal of Scientific Research. – Volume 17. – Issue 6. – R. 832–836.
6. Kloosterman R. C. A World in Emergence; Cites and Regions in the Twenty-First Century by Allen J. Scott Cheltenham, UK and Northampton, MA: Edward Elgar, 2012. – R. 240.
7. Rodrigues-Pose A. Trade and Regional Inequality // Economic Geography. – Volume 88. – Issue 2. – 2012. – R. 109–136.
8. Sorokin P. A. Sistema sotsiologii. – M. : Astrel, 2008. – 1003 s.

© *Карбулатова И. С.*, 2016

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К. К. Койше

*Доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный нефтегазовый
университет, г. Тюмень, Россия*

THE PROBLEM OF PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF MINORITY LANGUAGES IN THE ERA OF GLOBALIZATION

K. K. Koyshe

*Doctor of Philological Sciences, professor,
Tyumen State Oil and Gas University,
Tyumen, Russia*

Abstract. Russia is a multinational and multilingual state, it is going through a difficult and controversial moment of its cultural and linguistic development. On the one hand, a revival of national languages and cultures, a return to the origins of the cultural and historical development of the country. On the other hand, strengthening the separatist tendencies leading to the closure of national languages and cultures in itself, isolation, leading to a limitation of the socio-cultural interaction. The author considers the problem of language functioning in complex multi-ethnic regions, as an example of the Tyumen region.

Keywords: sociolinguistics; ethnolinguistics; functioning of language; language interaction.

Введение

В связи с тем, что распад Советского Союза привел к значительным изменениям в языковой ситуации, в настоящее время наблюдается оживление интереса к вопросам языкового функционирования и языковой политики, языкового планирования. Повышенное внимание к языковым процессам подтверждается принятием законов о языке в новых независимых государствах, появлением теле- и радиопередач о языке, проведением конференций, симпозиумов и научных семинаров, публикацией проблемных статей, проведением научных исследований и появлением новых отраслей языкового знания (лингвоэкологии, прогностики, геолингвистики и др.). Поэтому изучение языка, как одного из главных индикаторов адаптации населения к новым социально-политическим и социально-экономическим реалиям становится в настоящее время актуальной научно-практической задачей [5, с. 77].

Национальная политика государства напрямую влияет на языковую политику. Состояние родного языка, его роль в государстве и в семье определяют состояние

национальной культуры. Психология национальной личности может меняться, наполняться различными смыслами, модифицироваться в зависимости от влияния социокультурных, исторических, политических факторов [6]. Впоследствии такие изменения незамедлительно отражаются в языке.

Методы и материалы

В специфическом контексте радикальных трансформаций в России проблемы функционирования языков в полиэтничных регионах остаются новыми, актуальными и все больше привлекают внимание российских ученых во всем мире.

В полиэтничных регионах в ситуации пестрой этнолингвистической мозаики, взаимопроникновения или непрерывной изменчивости культуры практически единственным надежным критерием в определении того, где кончается один этнос и начинается другой, является его самоидентификация с «национальной» окраской: этнонимы, топонимы, антропонимы, а в последнее время и прагмонимы. Поэтому языковая картина

региона дает возможность изучать национальные культуры региона [5].

Тюменская область является полиэтничным регионом, в котором переплетены такие факторы, как многонациональная культура, традиции, ментальность, устои и уклады, поведенческие и ценностные стереотипы. Усиление процесса формирования многонационального населения Тюменской области началось в столыпинский период, и продолжилось в связи с освоением нефти и газа, результатом чего стала миграция, приводящая к тесному общению между представителями разных национальностей.

Материалы и методы

Центральной методологией исследования выступает синергетический подход, или теория самоорганизации общественных систем (Г. Хакен, А. Бергсон, А. Назаретян). Кроме того, привлечение системной методологии, совмещающей социетальный и компаративный подходы, позволяет объединить изучение масштабных общественно-политических трансформаций, характерных для России и стран Европы на поле современной этноязыковой политики и локальных региональных практик [1]. Источниками стали данные анализа материалов Тюменского областного управления государственной статистики по национально-этническому и языковому составу Тюменской области; итогов Всероссийской переписи населения Российской Федерации 2002–2010 гг.; законодательных и нормативных актов, заявлений и деклараций в области языковой политики, принятых международными и российскими организациями; вторичного анализа материалов исследования филологов, социологов, этнологов по изучаемой проблематике; материалов исследований, опубликованных в научной и периодической печати; а также результаты социолингвистических исследований, проведенных автором в Тюменской области в 2004–2010 годах.

Результаты и дискуссия

Тюменский регион занимает одну из ключевых позиций Западной Сибири и представляет особый интерес как современное российское приграничье, которое

на протяжении тысячелетий является испытательной площадкой по формированию этнической толерантности, поскольку население Тюменского региона с давних пор было полиэтничным. В близком соседстве жили и живут русские, манси, татары, казахи и другие народы. Полиэтническая среда способствовала выработке определенной терпимости и уважения к иной культуре.

В свое время русское население Тюменского региона ассимилировало представителей угорских (ханты, манси, коми), тюркских (татар, казахов), славянских (украинцев, белорусов). Отдельные исследователи полагают, что сейчас особенно ярко проявляется русский национализм, который пытается приобрести влияние и поддержку с помощью присвоения идеи общероссийского патриотизма и самоопределения русской этнонации [1, с. 181]. Однако мы считаем, что присущая русскому народу толерантность отразилась не только в самом наглядном пласте языка – лексике, но и на фонетическом уровне. Несмотря на отрицательное отношение православной церкви к бракам с не крещеными, казаки, купцы, да и просто крестьяне и иные служилые люди в Сибири почти поголовно были женаты на местных женщинах, в результате чего возникли русские субэтнические сообщества – группы метисного населения, антропологически близкого народам-соседям.

В связи с этим, наблюдаются и некоторые особенности произношения, перешедшие из языка-источника: **кыргызы, кыртма, тынгыте, кысы, башкыры**. По мнению М. А. Романовой, употребление **Ы** после заднеязычных **К/Г** внутри слова в русских тюменских говорах усвоено из татарского языка, где сочетание **КЫ/ГЫ** широко распространено. Кроме того, в русских тюменских говорах для создания комического часто используется имитация татарского акцента. Например: **пупся кулый** «вовсе голый», **пупся бумер** «вовсе помер», **трастуй-ка кожьяка** «здравствуй, хозяйка», **кустям приехали** «гости приехали», **урутам открывай ната** «ворота открывать надо» [7, с. 38]. Татарская

топонимия буквально пронизывает топонимическую систему юга Тюменской области: 1) антропонимные названия географических объектов: а) **Айтаркуль** (озеро Айтара), б) **Харинсаз** (гарина болото), оз. **Ябримкуль** (Ефрема озеро); 2) названия, связанные с фауной: **яюкуль** «медвежье озеро», **куанкыры** «заячье поле», **Порналыса** «журавлиное болото»; 3) названия, отражающие окружающую флору: оз. **Карагай** «сосновое», оз. **Кугалы** «камышовое», б. **Кунгиянкой** «с глубинкой болото»; 4) ориентировочные названия: **Дуваньелга** «на яру река», **Кашавыл** «деревья на холме», **Юртсаз** «деревня у болота» и др. остыки [11, с. 99–101].

Некоторые исследователи подчеркивают, что под влиянием татарско-казахских контактов в русской речи жителей юга Тюменской области появились такие выражения, как «**казан не варит**», «**вот такие баурсаки**» (вот такие дела), которые выступают как варианты русских фразеологизмов, сохраняя общий смысл. Происходит смешение лингвоментальных картин мира в сознании индивида [6], этот процесс влияет, на наш взгляд, на формирование той или иной формы этнической и гражданской идентичности [22].

Необходимо отметить, что особого внимания заслуживает русская речь тюркоязычных жителей юга Тюменской области, для которой характерно смешение русского и казахского, русского и татарского. Например: **соображай жок** «несообразительный», **прикол гой** «шутка» (где гой – усилительная частица казахского языка), **токтановись** «остановись» (токта «стой» + остановись) и т.п. Это явление может иллюстрировать и характер более раннего обогащения русских говоров Тюменской области на базе тюркских заимствований: **наяцкий** «красивый», **куянистый** «трусливый», «как заяц». В свою очередь это приводит и к формированию новых этнокультурных практик.

Нами были проведены опросы на предмет выяснения знаний родного языка и культуры в приграничных районах Тюменской области (Заводоуковск, Ялуторовск, Казанское, Ишим, свыше 380 ре-

спондентов). На вопрос «Какой язык лучше всего знаете?», около пятой части опрошенных (19,0 %) ответили, что лучше всего знают казахский язык, чуть более четверти опрошенных – русский язык, а каждый второй (50,6 %) ответил – родной и русский (табл. 1).

Вызывает тревогу то обстоятельство, что более четверти казахов (28,7 %) ответили, что лучше всего знают русский язык. Казахский язык был языком детства только для 29,4 % респондентов. Одновременно только каждый четвертый участник анкетного опроса указал, что дома общается на казахском языке. Причем на работе число общающихся на казахском языке еще меньше в три раза – 7,0 %. В производственной сфере, т. е. на работе большинство представителей казахского населения вынуждены говорить только на русском языке.

Знание и свободное владение родным языком наделяет человека особым статусом хранителя, носителя и транслятора традиционной культуры, традиционного образа жизни. Судя по результатам авторского опроса к таковым можно отнести практически все казахское население, проживающее в провинциальном городе. Следует отметить, что анализ ответов респондентов на данный вопрос в зависимости от возраста и образования выявил следующую тенденцию: с повышением возраста уменьшается число казахов, не владеющих родным языком или владеющих языком не в совершенстве.

Среди казахов юга Тюменской области и Северного Казахстана широко распространены заимствования и новые формы на базе русского языка. Например: **бешпармачить** «кушать», **кошмар-апа** «некрасивая девушка», **звондай-сымба** «ты мне позвонишь?» (от русского глагола звонить + казахские аффиксы -да, -й, -сым, -ба), **угараймыз** «шутим» (от пересмысленного в молодежной среде русского глагола угорать «смеяться» + казахский аффикс деепричастия -й, показатель мн. ч. 1 лица -мыз) и т. д.

Создание новых слов на базе русского и казахского языков отражает специфику языкового своеобразия региона в целом.

Языковое пространство народа неотделимо от его истории, культуры, в целом от общества, в котором он служит средством общения.

Заключение

Диалектика развития языка как объективно интерпретируемый процесс определяется целым рядом внеязыковых факторов, сочетаемость и интеграция которых обуславливает индивидуальные контуры диахронической модели.

Современные диаспоральные группы являются многослойными, с разной степенью адаптации к местным условиям и прочности связи с метрополией. Поэтому объективно неоднозначны аспекты национального пространства в Тюменской области, как и состояния национального самосознания. Таким образом, при определении полиэтничности региона неизменно встает вопрос о степени аккультурации и ассимиляции того или иного этноса в условиях тесного контактирования с представителями других народов.

Эволюция функционирования языков и их региональных вариантов в условиях полиэтничного региона, анализируемая с точки зрения универсальных закономерностей и причинно-следственных взаимосвязей, свидетельствует о наличии общих хронологических параллелей, подтверждающих внеязыковой характер развития языка как такового.

Вариативность в функциональном статусе языков (русского, казахского, татарского) является показателем действия социолингвистических переменных, образующих в совокупности величину витальности языков. Специфика функционирования языков в полиэтничном регионе Тюменской области определяется их жизнеспособностью и возможностями к взаимодействию.

Русский, татарский и казахский языки являются мощными коммуникативными партнерами в условиях полиэтничного региона юга Тюменской области, выявляя векторы и направления стабильности/нестабильности языковой системы. Русский язык в полиэтничном регионе Тюменской области выполняет роль не только мощного коммуникативного парт-

нера и консолидирующего фактора в обществе, но и характеризуется как полинациональным языком со свойственными ему территориальными (региональными, государственными) особенностями, создавая предпосылки для русофонии

Библиографический список

1. Амелин В. В. Этническое многообразие и власть в российском регионе. – М. : ОУП ИЭА РАН, 2004.
2. Данильченко С. М. Тюркизмы в говорах юга Тюменской области // Взаимодействие русского языка с языками коренных поселенцев Урала и Сибири. – Тюмень : ТГУ, 1985. – С. 30–34.
3. Дмитриева Т. Н. Случаи народной этимологии в заимствованной лексике русских говоров по нижнему течению Иртыша // Взаимодействие русского языка с языками коренных поселенцев Урала и Сибири. – Тюмень : ТЮМГУ, 1985. – С. 68–73.
4. Исакова А. А. Эволюция прагматического пространства: структура, семантика, прагматика (на материале современной механонимии) : авто-реф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2008.
5. Карабулатова И. С., Шаймерденова Н. Ж., Авакова Р. А., Ниязова Г. М. Этнолингвистика евразийского континуума: теория и практика. – М. : изд-во РУДН, 2009. – 376 с.
6. Карабулатова И. С., Койше К. К., Гультияев В. Н. Вариативность современной евразийской русскоязычной языковой личности: тюркская русскоязычная языковая личность на территории российско-казахстанского приграничья // Вестник Орловского государственного университета. – 2013. – № 2 (апрель). – С. 48–56.
7. Новикова Л. А. Экспрессивные языковые средства в говорах Тюменского Зауралья, развившиеся под влиянием тюркских языков // Взаимодействие русского языка с языками коренных поселенцев Урала и Сибири. – Тюмень : ТГУ, 1985. – С. 34–39.
8. Романова М. А. Фонетические явления субстратного происхождения в русских говорах Тюменской области // Взаимодействие русского языка с языками коренных поселенцев Урала и Сибири. – Тюмень : ТГУ, 1985. – С. 11–18.
9. Сагидуллин М. А. Семантико-этимологический словарь сибирскотатарских этнопонимов. Издательство неизвестно, 2003. – 19 с. [Электронный ресурс]: <http://www.twirpx.com/file/1030314/> (дата обращения 01.02.2016).
10. Yusupov F. Yu. and Karabulatova I.S. Some results of the research system-synchronous modern dialect of the Tatar language. In the: Life Science Journal 2014; 11 (7s). – P. 246–250.

11. Фролов Н. К. Тюркские топонимы междуречья Тобола и Ишима // Этническая история тюркских народов Сибири. – Омск, 1992.

Bibliograficheskiy spisok

1. Amelin V. V. Etnicheskoe mnogoobrazie i vlast v rossiyskom regione. – М. : OUP IEA RAN, 2004.
2. Danilchenkova S. M. Tyurkizmyi v govorah yuga Tyumenskoy oblasti // Vzaimodeystvie russkogo yazyika s yazyikami korennyih poselentsev Urala i Sibiri. – Tyumen : TGU, 1985. – S. 30–34.
3. Dmitrieva T. N. Sluchai narodnoy etimologii v zaimstvovannoy leksike russkih govorov po nizhnemu techeniyu Irtysha//Vzaimodeystvie russkogo yazyika s yazyikami korennyih poselentsev Urala i Sibiri. – Tyumen : TyumGU, 1985. – S. 68–73.
4. Isakova A. A. Evolyutsiya pragmonimicheskogo prostranstva: struktura, semantika, pragmatika (na materiale sovremennoy mehanonimii) : avto-ref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Krasnodar, 2008.
5. Karabulatova I. S., Shaymerdenova N. Zh., Avakova R. A., Niyazova G. M. Etnolingvistika evraziyskogo kontinuum: teoriya i praktika. – М. : izd-vo RUDN, 2009. – 376 s
6. Karabulatova I. S., Koyshе K. K., Gulyaev V. N. Variativnost sovremennoy evraziyskoy russko-yazyichnoy yazyikovoy lichnosti: tyurkskaya russkoyazyichnaya yazyikovaya lichnost na terri-
torii rossiysko-kazahstanskogo prigranichya // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 2 (aprel). – S. 48–56
7. Novikova L. A. Ekspressivnyie yazyikovyie sredstva v govorah Tyumenskogo Zauralya, razvivshiesya pod vliyaniem tyurkskih yazyikov // Vzaimodeystvie russkogo yazyika s yazyikami korennyih poselentsev Urala i Sibiri. – Tyumen : TGU, 1985. – S. 34–39
8. Romanova M. A. Foneticheskie yavleniya substratnogo proishozhdeniya v russkih govorah Tyumenskoy oblasti // Vzaimodeystvie russkogo yazyika s yazyikami korennyih poselentsev Urala i Sibiri. – Tyumen: TGU, 1985. – S. 11–18
9. Sagidullin M. A. Semantiko-etimologicheskii slovar sibirskotatarskih etnotoponimov. Izdatelstvo neizvestno, 2003. – 19 s. [Elektronnyiy resurs]: <http://www.twirpx.com/file/1030314/> (data obrascheniya 01.02.2016)
10. Yusupov F. Yu. and Karabulatova I. S. Some results of the research system-synchronous modern dialect of the Tatar language. In the: Life Science Journal 2014; 11 (7s). – P. 246–250 .
11. Frolov N. K. Tyurkskie toponimy mezhdurechya Tobola i Ishima // Etnicheskaya istoriya tyurkskih narodov Sibiri. – Омск, 1992.

© Кошүе К. К., 2016

**МЕТАФОРИЧНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЙ ХАРАКТЕР
И ПОТЕНЦИАЛ РИТОРИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

М. Н. Макеева

Доктор филологических наук, профессор

Н. Ю. Бородулина

*доктор филологических наук, профессор
Тамбовский государственный технический
университет, г. Тамбов, Россия*

**METAPHORALITY OF ECONOMIC DISCOURSE:
INTERDISCURSIVE NATURE AND POTENTIAL
OF RHETORICAL IMPACT**

M. N. Makeyeva,

Doctor of Philology, professor

N. Yu. Borodulina

*doctor of philological sciences, professor
Tambov State Technical University
Tambov, Russia*

Abstract. The article is focused on metaphoric character of economic discourse, the main stress is made on its interdiscourse nature. Specially mentioned are its heterogeneous origin, correlation with national symbolism and potential of rhetoric impact on the audience.

Keywords: economic discourse; interdiscourse nature; metaphoric character; national symbolism; rhetoric impact.

Несмотря на неоднородность экономического дискурса, включающего речь/коммуникацию внутри экономического предприятия, язык экономистов-бухгалтеров (коммерсантов, менеджеров, маркетологов и т. д.), а также все сказанное (написанное) об экономике профессионалами и непрофессионалами, а именно экономистами и политиками, предпринимателями и аналитиками, профессорами и студентами, журналистами и обывателями [2; 4; 5; 7], экономический дискурс может рассматриваться как единый институциональный дискурс, обеспечивающий представление, обсуждение и сохранение знаний в такой обобщенной области, как экономика.

Даже беглый просмотр терминологических словарей свидетельствует о наличии пласта терминов-метафор, устоявшихся в экономическом лексиконе и зачастую не воспринимаемых нашим сознанием как метафоры (*невидимая рука рынка; плавающий валютный курс; замораживание цен; теневая экономика*). В экономическом дискурсе обнаруживаются также разнообразные и удивительные метафоры, характерными маркерами которых часто

становятся авторские кавычки (*нефтяные «пенки»; «новые бояре» России; «задворки» мировой экономики; «ядовитая пилюля»; «хромая утка»*).

Развитие международных экономических контактов и возросшее в последнее время внимание к экономической ситуации в обществе может быть, на наш взгляд, причиной калькирования из европейских языков ярких и экзотических для русского реципиента терминов-метафор, таких как *«золотые парашюты»* (система защиты менеджеров от увольнений); *«контракт желтой собаки»* (условия приема на работу только в том случае, если работник подписывает контракт о том, что обязуется под угрозой увольнения ни с кем не объединяться с целью борьбы за более высокую оплату); *«охота (охотник) за головами»* (поиск и переманивание высококвалифицированных специалистов).

Среди наиболее продуктивных моделей экономического дискурса называются антропоцентрические. Это явление может быть проиллюстрировано примерами из Национального корпуса русского языка [6]. Следует учесть, что посредством дан-

ной модели отражается не только общекультурная картина мира, но и национальная. Так, слово *семья* в экономическом контексте обычно характеризует объединение кого или чего-либо (руководителей, предприятий, стран). Однако ельцинский период российской действительности дополнил русское слово значением, имплицитное ближайшее окружение Ельцина, что придало метафоре культурно-маркированный характер и отрицательную оценку ситуации:

«Страной по-прежнему правит *ельцинская «семья»*, которая распоряжается 20 процентами экономического потенциала России» [6].

«Расшифровать» метафору часто помогают элементарные познания, приобретенные в школьные годы. Так, воспоминания из курса истории связывают метафору *иго* с понятиями тягот и навязывания чужой воли:

«Все это, как вам известно, вылилось в обвальный рост цен, диктат поставщика и экономическое иго посредника» [6].

В следующих примерах метафоры основаны на известных мифологических сюжетах:

«Дамоклов меч нависает над работниками малых предприятий отрасли строительства и продажи недвижимости» [6].

«Ахиллесова пята столичного рынка заключается в том, что люди элементарно нуждаются в крыше над головой» [6].

Типологизация метафор экономического дискурса свидетельствует о возможных пересечениях с другими дискурсами, наглядно иллюстрируя явление, получившее в лингвистике название «интердискурсивность». Вслед за В. Е. Чернявской [10], мы говорим об открытости любого дискурса и наличии в общем когнитивном пространстве возможных отношений между дискурсами. Интердискурсивность предполагает «переключение» на другую систему знания, кодов и другой тип мышления реципиента, целью которого становится создание сильного воздействующего эффекта, когда воспринимающее сознание «переключается» в иное ментальное пространство и «работает» с другими кодами, смыслами, системами

знания при оценке и интерпретации содержания. Примером тому может служить «переключение» экономического дискурса в ментальное пространство сказки Андерсена, к которой обращаются авторы при описании возможных успехов в российском автопроме:

«Получив в полное распоряжение новый Chevrolet Aveo, наши испытатели Алексей Матвеев и Лада Корниенко пришли к выводу: машина — «гадкий утенок», что навевала тоску и мысли об отечественном автопроме, превратилась-таки в «лебедя»!» [6].

По словам В. Е. Чернявской, возможна как естественная, коммуникативно обусловленная смена дискурса, так и «инсценируемая» [10]. В первом случае один специальный дискурс обнаруживает в себе языковые элементы других. К ним могут быть причислены экономические термины-метафоры, заимствованные из точных наук: *гибкий (плавающий) валютный курс; «прозрачность» экономической деятельности; «глубина рынка*». Результатом данного опыта становятся «геометрические» метафоры: *параллельная сделка; кружки качества; кривая роста цен*.

Во втором случае проявляется особая стратегия автора, целенаправленно решающего задачу формирования своего текста. Так, креативные метафоры, создающие яркие метафорические контексты, могут считаться маркерами присутствия в экономическом дискурсе иного дискурса:

- политического — *экономическое рабство; государство-жандарм;*
- юридического — *грабительские налоги; ценовой беспредел;*
- военного — *война цен; армия безработных; угольные генералы;*
- педагогического — *статус «хорошего ученика» в плане строгости бюджета; уроки кризиса уходящего года;*
- религиозного — *ангелы бизнеса; налоговый рай;*
- мистического — *экономические и социальные химеры; банк «фантом»; «черные дыры» экономики;*
- медицинского — *экономиста в состоянии клинической смерти; финансовые*

метастазы; гангрена коррупции в экономике;

- спортивного – аутсайдер рейтинга эффективности управления; ключевой игрок в мировой экономике; форвардные сделки; бычье ралли;
- игрового – эффект домино; чехарда с несколькими миллиардами долларами;
- сценического – вальс слияний и приобретений; достойное место в «европейском концерте»;
- технического – финансовые рычаги; ценовой механизм; якорная валюта; торможение спроса; кредитное сжатие;
- строительного – налоговые ниши; укрепление рубля – несущая конструкция стратегии финансовой политики;
- транспортного – взлет (экономический); Германия – локомотив Европы; вновь поставить Грецию на рельсы.

Сочетание в одном контексте различных метафорических моделей создает более впечатляющие образы и удваивает аксиологический эффект метафоры, как это показано в примере с использованием морбиальной метафоры (больная экономика) и строительной (денежный навес, т. е. денежная масса, хранящаяся у населения либо на банковских счетах, либо на руках). И то, и другое плохо, оценка ситуации резко отрицательная: «Словом, это уже была больная экономика, появился так называемый "денежный навес" ("пустые" деньги)» [6].

Репрезентация событий мира экономики сопровождается эмоциональными оценками, удваивается эффект воздействия на реципиента, вызывающий у последнего чувства сопереживания в связи с происходящими событиями [11; 12]. Так, с 2012 года в СМИ активно используется акроним Грексит, введенный в оборот в англоязычной литературе – Greek exit (потенциальный «греческий выход» из Еврозоны). В русских СМИ рядом с акронимом *Грексит* выстраиваются театральные и игровые метафоры, подчеркивающие динамизм и экспрессию событий, в которых видится характер борьбы, представления о побежденных и победителях, повторяемость и преемственность разворачивающихся на современной мировой

арене сценариев: последнее действие спектакля *Грексит*.

Следует также отметить переключения в область нумеративной символики, символики цвета, зоосимволики и других символов, позволяющих представить как общие, так и специфичные для каждого языка и культуры представления и преференции в выборе основания метафоры.

Эффективными способами прямого воздействия на реципиента являются те модели, источник которых основан на числе. Его магическая сила внушения объясняется тем, что оно, хотя и выглядит «точным» знаком, но может создавать в воображении реципиента образы и «на деле часто служит метафорой (а иногда и гиперболой)» [3, с. 120–132]. Самое важное на данный момент событие (объект) экономической жизни репрезентируется как *номер один, два* и т. д.: *здоровье – работа номер один*.

Семиотика цвета активно коррелирует с метафорическим терминообразованием. Белый, серый или черный цвет свидетельствует о степени законности экономической деятельности. Сравним:

- «*белый рыцарь*» – лицо или фирма, которые делают желательное предложение о поглощении;
- «*серый рыцарь*» – противник-претендент в «битве» за взятие под контроль другой компании, чьи намерения не объявляются;
- «*черный рыцарь*» – лицо или фирма, делающие какой-либо компании нежелательное предложение об ее поглощении;
- *серый рынок* – любой рынок дефицитных товаров, который отличается от «черного рынка» тем, что он легальный;
- *черный рынок* – нелегальный рынок товаров или услуг.

Метафоры экономического дискурса имеют многочисленные переключения в область зоосимволики. В современном экономическом лексиконе, для которого характерно сближение метафорических картин, чаще встречаются одни и те же зоообозначения: *акула бизнеса* – крупный бизнесмен; *дойная корова* – условное название товаров, предприятий, приносящих постоянный, устойчивый доход;

слон – крупный инвестор. Так называемые «рыночные животные» (*быки, медведи, волки, овцы* и т. д.) активно участвуют в терминообразовании.

Символьное прочтение под влиянием внутренней семиотики получают определенные части тела: *мозговой трест (центр)* – группа высококвалифицированных, глубоко мыслящих специалистов; *мозговой штурм (мозговая атака)* – оперативный метод решения проблемы; *железная рука* – символ силы кого (чего)-либо.

Метафоры могут определяться и представлениями о религиозной картине мира, характерными оппозициями которого являются *рай* на небе, *ад* на земле; *бог* – покровитель, *дьявол* – соблазнитель; *ангел* – добро, *черт* – зло. На этих оппозициях выстраивается смысл метафор, имеющих ярко выраженные аксиологические оценки: *ангелы бизнеса* – частные инвесторы; *налоговый рай* – страна, куда переводят капитал с целью уменьшения налоговых выплат.

К современным символам могут быть отнесены слова, отражающие реальные культурно-исторические события или явления нового времени и получившие символическое прочтение в результате семантической насыщенности плана содержания. Их осмысление описано в толковых и страноведческих словарях. Например, *Клондайк* – неисчерпаемый источник прибыли, доходов (от названия золотоносного района на северо-западе Канады, открытого в 1897 г. и вызвавшего в начале 20 в. «золотую лихорадку») [9, с. 299].

К данному типу символов могут быть отнесены такие «знаковые» реалии внешнеязыковой действительности, как «*Берлинская стена*», или артефакт *железный занавес*, который долгое время служил символом разделения между странами социалистической и капиталистической Европы. В период введения экономических санкций против России эти метафоры «ожили» и стали актуальными: *новая берлинская стена; берлинская стена санкций; железный занавес – 2; новый железный занавес*.

Многочисленные исследователи метафор говорят о приоритетном значении

функции воздействия на аудиторию [1; 3]. Метафоры экономического дискурса не только участвуют в репрезентации экономических реалий, но осуществляет-ся и политическая пропаганда, навязыва-ние массовому сознанию определенных стереотипов.

Ориентация на нужное автору воспри-ятие реальных событий достигается за счет включения в контекст прецедентных текстов, обладающих высокой степенью суггестивного воздействия. Так называе-мые «общие места» (фольклор, сакраль-ные и канонические тексты) формируют «базовые понятия морали» [8, с. 168]. Объективная реальность рассматривается и оценивается через призму вечного:

«Рынок труда для "белых воротничков" вновь превращается в докризисный рай» [6].

«Бог спасает Россию в трудные для нее времена» [6].

Применяется и прямое воздействие на формирование общественного мнения, например, за счет собственных пояснений автора об использованной им метафоре, ее значимости и направленности. В след-ующих примерах таким образом «рас-шифровывается» метафора *нефтяная игла*, дается аксиологическая оценка сложившейся ситуации:

«Российская экономика иногда напо-минает мне наркомана, и термин «нефтя-ная игла» по отношению к нам крайне справедлив» [6].

«О зависимости от сырьевых доходов у нас принято выражаться не в лучшем свете, даже придумали выражение «нефтяная игла» – мол, именно она меша-ет нам развиваться» [6].

Можно сказать, что метафоры эконо-мического дискурса не только обладают ценностными характеристиками, они несут отпечаток социальной среды, в которой они сформированы. С их помощью ауди-тория ориентируется на нужное для дан-ного времени восприятие реалий [11; 12].

Итак, экономический дискурс отлича-ется чрезвычайной метафоричностью. Метафора применяется в экономическом дискурсе не из стремления к «украша-тельству» речи, а является необходимым

инструментом репрезентации явлений и событий окружающей нас действительности. С помощью метафор становится возможным донести информацию о современных общественных процессах в Европе и в отдельных странах до реципиента различной степени подготовленности к ее восприятию. Главной предпосылкой проникновения в экономический дискурс метафор из различных областей знания можно считать открытость экономического дискурса.

Библиографический список

- Андерсон Р. Д. Каузальная сила политической метафоры. [электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/anderson-06.htm>
- Бородулина Н. Ю., Makeeva M. N. Метафоры в языке экономики // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2014. – Т. 20. – № 2. – С. 372–380.
- Кара-Мурза С. Г. Манипуляции сознанием. – М. : Алгоритм, 2004. – 528 с. – С. 120–132.
- Кланщачкова А. Ю. Метафора в структуре экономического дискурса: опыт комплексного исследования (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2003. – 181с.
- Котюрова М. П., Кетова А. Ю. Формирование терминсистемы текстов по экономике в печатных СМИ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып 3(9). – С. 52–56.
- Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Махницкая Е. Ю. Метафора в современном экономическом дискурсе и принципы ее лексикографического описания: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ростов-на-Дону, 2003. – 191 с.
- Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 168с.
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб. : Фолио-Пресс, 2002. – 700 с.
- Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность. 2007. URL: <http://www.rastko.rs/cms/files/books/49e590dc8ea68>
- Koryakovtseva O. A., Doronina I. I., Panchenko T. M., Karabulato-va I. S., Abdullina Z. M. Research of category “Motivation” as a basic tool of personnel management // International Review of Management and Marketing. 2016. – P. 293–299.
- Saenko N. R. , Sozinova A. A. , Karabulato-va I. S., Akhmetov I. V., Mamatelashvili O. V., Pismennaya E. E. Research in Action Integrated Marketing Communications as the Elements of Information and Virtualization Market Relations // International Review of management and marketing. – 2016. – Volume 6. – No 1S. – P. 267–272. <http://econjournals.com/index.php/irmm/article/view/1914/pdf>
- Anderson R. D. Kauzal'naja sila politicheskoy metafory. [jelektronnyj resurs] URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/anderson-06.htm>
- Borodulina N. Ju., Makeeva M. N. Metafory v jazyke jekonomiki // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2014. – T. 20. – № 2. – S. 372–380.
- Kara-Murza S. G. Manipuljácii soznaniem. – M. : Algoritm, 2004. – 528 s. – S. 120–132.
- Klanshhakova A. Ju. Metafora v strukture jekonomičeskogo dis-kursa: opyt kompleksnogo issledovanija (na materiale anglijskogo jazyka): Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. – Irkutsk, 2003. – 181c.
- Kotjurova M. P., Ketova A. Ju. Formirovanie terminosistemy tekstov po jekonomike v pechatnyh SMI // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2010. Vyp. 3(9). – S. 52–56.
- Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Mahnickaja E. Ju. Metafora v sovremennom jekonomičeskom diskurse i principy ee leksiko-grafičeskogo opisanija: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. – Rostov-na-Donu, 2003. – 191 s.
- Rozhdestvenskij Ju. V. Principy sovremennoj ritoriki. – M. : Flinta : Nauka, 2003. – 168s.
- Tolkovyj slovar' russkogo jazyka konca XX veka. Jazykovye izmenenija / pod red. G. N. Skljarevskoj. – SPb. : Folio-Press, 2002. – 700 s.
- Chernjavskaja V. E. Otkrytyj tekst i otkrytyj diskurs: inter-tekstual'nost' – diskursivnost' – interdiskursivnost'. 2007 [jelektronnyj resurs] URL: <http://www.rastko.rs/cms/files/books/49e590dc8ea68/>
- Koryakovtseva O. A., Doronina I. I., Panchenko T. M., Karabulato-va I. S., Abdullina Z. M. Research of category “Motivation” as a basic tool of personnel management // International Review of Management and Marketing. 2016. – P. 293–299.
- Saenko N. R. , Sozinova A. A. , Karabulato-va I. S., Akhmetov I. V., Mamatelashvili O. V. , Pismennaya E. E. Research in Action Integrated Marketing Communications as the Elements of Information and Virtualization Market Relations // International Review of management and marketing. – 2016. – Volume 6. – No 1S. – P. 267–272. <http://econjournals.com/index.php/irmm/article/view/1914/pdf>

© Makeeva M. H., Bородулина Н. Ю.

LANGUAGE WORLD PICTURE AND ITS REFLECTION ON TRANSLATION

A. M. Muminov

*Candidate of Philological Sciences, professor
Uzbekistan State World Languages University
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The present article is devoted to the study of the reflection of language picture on translation. This work points out that a translator must overcome the cultural conflicts in finding equivalents of words or phrases. The most important problem which is studied in this article is how to find lexical equivalents for objects and events which are not known in the receptor language because background knowledge of the new culture often helps learners to understand better what is heard or read in the foreign language. In this investigation different ways of translation of Uzbek cultural words into English have been studied. It is pointed out that learning the semantic structure of words can reveal specific features of language world picture of the non-related languages in translation and the peculiarities of language world picture of these languages.

Keywords: semantic structure; reflection; language world picture; equivalence; worldview; cultural; similarity; receptor language; communication; influence.

One of the main tasks of the educational program is teaching foreign languages with the help of introducing foreign culture. Language world picture is the reflection of different cultures and mentality. It is the reflection of historical development of the people in the language. Language is the mirror which stands between people and the world picture. Therefore the educational system has the task to train the students to cultural, professional and individual communication with the representatives of other social structure, social traditions and language culture, because in translation from one language into another two cultures collided and influence the precise translation.

The problem of language world picture attracts interests of many linguists. Many linguists wrote about language world picture (Humboldt W [1], Sapir [7], Whorf, V. Maslova [4], V. N. Teliya, Ter-Minasova [8], Larin, Y.V. Apresyan, G. V. Kolshanskiy [2], O. A. Kornilov [3], Mildred L. Larson [10], G. A. Brutyan, S.A. Vasiliev, M. Black, D. Hime, Sh. Safarov, D. U. Ashurova, A. A. Abduazizov, I. Gafurov, Musayev K. and others). However reflection of world picture on translation of texts of non-related languages, particularly from English into Uzbek has not been adequately investigated yet.

Linguists underline that every language has unique picture of the world and a transla-

tor must arrange his or her translation in equivalence with its picture. Here we observe the specific perception of the world fixed in the language. Language gives knowledge about the world because the objective reality is fixed in the language, we see the conceptualization of the world in it, characteristics of the given culture.

W. Humboldt wrote that “different languages serve for nation as organs of their original thinking and perception” [1] National originality of language world picture is examined by the historical development of languages, culture, customs and traditions, the way of life. Moreover, according to W. von Humboldt, each language has some definite worldview. The people create their unique world which surrounds them in their own.

He says that the people understand world picture with the help of their language, they have knowledge about the world with the help of their language. Humboldt’s idea about language world picture can be used in translation too because word for word translation distorts the main content of the message. It is necessary to take into the consideration the way of usage of words and phrases by the people speaking the language. Really, people in their own way see the variety of the world, in their own way name the picture of the world.

The Sapir-Whorf hypothesis stated that “the way we think and view the world is determined by our language. Instances of cultural language differences are evidenced in that some languages have specific words for concepts whereas other languages use several words to represent a specific concept. For example, the Arabic language includes many specific words for designating a certain type of *horse* or *camel*. To make such distinctions in English, where specific words do not exist, adjectives would be used preceding the concept label, such as *quarter horse* or *dray horse*” [7].

Sapir-Whorf argued that language and mode of thinking are closely interconnected. If the world is the interaction between man and environment, world picture is a result of the processed information about the person and environment» [7]. The representatives of cognate linguistics also say that our conceptual system, reflected in the form of language picture of the world, depends on physical and cultural experience and connected with it. Language world picture doesn't comparable with other special world pictures (chemical, physical and etc.), it precedes them all and forms them, because a person can understand surrounded world. The translator can do his translation precisely only when he or she becomes aware of the world picture of the foreign language. Background knowledge of a translator about the culture of the people speaking the language often helps to do adequate translation. Therefore it is necessary for the future interpreters and translators to know the history, customs, traditions, culture, and way of life of the people who speak the language.

The world picture is found in the meanings of different words and word combinations. Learning the semantic structure of words we can find the specific features of language world picture of the non-related languages in translation and the peculiarities of language world picture of these languages are clearly seen. For example: in the connotative meaning of the words “*sun*” and “*moon*” express positive characteristics of people in different languages. The people who live in the North understand the meaning of the word as the source of life, joy. The people

express their joy, pleasure using the word “*sun*” (“*Моё солнышко – my sun*”) In the Southern countries the same connotation may be expressed by the word “*moon*”

There are a number of reasons why metaphors and similes are hard to understand and cannot be translated word for word. First of all the image used in the metaphor or simile may be unknown in the receptor language. For example, a simile based on *snow* would be meaningless to people who live in some parts of the country where snow is unknown but in English it is possible to use the word “*snow*” as a simile: *I washed my clothes white as snow*. In a language of the Southern countries it is accepted to say in this case: *I washed my clothes white as seashells or as bone*. In Uzbek: *Онноқ нахмадек қилиб кир ювдим – I washed my clothes white as cotton*. The sentence *he is a pig* does not include the point of similarity. In some cultures a reference to pigs would give the idea of dirty, but in other cultures it means *one who is a glutton* and in other culture it means *someone who doesn't listen to people*. In Uzbek it is used in the meaning of *fat* (*У семуз – means he is fat*). In English and Uzbek *green eyes* have negative connotation but in Russian it is used in positive connotation (голубые глаза – как море).

When the point of similarity is not stated it is often difficult to translate. For example: the sentence *He is an ox* has various meanings in different languages. In one language it is used in the meaning of the characteristics of an ox as *strong*. This makes it very difficult to translate it. In another culture it means unintelligent person. Like this *John is a rock* may mean differently in different cultures: *he is still, he can't talk, he is always there, he is very strong* or *He is sheep* has various meanings from one cultures to another: *long haired man, a drunkard, a person who doesn't answer back, one who just follows without thinking, a young fellow waiting for girls to follow him, one who is very calm*.

If the similarity is not made clear the translator must give careful consideration whenever a metaphor is found in the source text. In intercultural communication it is necessary to take into the consideration the peculiarities of national characteristic features of

the communicants, the specific emotional, national properties of their thoughts.

Though emotion is a universal semantic component, in every language it has cultural properties too. For example: there are more diminutive and caress, endear suffixes in Russian than in Uzbek and English. Foreexample: «Зёрнышко мое, дочушка! Приглушенно звенела мать. – Цветочек мой, не уходи, Танюшка! Глянь, моя красотишка, открой глазки. Опомнись же! Галушка мая черноглазая...за что же, господи?» (М. А. Шолохов «Тихий Дон», стр. 76).

In English: “My little one, my little daughter, she groaned, – my flower, don’t go away, Tanya. Look, my pretty one, open your little eyes, and come back, my dark-eyed darling! Why, oh lord?” (M. A. Sholokhov “The peaceful Don”, p.76).

In Uzbek: “менинг жажжигинам, менинг қизгинам, деб у йиглади. Менинг гулим, кетма, Таня. Менга қара, гўзалим, жажжи кўзингни оч, қайт менинг қора кузли қадрдоним! Нима учун, Э Худо!”

It is necessary to stress the fact that different languages have different concentrations of vocabulary depending on the culture, geographical location, and the worldview of the people. In the countries where agriculture is highly developed we find a great concentration of vocabulary that has to do with agriculture. Britain is an island surrounded by water therefore in English there are a lot of water, fish, and marine-related idioms. Such as *weak as water (fragile)*, *drink like a fish (booze)*, *to miss the boat (missed opportunities)*, *all at sea (a loss) etc.*

Another most difficult problem facing translators is how to find lexical equivalents for objects and events which are not known in the receptor language. They are called cultural words and phrases. If a word or a phrase is unknown in the receptor language the translator must find the ways of substitution without distorting the meaning of it.

Our investigation showed that Uzbek cultural words may be translated into English by the following ways:

1) by means of modification: У олча емоқда- he is eating a fruit called *olcha*; he is doingvoluntary and joint public work

called *khashar*; У сумалак емоқда- he is eating the main dish of the feast called *sumalyak*

2) by means of description of form or function: the *queen* of the UK came to India- *the woman who ruled the UK* came to India; *Келинсаломга кўпчилик келишди*- many quests came to the bride ‘s greeting called *kilinsalom*;

3) by means of descriptive translation: *Рамазон хаитда Ўзбекистонликлар ишга бормайдилар , дам оладилар*.-the people of Uzbekistan do not go to work and have a rest in *Ramadan-Khait which is a holiday of moral purification and spiritual revival*; *никоҳда келин ва куёв катнашди*- the bride and the bride-groom participated in *nikah which is a religious wedding ceremony*; *малакали ошпазюқори бахоланади, чунки 100 ва 200 одамга бита қозонда палов тайёрлаш осон эмас* – an experienced *oshpas* (a man who prepares national meal) is appreciated because to prepare *pilav* (a national dish) for 100-200 people in one *kasan* (a national crockery which is used for preparing national meals) is not a simple work.

4) by means of comparison: Ўзбекистонда *мусичалар яшайди*- *Musichas, birds like doves*, live in Uzbekistan; *Мен гуммани пишираоламан*- *I can prepare gumma like patty in England.*

Thus, a translator must be not only a biolinguist but also a bio-cultural. Intercultural communication and translation are indivisible. Translation is the variety of intercultural and inter-language communication. It is necessary for an adequate translation to understand the difference between language and world language picture and be able to apply them in the process of translation.

Bibliography

1. Гумбольдт В. Языки философия культуры. – М., 1985.
2. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – М. : Наука, 1990. – 103 с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2002.
4. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие. – Минск, 2004.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж : Истоки, 2001.

6. Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев : Наукова думка, 1992. – 164 с.
7. Сепир Э. Коммуникация // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Издательство Московского Университета, 2008.
9. Anderson Crystal M. The Interpreter Trainer: Guidelines for Professional Development. L.McMire. – Maryland, 1984.
10. Mildred L. Larson. A Guide to Cross-language Equivalence. University Press America, 1984.
11. Paneth. Eva. The Interpreter's Task and Training. Universities Quarterly, 13, 1958.

© *Muminov A. M.*, 2016

ИНТЕГРАЦИЯ НАУК ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ФИТОНИМОВ

Н. З. Пазлитдинова

Старший научный сотрудник-соискатель
Наманганский государственный университет
Наманган, Узбекистан

INTEGRATION OF SCIENCE IN THE STUDY OF PHUTONIMY

N. Z. Pazlitdinova

Doctoral applicant
Namangan State University
Namangan, Uzbekistan

Abstract. At present in this steadily developing world there appeared prime scientific-theoretical significance of interrelations of all spheres such as social-humanitarian, technical, natural and exact subjects. Special proper names of plants – phytonims are learnt in phytonimics, a branch of linguistics. As a separate branch of onomastics phytonimics learns natural aspects of plants investigating linguistics features of phytonims. And it cooperates with botany and its branches which are related to natural science relying on their scientific-theoretical and practical conclusions. Moreover, it gives linguistic recommendations in naming types of plants. In the article it was written about the integration between phytonimics and some branches of botany, such as horticulture, viticulture, vegetable-graving, pomology, seed culturing and so on.

Keywords: phytonimics; Botanical Nomenclature; Plant Production; Horticulture; Olericulture; Pomology; Phytotherapy.

В настоящее время в центральном гербарии Института растениеводства АН Узбекистана хранится более 1 миллиона образцов растений и 10 000 видов растений [4, с. 167]. По данным ученых, на Земном шаре имеется около 500 000 видов растений, а в Узбекистане встречаются 4148 видов растений. Они являются представителями 1023 поколений и 138 семейств [3, с. 496–497]. Как видно из приведенных данных, флора Узбекистана очень богата и разнообразна.

В ботанике названия растений (видов), систематические единицы, системы, типы обычно называются **ботанической номенклатурой**. Ботаническая номенклатура как словарная единица в виде обычных и специальных собственных названий (фитонимов) изучается в языкознании. Специальные собственные названия растений в ономастике называются фитонимами (гр. *phyto* – растение + *онима* – собственное имя) [1, с. 88]. Например, названия сорта кукурузы: *Бойжўхори*, *Сангзор*, *Хўраки*, *Чиллаки*, *Вахи-10* и т.д [5, с. 511], названия сорта дыни: *Амири*, *Асати*, *Байтқўргоний*, *Барака*, *Бехзоди*, *Бўрикал-*

ла, *Гурвак*, *Кампирчопон*, *Оби новвот* и т. д. [6, с. 50]. Лексико-семантическая микрогруппа, обозначающая растительный мир, занимает особое место в языковой картине мира, и этот мир характеризуется богатством и разнообразием. С точки зрения ботанической науки, растительный мир подразделяется на три микромира: красные водоросли, зеленые водоросли и высшие растения. Указанные микромиры включают в себя всю растительность, состоящую из 350 000 видов [5, с. 537]. Каждое из этих растений имеет своё наименование.

Греческий философ, природовед Теофраст, разработавший систематику растений, разделил их на четыре группы: деревья, кустарники, полукустарники и травы. Значит, в широком смысле растения – это деревья, кустарники, полукустарники и травы. Словарные единицы, обозначающие согласно ботанической классификации, понятия деревья, кустарники, полукустарники, травы или красные водоросли, зеленые водоросли и высшие растения, являются названиями растений.

Для обозначения словарных единиц, выражающих названия растений, в лингвистических исследованиях употребляются такие термины, как «*названия растений*», «*лексемы, выражающие растения*», «*наименование растения*», «*существительные, обозначающие растения*», «*ботанические термины*», «*фитоним*», «*фитонимическая лексика*». Анализ содержания этих единиц представлен в диссертации Г. Нетьматовой [1, с. 9–11].

Научно-теоретическим и практическим изучением специальных собственных имен растений занимается **фитонимика**. По своей структуре термин является греческим: *phyto* – растение + *онима* – имя и *-ика* – относящийся и имеет лексическое значение «относящийся к названию растений».

Как раздел ономастики, фитонимика имеет свой объект и предмет изучения. Как научное направление ономастики, она связана с такими разделами языкознания, как диалектология, история языка, этимология, терминология, лексикология, ономастиология.

Живучесть фитонимов, их способность содержать в себе ботаническую и языковую информацию, их последующий анализ даёт богатый фактический материал для ботаники, истории, этнографии, природоведения, краеведения, генетики и проводимых по этим отраслям исследований. Для этих отраслей наук фитонимика важна своей способностью выражать форму и содержание, внешность, урожайность, разнообразие цветковые оттенки, плоды, их вкусовые качества, устойчивость к болезням, применение в фармацевтике и другие ботанические свойства обозначаемых растений в широком смысле.

Фитонимика непосредственно связана с **ботаникой** (*гр. botanikos* – относящийся к земле, *botane* – растение, трава), изучающей растительный мир, закономерности существования и развития растительных организмов, их взаимосвязи, отношение с окружающим миром, а также **растениеводством**, которое занимается изучением систематики растений, геоботаникой, морфологией, флорогенетикой, экологией, географией растений, в том числе иссле-

дованием культурных растений, их классификацией, выращивания, способов гибридизации и др. Значительную часть территории Узбекистана образуют сады. В настоящее время общая площадь садов достигла 320 тысячи гектаров (в том числе фруктовых садов – 199 тысячи га, виноградников – 120 тысячи га) [4, с. 197].

Приведенные данные свидетельствуют об интенсивном развитии **садоводства**. В связи с этим фитонимия с точки зрения изучения специальных собственных названий фруктов и овощей связана с садоводством и его отраслями: **виноградарством и овощеводством**.

Теснейшим образом связана фитонимика с наукой, сформировавшейся в конце XVIII – начале XIX века и изучающей научное районирование плодовых и овощных растений, сортовые структуры садов, интенсивное улучшение сортов растений, их использование в садоводстве, т. е. с **помологией** (лат. *pomum* – плод и ... логия) – сортоведением [6, с. 142].

В этом плане помология является объектом изучения фитонимики. Фитонимика, в свою очередь, на основе наблюдений должна обеспечить помологию рекомендациями по определению специальных названий различных сортов. Следует отметить, что в узбекском языкознании подобные рекомендации ещё не разработаны. В связи с этим данная проблема является одной из актуальных для фитонимики. Фитонимика также связана с такими отраслями, как садоводство, виноградарство.

Ботаника, цитология, эмбриология, гистология, физиология, экология, фитопатология, энтомология, экология, биохимия, растениеведение, селекция также тесно сотрудничают с фитонимикой. Селекция – выведение новых и улучшение существующих сортов растений, пород животных, и штампов микроорганизмов путём применения научных методов отбора, гибридизации, оценки потомства. Отрасли селекции при определении названия выявленного сорта также опираются на данные фитонимики.

Наука, изучающая природу, население, хозяйство, историю, культуру, археологию, а также экологическую обстановку,

охрану природы, рациональное использование природных ресурсов – **краеведение** – тоже опирается на данные фитонимики в связи с тем, что фитонимы содержат богатый материал о природе края, его сельском и народном хозяйстве.

Теоретическое и практическое исследование фитонимов позволяет отметить связь фитонимики с лесоведением и его прикладной отраслью **лесоводством**, а также **семеноводством** – отраслью растениеводства, занимающейся разведением семенных растений и улучшением семян. Теоретические и практические выводы фитонимики представляют важное значение для практической ботаники и ботанического образования. Значит, фитонимика является учением, связывающим ботанику с языко-знанием и, в свою очередь, опирающимся на данные растениеводства.

В настоящее время наблюдается связь фитонимики с отраслью медицины, которая исследует способы лечения болезни посредством растений – **фитотерапией**. В процессе подготовки рекомендаций к растениям при изучении свойств лечебных трав, в определении названий фиточаев и отваров заключения и выводы фитонимики оказываются очень важными и необходимыми.

Библиографический список

1. Бегматов Э., Улуков Н. Ўзбек тили ономастикаси терминларининг изоҳли лугати. – Наманган, 2006.
2. Неъматова Г. Ҳ. Ўзбек тилида ўсимлик номлари лексемалари: тизими ва бадий қўлланиши: Филол. фан. ном. ... диссер. автореф.: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – Тошкент, 1998.
3. Саҳобиддинов С. Ўсимликлар систематикаси. II қисм. Гулли ўсимликлар. – Тошкент : Ўқитувчи, 1966.
4. Ўзбекистон миллий энциклопедияси. – Тошкент, 2004. – 2-ж.
5. Ўзбекистон миллий энциклопедияси. – Тошкент, 2004. – 6-ж.
6. Ўзбекистон миллий энциклопедияси. – Тошкент, 2004. – 9-ж.

Bibliograficheski spisok

1. Begmatov Je., Uluqov N. Uzbek tili onomastikasi terminlarining izohli lugati. – Namangan, 2006.
2. Ne'matova G. H. Uzbek tilida usimlik nomlari leksemalari: tizimi va badiij qullanishi: Filol. fan. nom. ... disser. avtoref.: Avtoref. diss. ... kand. fil. nauk. – Toshkent, 1998.
3. Sahobiddinov S. Usimliklar sistematikasi. II rism. Gulli usimliklar. – Toshkent : Uqituvchi, 1966.
4. Uzbekiston millij jenciklopedijasi. – Toshkent, 2004. – 2-zh.
5. Uzbekiston millij jenciklopedijasi. – Toshkent, 2004. – 6-zh.
6. Uzbekiston millij jenciklopedijasi. –Toshkent, 2004. – 9-zh.

© Пазлитдинова Н. З., 2016

ПРОБЛЕМА СМЕРДОВ: АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л. Р. Прозоров

*Магистрант
Удмуртский государственный университет
г. Ижевск, Республика Удмуртия, Россия*

THE SMERD'S PROBLEM: ANTHROPONIMICAL DIMENSION

L. R. Prozorov

*Undergraduate student
Udmurt State University
Izhevsk, Republic of Udmurtia, Russia*

Abstract. The problem of smerds is considered through yet not used by the investigators the category of sources like birch bark. There was determined, that the names of the smerds are entire Slavic. The birch bark is also widely represented non-Slavic names, but their media never refer to themselves as smerds. In addition, it was found that often occur in two-part names of smerds, that is a separate issue, since it is assumed that dibasic names were people with high social status. The status of the smerds can not be named as high, in what almost all researchers agree the issue. Overall anthroponimics of smerds, as presented in the sources, no reason to agree with the I. Ya. Froyanov of foreign origin of smerds.

Keywords: anthroponimics; smerd; pre-Mongol Rus; name.

Проблема смердов рассматривается в работе через пока еще не использовавшиеся при ее исследовании такой категории источников как берестяные грамоты. Как удалось определить, имена смердов целиком славянские. В берестяных грамотах также широко представлены неславянские имена, но их носителей никогда не именуют себя смердами. Кроме того, обнаружено, что часто встречаются у смердов двусоставные имена, что представляет собой отдельную проблему, поскольку принято считать, что двусловные имена носили люди с высоким социальным статусом. Статус же смерда высоким назвать нельзя, в чём сходятся практически все исследователи вопроса. В целом антропонимика смердов, как она представлена в источниках, не дает оснований согласиться с мнением И. Я. Фроянова об иноязычном происхождении смердов.

Историография этого вопроса подробно освещена в работах И. Я. Фроянова. Сам ученый формулирует свои выводы о смердах так – смерды существовали двух категорий. Во-первых, по терминологии И. Я. Фроянова, «внешние» – иноязычные, как подчеркивает исследователь, племена, платившие Руси дань, во-вторых, были

смерды «внутренние», из числа захваченных пленников, также, надо полагать, не славянского происхождения [5].

В этом отношении представляется перспективным обратиться к пока ещё не использовавшейся при исследовании проблемы смердов категории источников, а именно берестяным грамотам.

Целый ряд грамот с первой половины XI века по начало XIII, упоминает так или иначе смердов. Это грамоты (в хронологическом порядке) № 247, 607, 907, 724, 935, 410.

Непосредственно этническая принадлежность смердов не упоминается ни в одной из грамот, но в двух из них (№ 607, датируемой концом XI столетия и № 410, датируемой рубежом XII–XIII) указаны антропонимы смердов. Любопытно, что в одном случае (грамота № 935) слово «Смерд», по всей видимости, выступает в качестве собственно антропонима, находясь в ряду имён и прозвищ должников или участников некой складчины (доля Смерда точно такая же, как и у остальных). В более поздний исторический период мы встречаем имя или прозвище Смерд, в том числе у людей сравнительно высокого общественного положения.

Имена смердов, приводимые в берестяных грамотах, таковы: Жизнобуд (№ 607), Доман и Братыша (№ 410).

Нетрудно заметить, что имена смердов целиком славянские. В берестяных грамотах также широко представлены неславянские имена финского, балтийского, скандинавского и пр. происхождения, но их носителей никогда не именуют смердами.

Вне берестяных грамот мы встречаем следующие упоминания смердов по имени – в Ипатьевской летописи под 1240 годом упомянуты смерды Лазорь Домажирич и Ивор Молибожич. В грамоте великого князя Изяслава Мстиславича 1148 года упомянуты также «смерды Витославицы», что можно рассматривать как ойконим (деантропонимного характера) – но и как патроним данной группы представителей интересующего нас социального слоя – Витославицы, т. е. потомки некоего Витослава.

В целом, как можно видеть, у смердов, согласно источникам, преобладает чисто славянская антропонимика. Лазарь – христианское имя и не может быть маркером этнического происхождения, Ивор – имя, как считается, скандинавского происхождения, с X века вошедшее в русский именослов, рано утратив этнический характер. Нельзя не отметить, как часто встречаются у смердов двусоставные имена – Жизнобуд, Витослав, Домажир, Молибог – что само по себе представляет достойную для рассмотрения проблему: «принято считать», указывает В. Л. Васильев, «что двусоставные имена носили люди с высоким социальным статусом». Статус же смерда высоким назвать затруднительно, в чём сходятся практически все исследователи вопроса.

В общем и целом антропонимика смердов, как она представлена в источниках, не дает оснований согласиться с мнени-

ем И. Я. Фроянова об иноязычном происхождении смердов.

Библиографический список

1. Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли: (Древнеславянские деантропонимные образования). – Великий Новгород, 2005. – 467 с.
2. Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. – М.: Рукописные памятники древней Руси, 2012. – 816 с.
3. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – В 2-х т.
4. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – М.: Русский путь, 2004. – 904 с.
5. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. – Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1990. – 328 с.
6. Шилов А. Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопросы ономастики. – 2010. – № 1 (8). – С. 33–54.

Bibliograficheski spisok

1. Vasil'ev V. L. Arhaicheskaia toponimija Novgorodskoj zemli: (Drevneslavjanskije deantroponimnye obrazovanija). – Velikij Novgorod, 2005. – 467 s.
2. Vasil'ev V. L. Slavjanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoj zemli. – M.: Rukopisnye pamjatniki drevnej Rusi, 2012. – 816 s.
3. Zaliznjak A. A. Drevnenovgorodskij dialekt. 2-e izdanie, pererabotannoe s uchetom materiala nahodok 1995–2003 gg. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – V 2-h t.
4. Tupikov N.M. Slovar' drevnerusskih lichnyh sobstvennyh imen. – M.: Russkij put', 2004. – 904 s.
5. Frojanov I. Ja. Kievskaja Rus': Očerki otechestvennoj istoriografii. – L.: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1990. – 328 s.
6. Shilov A. L. Jetnonimy i neslavjanskije antroponimy berestjanyh gramot // Voprosy onomastiki. – 2010. – № 1 (8). – S. 33–54.

© Прозоров Л. Р., 2016

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА
«ДОМ» В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ
ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО
И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

З. Р. Хачмафова

*Доктор филологических наук, доцент,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия*

**LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF VERBALIZATION
OF THE CONCEPT OF «HOME» IN THE DISCOURSE
OF CONTEMPORARY WOMEN'S FICTION
(ON A MATERIAL OF RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)**

Z. R. Khachmafova

*Doctor of Philology, Assisitant Professor,
Adyghe State University,
Maikop, Republic of Adyghea, Russia*

Abstract. The article analyzes the characteristics of the objectification of the concept of «home» in the artistic picture of the world of contemporary women's fiction of Russian and German languages. Formation of this concept due to the universal cultural background, ethnic and cultural characteristics and individual copyright worldview writer. The material of the study is based on literary texts of women writers of contemporary literature of the XX–XXI centuries in Russian and German.

Keywords: concept; literary text; women's fiction; concept «home»; worldview; cognitive space; verbalization.

Женская проза является феноменом массовой литературы, который осуществляет легитимизацию маргинализируемого женского опыта через практики самоидентификации [9; 10]. Нельзя не согласиться с Ю. М. Лотманом, который отметил, что «женщина завоевала себе право на биографию» [3, с. 48]. Женская литература представляет собой сложный культурный феномен, объединяющий автора-женщину и читателя-женщину, а также репрезентирующий специфику языковой картины мира женщины.

Женская проза – это социокультурный феномен, возникающий в процессе освоения женщинами публичного пространства и выражающийся в появлении литературных текстов, описывающих мир, социальный опыт и практики женщин глазами авторов-женщин. Женская проза является новым литературным пластом, которая создается «по законам женского мироощущения, художественными средствами, доступными только женщине, погруженного в тематику, табуированную или ми-

фологизированную мужчиной» [1, с. 25]. Следовательно, «женская проза обнаруживает тайну и таинство там, где в повседневности современного мира их попросту перестают замечать и ценность их неуклонно продолжает занижаться. Однако женская проза выбирает именно их лейтмотивом, темой и смысловой канвой своего творчества. Она актуализирует проблему переакцентировки социально-культурных ценностей ради обретения современным человеком внутренней гармонии, которая приходит через осознание своих истоков, воссоединение со своим родом, полом, своей индивидуальностью» [6, с. 28]. В то же время художественные тексты, созданные женщинами, написаны по-разному, поднимают различные темы, демонстрируют различные сюжеты.

Художественная картина мира текстов женской прозы представляет авторов-женщин как языковых личностей, реализующих ее в своих художественных системах. Исследование женской языковой личности требует анализ языка художе-

ственных текстов женской прозы в комплексе, в частности, художественных концептов, доминирующих в языке современной женской прозе [7].

Изучение когнитивных и функциональных свойств женской языковой личности в художественных текстах женской прозы позволяет создать новую концепцию понятия «язык женской прозы» как самостоятельного дискурса. Язык текстов женской прозы представляет собой женский дискурс как язык женщин, который функционирует в определенной ситуации, например, особом жанре литературы.

Художественные тексты женской прозы подразумевают женское авторство, женскую тематику и женскую аудиторию. Понимая дискурс как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [4, с. 109], мы рассматриваем тексты женской прозы как женский дискурс, как язык женщин, который функционирует в определенной ситуации, например в жанре литературы, как краткая проза.

Итак, дискурс современной женской прозы – это сложный социокультурный феномен, проявление гендерномотивированного женского сознания, возникающий в результате создания авторами-женщинами художественных текстов описывающих действительность и женский опыт через практики самоидентификации [8].

Изучение специфики дискурса современной женской прозы – это, прежде всего описание фрагмента современной гендерной картины мира, в которой центральное место занимает конфликт между героиней и героем, изображенный в аспекте гендерных ролей:

- а) в любовных отношениях
- б) в семейной жизни
- в) в профессиональной сфере

Концептуализация художественного пространства женской прозы осмысливается, структурируется и систематизируется на основе художественного концепта и

индивидуально-авторской языковой картины мира. Как утверждает Л. В. Миллер, художественный концепт – это «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [5, с. 42]. Мы согласимся с мнением О. В. Беспаловой, которая художественный концепт понимает как «единицу сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [2, с. 6]. При этом необходимо подчеркнуть, что художественный концепт объединяет в себе и коллективные, обусловленные литературными традициями смыслы, и личностные смыслы, относящиеся к индивидуально-авторскому опыту.

Концепт «дом» в художественной картине мира женской прозы включает лексические единицы, представляющие домашний быт, традиции семьи, домашнюю работу. Контекстными ассоциатами в представлении дома послужили следующие языковые средства: дом – это *вера, сладкие запахи, уют*, дом – это где можно *спрятаться*, куда можно *вернуться*, который нужно *обрести и оценить*. Например:

1) «*Медя выросла в доме, где обед варили в котлах, мариновали баклажаны в бочках, а на крышах пудами сушили фрукты, отдавшие свои сладкие запахи соленому морскому ветерку*» [Л. Улицкая. Медя и ее дети].

2) «*Дома можно спрятаться, ему – за газеты, ей – за кастрюли*» [В. Токарева. Лошади с крыльями].

Для полного представления мира женщин писательницам важно показать атмосферу повседневного быта, которая окружает героинь: *газеты и кастрюли, обед, уборка, стирать пеленки, порядок, вахта, пылесосить, проветривать*. Например:

1) «*Моя новая домработница считала, что дом – это объект для постоянной уборки*» [О. Робски. Casual/Повседневное].

2) «В доме должен быть порядок – и она убирает. Пылесосит, проветривает. В доме должен быть обед. И она, как на вахту, каждое утро выходит к плите» [В. Токарева. Лошади с крыльями].

Рассмотрим особенности экспликации концепта «дом» в немецкоязычной прозе. Дом ассоциируется, прежде всего, с домашним бытом, домашними обязанностями, окружающими женщину в повседневной жизни. Например:

1) «*Ich habe doch meine Pflichten. Allen voran: Zubereitung der Mahlzeiten – am besten nach Terminplan. Nicht nach meinem, nach seinem, ich bin doch zum Kochen da, wann er kommen kann, hängt von seinem Terminplan ab*» [В. Prettnner. Der Brief].

2) «*Ich habe gelernt, Windeln zu waschen, Kinder zu trösten und Ordnung zu halten*» [А. Mechtel. Katrin].

Актуализаторами концепт являются следующие лексические единицы: *schwere Hausarbeit, Zubereitung der Mahlzeiten, kochen, putzen, Pflicht wie kochen, waschen und bügeln, Pflege, Windeln zu waschen, Kinder zu trösten und Ordnung zu halten, Geschirrspulmaschine ein- und ausräumen, gesunde Ernährung, Küche, Kinder, schwere Belastung*. Например:

«*Ich mache alles, sagte Eugenia, kochen, putzen, alles. – Bitte. Ich bin geschieden. Ich mache alles. Bitte*» [D. Dörrie. Gutes Karma aus Zschopau]

В данном примере с помощью повтора сочетания *ich mache alles* автор подчеркивает мысль о том, что женщина независимо от того, одинока она или замужем, должна делать все. От ее умения заботиться о своих любимых и родных зависит благополучие в семье. Приведем пример:

«*Da lächelt dann die aufopfernde Mutter & Hausfrau, wischt sich die schweißnasse Stirn, murmelt: “Ich muss die Schnitzel umdrehen” und eilt mit einem Stoss dreckiger Suppenteller der Küche zu*» [Ch. Nöstlinger. Familienidylle].

Но заботы по дому – это, прежде всего, ежедневный тяжелый труд, который утомляет и надоедает, например: «*Dazu die schwere Hausarbeit, die das neue Leben zwar nicht am Wachsen hinderte, mich*

aber von meiner täglichen Mindestpflege immer ferner und ferner» [Е. Jelinek. Paula].

Приведенные примеры на немецком языке демонстрируют, что дом – это грязные тарелки (*Stoss dreckiger Suppenteller*), уборка, т. е. тяжелая домашняя работа (*schwere Hausarbeit*), которую приходится совмещать с карьерой.

Домашняя работа ассоциируется с обязанностью (*Pflicht*), которую непременно нужно выполнять. Например: «*Diese Arbeit ist Pflicht, Pflicht wie kochen, waschen und bügeln*» [А. Mechtel. Katrin].

Дом – это не просто уборка, а уборка по плану (*Putzplan*). Например:

1) «*Ein solches Haus braucht einen Putzplan*» [В. Prettnner. Der Brief].

2) «*Kinder brauchen Platz. Dann wird man froh sein um jeden zusätzlichen Raum. Mehr Räume brauchen mehr Pflege. Mehr Pflege braucht mehr Zeit*» [В. Prettnner. Der Brief].

Как только женщина становится матерью, домашняя работа, забота о домочадцах и хлопоты по хозяйству становятся неотъемлемой частью ее жизни. Например: «*Die Meunier war bisher eine Mutter gewesen wie alle Mütter: Schlange stehen, aus nichts etwas, aus etwas viel machen, Heimarbeit zu der Hausarbeit übernehmen, das alles war selbstverständlich*» [А. Seghers. Das Obdach].

В дискурсе современной русскоязычной женской прозы важна атмосфера дома, которая складывается из отношений между людьми (*вера, обрести и оценить*). Однако у современных немецкоязычных авторов женщин дом ассоциируется в первую очередь с постоянной уборкой (*Pflicht wie kochen, waschen und bügeln*), с тяжелым домашним трудом (*die schwere Hausarbeit*), с однообразным бытом (*Immer im Kreis – ohne Ende*), который окружает их постоянно в жизни. Концепт «дом» в женских текстах эксплицируется с помощью употребления глагольной лексики, перечислений, повторов, парцелляции. Авторы-женщины в изображении домашнего быта намеренно не используют выразительные средства языка, не употребляют экспрессивных форм оценки и т. п.

Библиографический список

1. Арбатова М. Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма // Преображение : Науч. лит альманах. – М. : Линор, 1995. – № 3. – С. 25–27.
2. Беспалова О. Е. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб. : РГПУ, 2002. – 24 с.
3. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и Тартуско-Московская семиотическая школа. – М. : Гнозис, 1994. – С. 10–257.
4. Манаенко Г. Н. Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения : монография. – Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2006. – 263 с.
5. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. – М., 2000. – № 4. – С. 39–45.
6. Ровенская Т. Феномен женщины говорящей. Проблема идентификации женской прозы 80–90-х годов // Женщины и культура. – 1999. – № 15.
7. Хачмафова З. Р. Специфика женской языковой личности в художественном дискурсе (на материале русского и немецкого языков // Вестник АГУ. Серия «Филология». – Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2010. – № 1. – 310 с. – С. 101–105.
8. Хачмафова З. Р. Женский художественный дискурс в аспекте когнитивной лингвистики // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. – № 1-1 (23). – С. 200–204.
9. Karabulatoва I. S., Khachmafova Z. R., Bricheva M. M., Nescheretova M. T. & Bersirova A. K. Linguopragmatic Aspect of "Search for the Ideal" in the Discourse of Female Fiction as a Reflection of Matrimonial-Demographic and Sexual Behavior in Contemporary Russian Society. Review of European Studies. – 2015. – Vol. 7. – No 6 (2015). – P. 35–45.
10. Khachmafova Z. R., Karabulatoва I. S., Luchinskaya E. N., Osipov G. V. Gender Features of Discourse of Woman's Literature as a Reflection of Changes in the Modern Society. In the: Mediterranean Journal of Social Science. – 2015. – Vol. 6. – No 3, S. 2, May 2015. – P. 476–481.

Bibliograficheskiy spisok

1. Arbatova M. Zhenskaja literatura kak fakt sostojatel'nosti otechestvennogo feminizma // Preobrazhenie : Nauch. lit al'manah. – M. : Linor, 1995. – № 3. – S. 25–27.
2. Bespalova O. E. Konceptosfera poezii N. S. Gumileva v ee leksicheskom predstavlenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – SPb. : RGPU, 2002. – 24 s.
3. Lotman Ju. M. Lekcii po struktural'noj pojetike // Ju. M. Lotman i Tartusko-Moskovskaja semioticheskaja shkola. – M. : Gnozis, 1994. – S. 10–257.
4. Manaenko G. N. Informacionno-diskursivnyj podhod k analizu oslozhnennogo predlozhenija : monografija. – Stavropol' : Izd-vo SGPI, 2006. – 263 s.
5. Miller L. V. Hudozhestvennyj koncept kak smyslovaja i jesteticheskaja kategorija // Mir russkogo slova. – M., 2000. – № 4. – S. 39–45.
6. Rovenskaja T. Fenomen zhenshhiny govorjashhej. Problema identifikacii zhenskoy prozy 80–90h godov // Zhenshhiny i kul'tura. – 1999. – № 15.
7. Hachmafova Z. R. Specifika zhenskoy jazykovoj lichnosti v hudozhestvennom diskurse (na materiale russkogo i nemeckogo jazykov // Vestnik AGU. Serija «Filologija». – Majkop : Adygejskij gosudarstvennyj universitet, 2010. – № 1. – 310 s. – S. 101–105.
8. Hachmafova Z. R. Zhenskij hudozhestvennyj diskurs v aspekte kognitivnoj lingvistiki // Izvestija Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 1-1 (23). – S. 200–204.
9. Karabulatoва I. S., Khachmafova Z. R., Bricheva M. M., Nescheretova M. T. & Bersirova A. K. Linguopragmatic Aspect of "Search for the Ideal" in the Discourse of Female Fiction as a Reflection of Matrimonial-Demographic and Sexual Behavior in Contemporary Russian Society. Review of European Studies. – 2015. – Vol. 7. – No 6 (2015). – P. 35–45.
10. Khachmafova Z. R., Karabulatoва I. S., Luchinskaya E. N., Osipov G. V. Gender Features of Discourse of Woman's Literature as a Reflection of Changes in the Modern Society. In the: Mediterranean Journal of Social Science. – 2015. – Vol. 6. – No 3, S. 2, May 2015. – P. 476–481.

© Хачмафова З. Р., 2016

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА ГОРОДСКОЙ И ДЕРЕВЕНСКОЙ КУЛЬТУР

Х. С. Шагбанова
Е. А. Бобкова

*Доктор филологических наук, профессор
старший преподаватель
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников Министерства
внутренних дел Российской Федерации
г. Тюмень, Россия*

THE LITERARY PROCESS AS A SPACE DIALOGUE URBAN AND RURAL CULTURE

H. S. Shagbanova
E. A. Bobkov

*Doctor of Philological Sciences, professor
Senior Lecturer, Department of Philosophy
Tyumen Institute of Advanced Training
of employees of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Tyumen, Russia*

Abstract Fiction has tremendous socio-political, educational and informative role, since it is the story of the people represented in it, it conveys the moral knowledge accumulated by humanity during its existence. Particular attention is paid to the village prose relationship between man and nature, the countryside and the city.

Keywords: literature; village prose; morality; lifestyle; village; town.

Введение

Русская литература всегда характеризовалась обостренным вниманием к вопросам нравственности, к постановке и решению глобальных духовных проблем. Вопросы нравственности, связанные с сохранением духовных ценностей, традиций и жизненного уклада деревни, нашли отражение в деревенской прозе. Деревенская проза – направление в русской литературе 1960–1980-х годов, осмысляющее драматическую судьбу крестьянства, русской деревни в XX веке. Особое внимание уделялось вопросам нравственности, взаимоотношениям деревни и города, человека и природы. Отдельные произведения начали появляться уже в начале 1950-х (очерки В. Овечкина, А. Яшина и др.), но только к середине 1960-х годов деревенская проза оформилась в особое направление.

Многие исследователи считают термин «деревенская проза» неуместным. Причин несколько: 1) в литературе тема деревни отражена не только в прозе, но и в поэзии (Н. Рубцов), драматургии (А. Вампилов), и музыке (В. Гаврилин);

2) тема деревенской жизни не единственная в произведениях даже самых известных писателей данного литературного направления; 3) не все произведения о деревне относили к деревенской прозе. Таким образом, в основе отнесения произведений к данному кругу литературы лежит не только тематический принцип. Например, одним из признаков элитарности было знание различных пластов языка, умелое использование различных дискурсов [2].

А. И. Солженицын в «Слове при вручении премии Солженицына Валентину Распутину» очень точно определил основное направление деревенской прозы и заслугу «писателей-деревенщиков»: «... суть их литературного переворота – возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью» [9, с. 186].

Некоторые исследователи считают более приемлемым термин «онтологическая проза» («Онтология» от греческого «он» – «сущее» и «logos» – «учение» – учение о вечном, неизменном, о главных ценностях

бытия, о смысле жизни и смерти), предложенный Г. Белой и Е. Вертлибом. Термин не прижился, тем не менее, его иногда можно встретить в современных научных трудах по данному вопросу.

Методы и материалы

Методологическая основа данного исследования **является** сочетание методов мотивного и структурного анализа, историко-типологический подход к рассматриваемым проблемам совмещается со сравнительной характеристикой литературных и публицистических текстов. За десятилетия деревенская проза прошла несколько этапов развития, на каждом из которых в ней происходили внутренние изменения. Социально-экономические изменения, произошедшие в российской глубинке, не могли не отразиться на изображении характеров русской деревни. Отошел в сторону принцип социалистического реализма и социального заказа партии, выдвигая на передний план изменения в психологии героев. Иными словами, менялись характеры героя, место действия, отношение крестьян к труду, к собственности, что обусловило поиск новых подходов в методологии моделирования общественного сознания [3]. Все этапы социально-экономической жизни страны находили свое отражение в художественной литературе. В начале XX века во всех регионах страны определяющим направлением развития становится движение от аграрного общества к индустриальному. В 50-е годы на первый план выходят проблемы социально-экономического характера. Отличительная черта деревенской прозы этого периода – производственный сюжет, отражающий «спасение» деревни, борьбу с деревенским жизненным укладом, отсталостью. Главный герой – человек со стороны, чаще всего руководитель (председатели колхозов, секретари райкомов и обкомов, главные инженеры и агрономы и т. д.). Место действия, как правило, не крестьянский дом, а контора. Таким образом, это литература о крестьянской жизни, но по существу, почти «без крестьян». Начиная с 60-х годов, внимание переключается на сохранение всего ценного в традициях русской деревни: свое-

образного национального уклада хозяйственной жизни, связи с природой, трудовых навыков, народной крестьянской морали. Тема противопоставления деревни и города, противостояния всему, что несет город, выражается не всегда открыто, чаще между строк, в образах персонажей, в диалогах, отражая базовые концепты в русской языковой картине мира [8; 10].

Дискуссия и результаты

Среди писателей современности, которых относят к жанру деревенской прозы, ведущее место занимают такие писатели, как Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Александр Солженицын, Василий Шукшин, Федор Абрамов, Василий Белов, Борис Екимов, и др. Практически все они – родом из Сибири. Сибирь как «глобальная мифологема» природности и естественности доминирует в мировом социуме, влияя на характер миграционных процессов.

Именно писатели-сибиряки, начиная с конца 50-х годов, составили оппозицию городской культуре. Тема деревни в их произведениях опиралась на реальную историю освоения региона крестьянством, при котором Сибирь не знала крепостной зависимости и экономическая независимость способствовала формированию менталитета личностного сознания при сохранении ценностей родовых связей.

К концу 60-х годов в литературном творчестве данных писателей Сибирь представляется «хранительницей» национального духа. Эти идеи развивались применительно к новому литературному герою – «сибирскому крестьянину, сохранившему подлинные религиозные, этические, культурные ценности». Возникает «особый культурный герой – сибиряк» [4, с. 178]. К особенностям характера коренного сибиряка традиционно относятся широкая душа, гостеприимство, вольнолюбие, желание и готовность прийти на помощь другим, предприимчивость и сноровка в работе, стойкость в тяжелых жизненных испытаниях [5, с. 396].

В произведениях некоторых наших современников, в том числе наших земляков, можно наблюдать вышеперечисленные черты «деревенской прозы», что позволяет нам говорить о развитии деревен-

ской прозы и в наше время. Так, известный тюменский писатель Леонид Иванов в своих произведениях изображает картины из жизни деревенских жителей. В 2009 Леонид Иванов выпустил первый сборник очерков и рассказов «Первый парень на деревне», на следующий год – повесть «Леший». Автор знает о жизни деревни не понаслышке. Леонид Иванов родился в Вологодской глубинке, куда были сосланы его родители. С раннего детства, как и все его ровесники, привык к деревенскому труду. Много читал, пробовал писать рассказы, и совершенно случайно его талант был замечен журналистом районной газеты «Волна», в которую он в 17 лет был принят литературным сотрудником. Практически вся жизнь Леонида Иванова была связана с журналистикой [1].

В рассказах Л. Иванова можно проследить основные темы «лирической деревенской прозы»: прощание с деревней или встреча-прощание, незамысловатые картины сельской жизни, часто объединенные образом рассказчика. Тип характера главных героев его рассказов – коренные сельские жители, мудрые, добрые, не алчные, трудолюбивые, сочувствующие другим. Традиционно в деревенской прозе выделяют этот тип в двух его вариантах, к тому же во многом противоположных: герои-праведники и герои-чудаки, несоответствующие стереотипам поведения. Жизнь у них складывается по-разному, а тип психологии один: доброта, совестливость, честность.

Такие свойства характеров главных героев оказывают влияние и на формы повествования. Именно они исключают острое сюжетное развитие, конфликтные ситуации. Часто переживания и размышления задают тон рассказа, подчиняют себе сюжет, отбор материала и характер его освещения. Поэтому форма некоторых его рассказов и повестей – как правило, не имеет четкого сюжета, композиционное построение достаточно расплывчато.

Центральное понятие в эстетике деревенской прозы – это «Дом». Дом – это родина, место, где герой родился, провел детство, был счастлив. С какой любовью представляет себе свой будущий дом де-

ревенский трудяга в рассказе «Мама, я иду»: «Дом получался на загляденье. Такие только в старину ставили, чтобы высокий подпол, половину которого под столярную мастерскую планировал, под хранение разного инвентаря да железок ... Вторая часть подпола, знамо дело – для жены. Там ее вотчина. Пусть сама определяет, где яму под картошку, где полки для солений да варений ...» [1]. В деревенских рассказах Л. Иванова часто можно встретить описание незамысловатой обстановки старых домов, возвращающих нас, читателей, к прошлому, к домам наших еще живых и уже умерших родителей, бабушек и дедушек, к той простоте и некой загадочности старинных вещей, которые так притягивали в детстве. Каждый предмет, каждая мелочь знакома нам из детства и вызывает чувство умиления, возвращает в прошлое, будь то выцветшие фотографии, висящие в рамке над столом, старая кровать с панцирной сеткой или чайный сервиз за стеклом в шкафу.

При этом писатель обращается к проблеме связи с родной землей, с домом. Уехав из дома, герой рассказа «Пароходы пахнут огурцами» пронесет через всю жизнь воспоминания о том особенном запахе малосольных огурцов, пришедшем из прошлого, воплощающим в себе беззаботность детства в родном доме, маленькие радости от гостей.

Когда же рушится связь с родной деревней, начинаются беды, возникает бездуховность, потребительский подход к жизни, захватывают жестокость и равнодушие города.

Еще одна эстетическая категория деревенской прозы – «гармония» – образ цельного, гармонического мира, включающего в себя уклад общественной жизни (дружба, соседство, взаимопомощь), уклад семейной жизни (супружество, любовь, верность), уклад трудовой жизни (труд не ради наживы, а ради благополучия семьи).

Сельские жители являются «носителями морали», настоящей «русской души». Их еще не затронули те «новые» ценности, которые несет в себе город: жажда наживы, суэта, нетерпимость. Их

жизнь по-прежнему протекает размеренно, житейские хлопоты и трудности воспринимаются естественно, без трагичности. «В деревне ведь все с основными работами связано. Главное – сев провести, корма заготовить, да урожай убрать, а остальную надобность промеж этих страдных дней успеть» («Мама, я иду»). При этом тема труда, именно труда, не работы, не заработков, прослеживается во многих картинах деревенской жизни, созданных писателем. Отсюда поиск иных идеалов, чем у городского жителя, иные ценностные приоритеты и доминанты.

Языковая сторона рассказов характеризуется простотой повествования, обогащением литературного языка за счет живой разговорной речи. Используя выражения, принадлежащие к разным стилистическим рядам, автор создает контраст между книжной и разговорной речью, а также подчеркивает различие, индивидуальные особенности носителей этой речи.

К характерным чертам языка деревенской прозы Леонида Иванова можно отнести широкое использование разговорной лексики и просторечных, местных выражений, интенсивное использование экспрессивной лексики, богатство и красочность эпитетов.

Заключение

В заключение хотелось бы процитировать слова Якова Павловича Вакуленко, героя рассказа «До ста лет без старости», старого мудрого человека. В его словах достаточно ясно прослеживается отношение к происходящим событиям, противопоставление духовности и моральных устоев «старой» деревни бездуховности города: «... Я ведь нравочений не читаю. Вы, молодые, никого теперь слушать не хотите. ... Вообще раньше веселья больше было. На все праздники вечера проводили, песни пели, танцевали. А теперь что, за стол сядут, стопку за стопкой наливают, вот и все веселье. Не умеете вы теперь жизни радоваться. Все злые, ругаются. ... А воровство возьми. Да у нас в Сибири даже в городах дома не запирали, если куда уходят. А теперь и в деревнях все на запорах, а в городе вообще страх посмотреть. Дома все в решетках, двери

железные. Разве это дело, так жить, всего бояться?» [1].

Итак, Леониду Иванову в своих произведениях удастся ярко передать многие реалии «старой» деревни: сохранившиеся традиции, сочетание веры и суеверий у стариков, непонятные, иногда забавные для горожан проблемы (например, процесс случки коровы с единственным быком на всю округу, которому целиком посвящен рассказ «Бантик для Геракла»), размеренный образ жизни, а также процесс столкновения деревни с новыми ценностями, «завозимыми» из города.

Само пространство «деревенской прозы» Сибири обозначено как территория скрытых смыслов, истинной духовности русского народа. Противопоставленность образов города и деревни демонстрировала тупиковый путь, по которому развивалось советское общество, подталкивая читателя к пониманию неминуемого конца. В настоящее время «деревенская проза» заявляет о себе как некое элитарное искусство истинного народного духа в противовес искусственному городскому образу жизни.

Библиографический список

1. Иванов Л. Проза // Проза.ру. <http://www.proza.ru/avtor/ivanovlk/> [Дата обращения 20.09.2014].
2. Карабулатова И. С. Эволюция русской речевой элитарной культуры на сломе эпох: XVII–XXI вв. // Aus Sibirien-2006. III Международная научно-практическая конференция, научно-информационный сборник. – Тюмень : ИПЦ «Экспресс», 2006. – С. 42–45.
3. Кареева С. Г., Карабулатова И. С., Климовицкий С. В. Актуальные проблемы моделирования методологии стратегического общественного планирования в современной России // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки / под редакцией Карабулатовой И. С., Галиуллиной С. Д., Коберси И. С. – Москва; Уфа; Ростов-на-Дону, 2015. – С. 111–117.
4. Карабулатова И. С., Федорова Е. А. Мифолингвистические стратегии топонима Сибирь в современном кинематографе (на материале художественных и документальных фильмов) // Вестник Орловского государственного университета. – 2014. – № 5 (40). – С. 177–181.
5. Культура Сибири: Поликультурное пространство Российской Федерации в семи книгах /

- Л. В. Дмитриева [и др.]. – Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2013. Книга IV. – 452 с.
6. Ломакина О. В. Национальное в индивидуальном: пословицы и поговорки в художественных произведениях Л. Н. Толстого // *Guadernos de Rusistica Española*. – 2009. – № 5. – С. 11.
 7. Ломакина О. В. Фразеологизмы и пословицы как смысловые доминанты художественного текста (на материале произведений Л. Н. Толстого) // *Вопросы филологии*. – 2011. – № 38. – С. 67–72.
 8. Мартазанов А. М. Идеология и художественный мир «деревенской прозы» (В. Распутин. В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаяев). Автореф. д-ра филол. н. – СПб, 2007.
 9. *Proza.ru*: Леонид Иванов. Тюмень // <http://www.proza.ru/avtor/ivanovlk/> [Дата обращения 10.09.14.].
 10. Солженицын А. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4.05.2000 // *Новый мир*. – 2000. – № 5. – С. 186.
 11. Сухих С. И. Лекции по истории русской литературы XX века. (40-е 90-е гг.) «Деревенская проза» // <http://sledu.ru/docs/55400/index-33279.html/> [Дата обращения 20.09.14.].
- planirovaniya v sovremennoy Rossii // *Sotsialno-ekonomicheskie i gumanitarno-filosofskie problemy sovremennoy nauki / pod redaktsiey Karabulatovoy I. S., Galiullinoy S. D., Kobersi I. S.* – Moskva; Ufa; Rostov-na-Donu, 2015. – S. 111–117.
4. Karabulatova I. S., Fedorova E. A. Mifolingvisticheskie strategii toponima Sibir v sovremennom kinematografe (na materiale hudozhestvennyih i dokumentalnyih filmov) // *Vestnik Orlovskogo Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2014. – № 5 (40). – S. 177–181.
 5. *Kultura Sibiri: Polikulturnoe prostranstvo Rossiyskoy Federatsii v semi knigah.* / L. V. Dmitrieva [i dr.]. – Sankt-Peterburg : ID «Petropolis», 2013. Kniga IV. – 452 s.
 6. Lomakina O. V. Natsionalnoe v individualnom: posloviitsy i pogovorki v hudozhestvennyih proizvedeniyah L. N. Tolstogo // *Guadernos de Rusistica Espanola*. – 2009. – № 5. – S. 11.
 7. Lomakina O. V. Frazeologizmy i posloviitsy kak smyslovyye dominanty hudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedeniy L. N. Tolstogo) // *Voprosy filologii*. – 2011. – № 38. – S. 67–72.
 8. Martazanov A. M. Ideologiya i hudozhestvennyy mir «derevenskoy prozy» (V. Rasputin. V. Belov, V. Astafev, B. Mozhaev). Avtoref. d-ra filol. n. – SPb, 2007.
 9. *Proza.ru*: Leonid Ivanov. Tyumen // <http://www.proza.ru/avtor/ivanovlk/> [Data obrascheniya 10.09.14.].
 10. Solzhenitsyn A. Slovo pri vruchenii premii Solzhenitsyina Valentinu Rasputinu 4.05.2000 // *Novyiy mir*. – 2000. – № 5. – С. 186.
 11. Suhikh S. I. Leksii po istorii russkoy literatury XX veka. (40-e 90-e gg.) «Derevenskaya proza» // <http://sledu.ru/docs/55400/index-33279.html/> [Data obrascheniya 20.09.14.].

Bibliograficheskiy spisok

1. Ivanov L. *Proza* // *Proza.ru*. <http://www.proza.ru/avtor/ivanovlk/> [Data obrascheniya 20.09.2014].
 2. Karabulatova I. S. Evolyutsiya russkoy rechevoy elitarnoy kulturyi na slome epoch: XVII–XXI vv. // *Aus Sibirien-2006. III Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, nauchno-informatsionnyiy sbornik*. – Tyumen : IPTs «Ekspress», 2006. – S. 42–45.
 3. Karepova S. G., Karabulatova I. S., Klimovitskiy S. V. Aktu-alnye problemy modelirovaniya metodologii strategicheskogo obsche-stvennogo
- © Шагбанова Х. С., Бобкова Е. А.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВИДЕОБУМА – РЕАКЦИЯ ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ ПЕЧАТИ

Н. Э. Шишкин

*Кандидат филологических наук
Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Россия*

VIDEOBOOM'S IDEOLOGICAL ASPECT – REACTION IN THE «PERESTROIKA» PRESS

N. Shishkin

*Candidate of Philological Sciences
Tyumen State University, Tyumen, Russia*

Abstract. The article attempts to give an overview of the materials of “perestroika” press devoted to ideological and legal aspects of the socio-cultural phenomena as “videoboom”, which was generated by the liberalization of Soviet society in the second half of the 80-ies of the last century.

Keywords: videoboom; video market; “perestroika” press; indoctrination of mass consciousness.

Последовавшее за провозглашением перестройки падение железного занавеса привело к тому, что на просторы разваливающего Советского Союза хлынул лавинообразный поток западных кинокартин на видеокассетах. Комсомольские, кооперативные и подпольные видеосалоны породили явление, известное как перестроечный видеобум. Свободный доступ к мировому кинематографу, до этого закрытый жесткой коммунистической цензурой, был наконец предоставлен советскому зрителю. Запреты были сняты и с недопустимой ранее киноклассики, и с «идеологически чуждых» развлекательных жанров, и с откровенно антисоветских лент. «Для советских граждан западное кино несло совершенно оглушительную по новизне эстетическую, идеологическую, наконец, эротическую информацию. И жажда этой информации перехлестывала интерес к запрещенным книгам, к новым журнальным публикациям, к ночному слушанию Голоса Америки... Казалось, что наступает тотальное видеоумопомрачение» – так характеризовала данный период Е. Кутловская [6]. Однако это явление, значительно повлиявшее на идеологический и культурный ландшафт государства, до сих пор не стало объектом глубокого научного изучения. В данном

ретроспективном обзоре делается попытка проследить, какой резонанс вызвали в перестроечной прессе идеологический и правовой аспекты видеобума.

На рубеже 80–90-х годов прошлого века начал заполняться информационный вакуум, в котором до этого несколько лет зарождался отечественный видеорынок. Увидела свет журнальная продукция издательской группы «Видео-Асс» («Видео-Асс», «Видео-Асс Экспресс», «Видео-Асс Премьер», «Видео-Асс Фаворит» и др.) [2; 5], нацеленная на освещение различных аспектов развивающегося российского видеорынка; центральные общественно-политические издания (такие как «Известия», «Коммерсант», «Московские новости», «Российские вести» и др.) отреагировали появлением тематических видеokolonok. Этому системному интересу к сфере домашнего видео предшествовала волна публикаций в СМИ, в которой журналисты и эксперты вынуждены были очерчивать круг проблем, порожденных новым социокультурным феноменом.

Круг этот был довольно широк, включал в себя проблемы идеологического, юридического, экономического, культурологического характера. Причем каждая из них высвечивалась по-разному в зависимо-

сти от того, под чьим углом зрения она представляла: обывателя – рядового зрителя, или государства, общества в целом.

На Западе индустрия домашнего просмотра кинопродукции возникла благодаря техногенному и экономическому факторам: повсеместному распространению дешевых бытовых видеоманитонов и видеокассет – носителей информации. В позднем Советском Союзе причины возникновения видеобума лежали в плоскости политики, идеологической либерализации общества. Экономический фактор так же сказывался на советском видеобуме, но в ином ключе, нежели на Западе. Домашнее потребление видео было развлечением для весьма узкой прослойки населения, что обуславливалось дороговизной и дефицитом аппаратуры. «...Дом с видео – за редкими исключениями – это закрытый дом; видео – знак принадлежности к определенному кругу, специфически сословная ценность...» – писал об этом в 1987 году искусствовед В. Вильчек [3, с. 79] Поэтому отечественный зритель в большинстве своем приобщался к потреблению видео во время коллективных просмотров на сеансах в видеосалонах.

В первые годы распространения видео в прессе острее всего ставилась проблема проникновения в информационное пространство страны чуждых идеологии и морали, насаждения западной системы ценностей, и, как следствие, вставляли вопросы об использовании нового медиа в государственных целях, пресечении попыток идеологических диверсий и соотношении нового социального явления с существующей юридической практикой.

Доктор философских наук Ю. Воронцов в статье «С точки зрения социолога» выражал официальную точку зрения, признавая, что из «экзотического аттракциона оно [видео] начало превращаться в заметный социокультурный феномен», и задавался вопросом: «как лучше использовать видео с точки зрения задач развития общества, очерченных в новой редакции Программы КПСС и решениях XXVII съезда партии?» [4, с. 23] Затрагивал автор и порожденные новым явлением страхи: обывателя перед государством, в связи

с недавними резонансными судебными процессами над видеолюбителями, а государства – перед «идеологической гнилью», которая «может стать опасным оружием против нашей идеологии, морали, образа жизни» [4, с. 23] Как отмечал впоследствии журналист, искусствовед и философ, пропагандист видео в СССР, основатель вышеупомянутой издательской группы «Видео-АСС» В. Борев, менялись лишь механизмы воздействия на распространение видео. «Так называемое «мнение широкой общественности» апеллирует теперь не к скомпрометировавшим себя методам правового давления, а пытается использовать возникающие структуры новой власти. И вот появляется «Письмо матерей» в Верховный Совет с просьбой... запретить видео, которое расшатывает и губит их детей» [1; 6]

Однако советская обличительная риторика – «видео – это социальный феномен Запада, если хотите, его ставка в поисках новых средств в идеологической борьбе» [10] – в отношении нового увлечения постепенно уходила в прошлое. Тот же В. Борев, в качестве председателя экспертной комиссии по уголовным делам, связанным с видеопродукцией, годом ранее в журнале «Смена» в цикле интервью, посвященных проблемам видео, с резкой критикой обрушивался на карательную практику советских правоохранительных органов в отношении видеолюбителей. Он характеризовал подобные прецеденты как «юридические эксцессы, вызванные несовершенством современного законодательства», а действующие статьи УК РСФСР 228 и 228-прим, касающиеся распространения порнографии и пропаганды культуры насилия и жестокости, признавал слишком размытыми, лишенными конкретики. Наряду с этим с видео снимался ярлык «идеологической гнили». Эксперт резюмировал: «В запале борьбы с «западной идеологией» и с ее «носителями» в лице владельцев видеоманитонов... эти, с позволения сказать, комиссии [по оценке западной кинопродукции с точки зрения нарушения УК] наломали дров» [12].

А журнал «Видео-АСС» в историческом расследовании «Песнь об особом

отделе» наносил ответный удар по ревни-телям коммунистической идеологии, раз-облачая тайны закрытых «правитель-ственных кинопросмотров», на которых лидеры советского государства регулярно и с удовольствием приобщались к буржу-азному кинематографу, недоступному для рядовых граждан СССР: «Портрет «сред-него» работника Политбюро ... почти не-отличим от портрета среднего посетителя пиратского видеосалона» [13]

Постфактум видеообозреватель «Изве-стий» С. Мостовщиков с иронией отме-чал, «что в отнюдь не рыночной стране, живущей по пиратским порядкам, пусть пиратскими же методами, но создан абсо-лютно полноценный видеорынок» [2] К концу 80-х годов прошлого века в стране начали предприниматься попытки ухода от контрабандных пиратских схем рас-пространения, появились первые офици-альные дистрибьюторы, поставляющие на рынок легальный контент – государствен-ное ВПТО «Видеофильм», совместное со-ветско-греческое предприятие «Варус Ви-део». Частники делали робкие шаги в ле-гальном видеобизнесе, государственники начинали борьбу с видеопиратством в по-пытке направить процесс распростране-ния видео в легальное русло с учетом не только идеологических, но и финансовых соображений. Все это так же вызывало резонанс в прессе.

Как подчеркивал в беседах с корре-спондентом журнала «Смена» В. Боров, «издается масса постановлений, указов, директив, идет борьба мнений на всех уровнях [11]. Причиной появления подоб-ных актов был не только страх государ-ства перед растражированной на видео-кассетах чуждой идеологией, но и неже-лание пускать частников в сферу, связан-ную с массовыми коммуникациями. Например, пресловутое постановление Совета Министров от 29 декабря 1988 го-да «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответ-ствии с Законом о кооперации в СССР» запрещало кооператорам любую деятель-ность в сфере производства и распростра-нения видео [9]. «Пресса время от време-ни громыхает «обличительными» статья-

ми: вот, мол, есть сведения, что там-то и там-то собираются и смотрят «порнуху», поэтому нужно усилить контроль и «со-блюдение» социалистической законности. Плюс ко всему распространяются сред-ствами массовой информации и слухи о каких-то фантастических штрафах, кото-рые якобы вынуждено платить государ-ство за показ «незакупленных» фильмов в кооперативах, молодежных центрах и т. д. Наша группа специально справлялась в ВААП и получила информацию о том, что никаких претензий со стороны западных фирм никогда не поступало... Дело, ви-димо, в том, что эти слухи выгодны госу-дарственным организациям, потому что сейчас огромный кусок видеопирога ото-брали различные кооперативы, центры досуга, комсомол» [11].

Таким образом, юридический аспект проблемы распространения видео для ря-довых любителей и предпринимателей был подчинен стремлению государства защититься от «тлетворного влияния За-пада». Вопрос соблюдения авторских прав, впоследствии вышедший на первый план, затрагивался вскользь, поскольку в правовом поле отсутствовали соответ-ствующие регуляторы. Автор редакцион-ного материала «Видео-дайджеста» ВНИИ Киноискусства Госкино СССР се-товал по этому поводу: «...мы пока не подписали соответствующую конвенцию – это и позволяет государственным орга-нам закрывать глаза на проблему: зару-бежные владельцы видеоправ не предъ-явят нам многомиллионные иски» [9; 3].

Отечественный видеобум складывался на волне либерализации общества, спон-танно. Позиция государства в отношении нового вида досуга оставалась двоякой: с одной стороны благоприятствующий его распространению курс на развитие коопе-рации и предпринимательства, с другой – небезосновательный страх перед западной идеологией, порождающий традиционные для советского строя запретительные ме-ры. Этот дуализм просматривался и в вы-ступлениях печатной прессы той поры. Консервативные издания по инерции за-нимали охранительную позицию, клеймя

позором «их нравы». Либеральная и зарождающаяся специализированная пресса пытались сформулировать взвешенную точку зрения на новый социокультурный феномен, определить правовые рамки его развития и сформулировать эстетические критерии оценки отсутствовавшей ранее в массовом прокате кинопродукции. В целом ситуация соответствовала идеологическому противостоянию в обществе той поры. С конспирологической точки зрения можно объяснять и спокойствие западных правообладателей в отношении разгула видеопиратства в перестроечном Советском Союзе (в США, Европе уже тогда велась активная борьба с этим явлением). Videобум, внедривший на просторы СССР западный массовый кинематограф, действительно был мощным инструментом идеологической обработки сознания масс в завершающейся «холодной войне», которое, несмотря на семидесятилетнюю советскую пропаганду, оказалось неспособно противостоять «вестернизации».

Библиографический список

1. Боров В. Прощай, невинность // Видео-Асс. – 1990. – № 3.
2. «Видео-Асс» – первый советский журнал о видео // Коммерсантъ Власть. – 1990. – № 33. URL: <http://kommersant.ru/doc/266466>.
3. Вильчек В. Пока джинн не выпущен из кассеты // Юность. – 1987. – № 3.
4. Воронцов Ю. С точки зрения социолога // Советский экран. – 1987. № 20.
5. Галиев А. «Видео-Асс»: экспресс для фаворита // Коммерсантъ Власть. 1993. № 16. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/7724>.
6. Кутловская Е. Голос // Искусство кино. – 2002. – № 2. URL: <http://kinoart.ru/archive/2002/02/n2-article14>).
7. Макарон Л. За державу Обидно // Видео-дайджест. – 1990. – № 4.
8. Мостовщиков С. Пиратское видео – не только коллективный пропагандист, но так же и организатор // Известия. – 1992. – № 38.
9. О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с Законом о кооперации в СССР. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901798962>
10. Симонов В. Видеобезумие // Литературная Газета. – 1984. – № 2.
11. Федоров Е. Наедине с испугом // Смена. 1989. – № 8.
12. Федоров Е. Цена «клубнички» // Смена. 1989. – № 6
13. Чикомасова И. Песнь об особом отделе // Видео-Асс. – 1990. – № 3.

Bibliograficheskiy spisok

1. Borev V. Proshhaj, nevinnost' // Video-Ass. – 1990. – № 3.
2. «Video-Ass» – pervyj sovetskij zhurnal o video // Kommersant Vlast'. – 1990. – № 33. URL: <http://kommersant.ru/doc/266466>.
3. Vil'chek V. Poka dzhinn ne vypushhen iz kassety // Junost'. – 1987. – № 3.
4. Voroncov Ju. S tochki zrenija sociologa // Sovetskij jekran. – 1987. № 20.
5. Galiev A. «Video-Ass»: jekspress dlja favorita // Kommersant Vlast'. 1993. № 16. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/7724>.
6. Kutlovskaja E. Golos // Iskusstvo kino. – 2002. – № 2. URL: <http://kinoart.ru/archive/2002/02/n2-article14>).
7. Makaron L. Za derzhavu Obidno // Video-dajdzhest. – 1990. – № 4.
8. Mostovshhikov S. Piratskoe video – ne tol'ko kollektivnyj propagandist, no tak zhe i organizator // Izvestija. – 1992. – № 38.
9. O regulirovanii otdel'nyh vidov dejatel'nosti kooperativov v sootvetstvii s Zakonom o kooperacii v SSSR. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901798962>
10. Simonov V. Videobezumie // Literaturnaja Gazeta. – 1984. – № 2.
11. Fedorov E. Naedine s ispugom // Smena. 1989. – № 8.
12. Fedorov E. Cena «klubnichki» // Smena. 1989. – № 6.
13. Chikomasova I. Pesn' ob osobom otdele // Video-Ass. – 1990. – № 3.

© Шишкин Н. Э.

УДК 821.161.1

«Я ГИМНЫ ПРЕЖНИЕ ПОЮ...» (к вопросу художественного синтеза в творческом методе А. С. Пушкина)

В. В. Липич
Т. И. Липич

*Доктор филологических наук, профессор
доктор философских наук, профессор
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет, г. Белгород, Россия*

«I'M SINGING THE PREVIOUS HYMNS...» (revising the problem of the artistic synthesis in the creative method of A.S. Pushkin)

V. V. Lipich
T. I. Lipich

*Doctor of Philological Sciences, professor
Doctor of Philosophical Sciences, professor
Belgorod National Research University
Belgorod, Russia*

Abstract. The article is devoted to the dynamics of the development of the creative method of A. S. Pushkin and the analysis of the "transitive artistic systems" in the structure of Pushkin's poetry.

Keywords: romanticism, creative method, synthesis, "transitive artistic systems", tradition, succession.

Проблема плотной насыщенности и разноликости культурно-эстетических тенденций пушкинской эпохи как в целом, так и многоголосой синтетичности творческого метода самого А. С. Пушкина, в частности, в разное время и в различной степени затрагивалась отечественными исследователями. В 20-е годы XIX столетия в России шел активный процесс формирования романтической эстетики, ядром которой было учение об идеале. Однако со второй половины 1820-х гг. в художественной системе А. С. Пушкина стал намечаться определенный отход от этих позиций, начинают закладываться предпосылки нового понимания и нового изображения человека. Безусловно, трудно безоговорочно определить четкий пограничный рубеж между

романтическими и реалистическими произведениями поэта, в особенности там, где речь идет о малых жанровых формах, однако, думается, что пунктирно это все же возможно.

По мере возрастающего интереса Пушкина к «движению жизни» человек в его творчестве обретает все большую полноту художественного выражения. «Пушкинский человек» становится гораздо активнее, постепенно предстает уже не вне действительности, не над ней, а выступает ее составной и деятельной частью.

Мы полагаем, что последовательное применение системно-субъектного подхода к ряду явлений русской литературы XIX века дает основание говорить о том, что они совмещали в себе элементы и начала, восходящие к разным художе-

ственным системам и методам, поэтому пушкинское «движение внутри романтического метода» свидетельствует о некоем балансирующем, переходном творческом состоянии, в котором поэт пребывал в середине 1820-х гг. В данном исследовательском ракурсе закономерным и важным, как нам кажется, является вполне допустимое изыскательское предположение, которое не исключает той вероятности, что мы имеем дело с каким-то новым объектом научного исследования. В рамках предлагаемой статьи мы попытаемся хотя бы в первом приближении эскизно очертить границы, определить объем и описать некоторые признаки этого объекта, дав ему рабочее определение «переходная художественная система».

Мы считаем, что индивидуальные переходные системы (отдельные произведения или художественные циклы того или иного автора, этапы его творчества) возникают в такие периоды развития художественной литературы, когда господствующий в ней художественный метод, достигнув достаточно высокой степени развития, начинает обнаруживать и внутренне присутствующие ему противоречия. Эти противоречия чаще всего проявляются в неадекватности метода материалу, во все более очевидной невозможности вобрать и объяснить с помощью данного художественного метода открывающееся многообразие реального мира. По этим причинам и возникают некие переходные системы как попытки художественного освоения этой неадекватности: объектом изображения в них становится не только сама действительность, но и принципы ее освоения.

Особо следует подчеркнуть, что в «переходных художественных системах» отвергаемому (преодолеваемому) методу еще нет четкой, аргументированной альтернативы. Она лишь вырабатывается, только формируется, и «переходные художественные системы», как правило, отражают всю сложность и зыбкость этого напряженного творческого поиска.

На основе указанных особенностей, определяется и принципиальная двойственность «переходных художественных

систем» в типологическом и историко-литературном аспектах, ибо связь этих систем и с породившим их, и с порождаемым ими методами, становится достоянием текста (или группы текстов). Последний, аккумулируя в себе некоторые закономерности, присущие данной стадии историко-литературного процесса, одновременно связан и с «начальной», и с «конечной» его фазами.

Как правило, в художественных системах переходного типа складываются конфликтные отношения между героем – носителем определенных представлений о мире и человеке – и тем миром, в который он погружен. Можно попытаться выделить несколько вариантов подобных конфликтных отношений. В первом варианте объектом изображения оказывается герой – носитель мироотношения, которое автором преодолевается или уже преодолено. В этом случае герою с его представлениями о мире и месте в нем человека противостоит авторская концепция мира и человека, становящаяся той художественной моделью действительности, в которую погружен герой. Во втором варианте герой является носителем представлений о мире и человеке, близких к авторским, и вступает в конфликт с действительностью, содержание которой не принимается ни героем, ни автором. Наконец, возможен и такой вариант, когда ни герой – носитель определенной концепции мира и человека, ни противостоящая ему действительность не адекватны авторским представлениям о должном, но разнятся по степени приближения к ним, – здесь кроется источник конфликта между героем и миром.

Возникает резонный вопрос: что же позволяет объединить перечисленные варианты одним определением – «переходность»? Мы полагаем, прежде всего то, что в противоречие здесь вступают разные, не совпадающие между собой концепции мира и человека, тяготеющие к универсальности. Закономерно, что данный конфликт реализуется прежде всего как конфликт между известными типами художественного освоения действитель-

ности. Так, применительно к первому из описанных вариантов можно говорить о конфликте между героем – носителем мироотношения, восходящего к романтическому, и миром, построенным по законам реалистического художественного мышления [2]. Фохт У. Р. обратил внимание на то, что движение Лермонтова-прозаика от романтизма к реализму связано прежде всего с эволюцией лермонтовской концепции мира. Романтический герой все прочнее впаивается в мир, увиденный и изображенный автором-реалистом. Применительно ко второму и третьему – конфликте между романтически мыслящим героем и миром, построенным на доромантических началах. Различия между ними зависят оттого, с каких позиций описан данный конфликт – романтической (второй вариант) или реалистической (третий вариант).

Вероятно, степень условности предлагаемого разграничения достаточно высока и допускает изменение числа возможных вариантов. Но в данный момент, мы считаем важным подчеркнуть, что в их основе всегда лежит противоречие между сложившимися в истории русской литературы типами художественного освоения действительности – классицистским, романтическим и реалистическим.

Поскольку романтизму в процессе формирования «переходных художественных систем» мы склонны придавать ключевое значение, то остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Романтизм есть явление постклассицистское и предреалистическое и по генезису, и по существу. Однако данное определение местоположения романтизма в истории русской литературы не является ни универсальным, ни достаточным, так как не учитывает следующего факта: русский романтизм возник, формировался и разрушался во внеромантическом контексте, в непрерывном контакте с до- и пост-романтическими художественными и идеологическими тенденциями. При этом оформляющаяся грань между различными художественными методами оказывается достоянием не только историко-литературного про-

цесса, но и отдельного художественного произведения или группы произведений. «Переходные художественные системы» чаще всего и возникают в зоне контакта романтизма с неромантическими методами, фиксируя не столько результаты, сколько узловые этапы формирования или преодоления романтизма.

Характерным признаком «переходных художественных систем» является нарушение традиционного единства концепции мира и человека. Внутренне непротиворечивая в системах, отражающих зрелые стадии развития того или иного метода, в «переходных художественных системах» она распадается на две относительно самостоятельные концепции мира и человека, одна из которых будет восходить к отвергаемому (преодолеваемому), а другая – к осваиваемому (создаваемому) художественному методу.

Следствием расщепления единой концепции мира и человека на две, образующие «переходную художественную систему», являются, мы полагаем, два момента:

а) дифференциация субъектно-объектного строя этих систем. За одной из концепций мира и человека закрепляется преимущественно объектный, а за другой – преимущественно субъектный принципы их изображения;

б) разграничение и определенная автономизация присущих этим концепциям пространственно-временных континуумов и стилистических тенденций.

Как результат, в рамках «переходных художественных систем» разворачивается скрытый или явный диалог разнонаправленных концепций, пространственно-временных отношений и стилистических начал. Ведущее положение того или иного элемента (той или иной концепции мира и человека) в «переходной художественной системе» и разворачивающемся в ее пределах диалоге определяется тем, имеем ли мы дело с процессом становления или с процессом разрушения романтического метода и мироотношения.

В эпоху становления русского романтизма приоритетное, ведущее положение в «переходных художественных системах» занимает та концепция мира и чело-

века, основным звеном которой является именно проблема человека. Та же концепция мира и человека, основным звеном которой является проблема мира, оказывается в эту эпоху подчиненной, а зачастую, и оспариваемой, опровергаемой. При этом оказывается, что в «переходных художественных системах» периода становления русского романтизма концепция человека носит явные приметы романтической концепции (человек – аксиологический центр мироздания, свободно устанавливающий границы приемлемого в нем, берущий на себя право судить и осуждать мир и т. п.), а концепция мира – явные приметы классицистической концепции (мера всех вещей – воплощенная идея разума, стабильность мира, ясная очерченность его границ, содержания и т. д.).

Говоря о лирических жанрах, необходимо отметить, что в лирике рубежа XVIII–XIX вв. переходность воплощена прежде всего в структуре индивидуальных лирических систем (случаи, когда переходность становится системообразующим элементом отдельного стихотворения, единичны, например, «Деревня» А. С. Пушкина) и реализована как сочетание жанрового (объектного) и внежанрового (субъектного) принципов организации этих систем. В качестве примера назовем персональные лирические системы М. Н. Муравьева, К. Н. Батюшкова, поэтов-декабристов, А. И. Полежаева, А. С. Пушкина рубежа 1810-х – 1820-х годов, Д. В. Давыдова.

Концепция мира (и, вслед за ней, хронотоп мира и ведущая стилистическая тенденция) оформляются в жанрово организованной части этих лирических систем. Концепция человека (хронотоп человека и присущая им стилистическая тенденция) – в субъектно организованной их части.

Таким образом, можно сказать, что переходные лирические системы начала XIX века строятся как системы, в пределах которых сосуществуют и взаимодействуют преодолеваемая классицистическая концепция мира и формирующаяся романтическая концепция человека. Вме-

сте с ними сосуществуют и классицистические стилистические тенденции, на фоне которых и, отталкиваясь от которых, развиваются тенденции романтические.

В эпоху разрушения романтического метода и мироотношения формируются лирические системы, ведущее положение в которых занимает уже не концепция человека, а концепция мира. В этих лирических системах (и здесь случаи, когда переходность становится конструктивным элементом конкретного стихотворения, также единичны, например, пушкинское «Поэт и толпа») – Е. А. Баратынского, Н. П. Огарева, А. С. Пушкина середины 1820-х годов – строящихся всецело по субъектному принципу, романтическая концепция человека и присущие ей хронотоп и стиль, разворачиваются прежде всего в сфере лирического героя. В сфере же автора-повествователя реализуется реалистическая концепция мира и оформляемые ею хронотоп и стиль.

При этом, как мы считаем, следует отметить особое место лирики Е. А. Баратынского. Разрабатываемой им реалистической концепции мира был присущ один важный момент. Осознавая, как и Пушкин, всеобщность объективных законов бытия, Баратынский при этом не дифференцировал эти законы на «добрые» и «злые». Все они были равно губительны для человека. Именно это и вызвало к жизни, не прекращающиеся на протяжении всей творческой деятельности поэта попытки обратиться к дореалистическим представлениям о человеке и извлечь из них позитивное содержание. В этом смысле, если для Пушкина переходность была лишь моментом его творческого развития, то для Баратынского – системообразующим принципом всего творчества. То же самое можно сказать и о творчестве А. И. Полежаева [3].

В таких родах литературы, как эпос и драма моментом соприкосновения разнонаправленных концепций мира и человека является не группа текстов, а конкретный текст. И здесь проявляется описанная выше закономерность: в эпоху становления романтизма «опережающее» (с историко-

литературной точки зрения) развитие получает романтическая концепция человека, а в период разрушения романтизма – реалистическая концепция мира. Однако эпосу и драме присуща одна особенность. В лирике спор разнонаправленных концепций мира и человека опосредован и, в конечном итоге, решается в пределах всей системы либо вытеснением, либо поглощением и реорганизацией отвергаемой концепции. В эпосе (а отчасти и в драме) диалог становится системообразующим элементом данного произведения. Так, в «Руслане и Людмиле» А. С. Пушкина, «Душеньке» И. Ф. Богдановича, «Сашке» и кавказских поэмах А. И. Полежаева романтическая концепция человека, образующая сферу «авторского» повествования, ориентирована на опровержение самоценности и серьезной значимости до-романтической концепции мира, в которую вписана «сфера героев». В 1-й главе «Евгения Онегина» «сфера героя», построенная в значительной мере в соответствии с романтическим канонem, оспорена в «сфере автора», в которой разворачивается реалистическая картина мира. Сюда же с небольшими оговорками можно отнести и лермонтовский роман «Герой нашего времени», и комедию Грибоедова «Горе от ума» (в последнем произведении романтически мыслящий герой не столько оспаривается, сколько познается сочувствующим ему автором-реалистом).

Переходность играла неодинаковую роль и занимала разное место в индивидуальных писательских судьбах. К примеру, Пушкин стремительно движется от предромантического понимания мира к собственно романтизму, а в середине 1820-х годов он уже осваивает реалистический метод, тогда как Кюхельбекер и после 1825 г. строит подлинно романтическую систему, а, скажем, Козлов и после 1825 г. остался человеком второй половины 1810-х годов, для которого переходность оказалась не признаком этапа, не преодоленным свойством, а сущностью, устойчивым качеством, инвариантом его мироотношения и системы.

Дальнейшее изучение переходных художественных систем, как нам кажется,

позволит отказаться от негласно существующего представления о процессе движения писателей от метода к методу как процессе «безостаточном», не отраженном в их художественных текстах. С другой стороны, оно же способно дать дополнительную пищу для размышлений о механизмах, общих принципах смены господствующих художественных методов.

Прослеживая динамику формирования сначала романтической, а затем и реалистической эстетики А. С. Пушкина, этапы становления его художественного метода, считаем необходимым выделить в этом творческом продвижении особую стадию – период «истинного романтизма». При этом нужно отметить, что пушкинская концепция «истинного романтизма» еще весьма слабо изучена как в теоретическом, так и в историко-литературном плане. Эта проблема в разное время и в различной степени затрагивалась рядом ученых (В. Ф. Асмус, И. В. Сергиевский, Б. С. Мейлах, Л. И. Вольперт, А. М. Гуревич, Л. Н. Киселева, А. А. Смирнов), но обсуждалась она, как правило, в самом общем виде. обстоятельной монографической разработанности и освещенности в нашей филологической науке этот аспект пока не получил, уклончиво замалчивался исследователями, обходился стороной и особо не прижился в арсенале активно изучаемых проблем отечественного литературоведения. «Истинный романтизм» как закономерная поступательная стадия творческого созревания Пушкина на пути его продвижения к реализму не всегда и не в должной мере рассматривался литературоведами и во взаимосвязи с другими, смежными этапами художественной эволюции поэта, а если же и рассматривался, то опять же – как растворившийся в них «рудимент». Думается, что зря. Тут нет бесспорной самоочевидности. Мы считаем, что незаслуженное невнимание к этой переходной, промежуточной фазе эстетического роста и мировоззренческого самоопределения поэта, ее недооценка чревата недопустимым скрадыванием и выхолащиванием реальной сложности историко-литературного процесса и неоправ-

данным оскудением спектра художественно-эстетических исканий Пушкина.

Смысл борьбы Пушкина за «истинный романтизм» раскрылся в формуле «поэт действительности» (И. Киреевский). Буквально с этого времени из его произведений начинает уходить антитеза «поэта» и «толпы», «божественного глагола» и человеческого в художнике. Но открывающиеся поэту глубины внутреннего мира и власть бессознательного в нем не поддавались, по мнению Пушкина, чисто рациональному истолкованию. Здесь продолжала ощущаться близость к мироощущению, отразившемуся в романтическом двоемирии. В этом отношении романтизм оставался тем духовным фундаментом, из которого выросло настоящее, воплощающееся в реалистическом творчестве, поэтому не из чувства ложной благодарности или незрячей верности Пушкин говорил о себе в 1827 году: «Я гимны прежние пою...» («Арион»), он имел неоспоримое право на такое заявление.

Традиционно теория «истинного романтизма» рассматривается специалистами как «антиромантическая» и в своих определяющих чертах «реалистическая по сути».

С нашей точки зрения, такое суждение, во-первых, носит преимущественно внешний, формальный характер и верно лишь в первом приближении, а, во-вторых, грешит присутствием некоторых остатков старых методологических формул. При непосредственном же углублении в стержневую сущность вопроса кажущаяся простота и легкость констатаций исчезают.

Обращаясь к пушкинской формуле «истинного романтизма», мы твердо убеждены в том, что она абсолютно точна и самодостаточна. «Истинный романтизм» – это романтизм, а не «стыдливый реализм» (Гуковский), но романтизм особого, «переходного» состояния, проявляющийся пока как тенденция, отражающая потенциальную готовность литературы к качественным переменам. Это романтизм, с одной стороны, преодолевающий прежнюю сложившуюся концепцию мира и

человека, сложившийся тип художественного освоения действительности (романтический), а с другой – одновременно, зачастую интуитивно, осваивающий и разрабатывающий новую концепцию мира и человека, формирующий новый тип художественного освоения действительности – реалистический. При этом универсальность «истинного романтизма» как переходной и объективно необходимой фазы на пути к формированию пушкинского реализма, с нашей точки зрения, заключается, во-первых, в его динамичности и разомкнутости в смежные этапы художественной эволюции Пушкина, а, во-вторых, в том, что «опровергаемое» и «создаваемое» им, находятся в непосредственном и равнонуждающемся «диалогеполемике» (скрытом или явном – другой вопрос). Сложность «истинного романтизма» как романтизма особого, «переходного» качества, по нашему мнению, заключается в том, что многое из того, что обреталось поэтом интуитивно, домысливалось и переоценивалось, становясь позднее осознанным творческим принципом, проявляется пока лишь как симптом, предощущение эстетического прорыва, диалектично переплетающиеся с ностальгией и тяготением к прежней традиции, вполне преодолеваемой только впоследствии. И совершенно права Л. И. Вольперт, когда отмечает, что «в восприятии Пушкина... романтизм – одновременно синоним и новаторства, и устаревания, что нашло отражение в самом термине «истинный романтизм» [1, с. 147–155].

Рискнем высказать надежду, что это, пока еще малораспаханное, но невероятно интересное и заслуживающее пристального исследовательского внимания поле, непременно дождетя и своих «пахарей», и своих «сеятелей».

Библиографический список

1. Вольперт Л. И. Понятие «истинного романтизма» у Пушкина и Стендаля // Болдинские чтения. – Горький : Волго-Вятское книжн. изд-во, 1982. – С. 147–155.
2. Фохт У.Р. Лермонтов: Логика творчества. – М. : Наука, 1975. – С. 132–180.

3. Чулков В. И. Художественное единство поэзии А. И. Полежаева и проблема творческого метода поэта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Свердловск, 1986.

Bibliograficheskij spisok

1. Vol'pert L. I. Ponjatie «istinnogo romantizma» u Pushkina i Stendalja // Boldinskie chtenija. –

Gor'kij : Volgo-Vjatskoe knizhn. izd-vo, 1982. – S. 147–155.

2. Foht U.R. Lermontov: Logika tvorчества. – M. : Nauka, 1975. – S. 132–180.

3. Chulkov V. I. Hudozhestvennoe edinstvo poezii A. I. Polezhaeva i problema tvorcheskogo metoda pojeta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Sverdlovsk, 1986.

© *Лунин В. В., Лунин Т. И.*

**ПОЭТОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ СУГГЕСТИВНОГО
ЭФФЕКТА ВОЗДЕЙСТВИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА
(на материале произведений М. А. Шолохова)**

Е. Н. Лоскутова

*Аспирант
Институт социально-политических
исследований РАН, г. Москва, Россия*

**POETONIMS IN THE CONTEXT OF SUGGESTIVE EFFECT
EXPOSURE CULTURAL LINGUISTIC CODE
(on the material of M. A. Sholokhov)**

E. N. Loskutova

*Graduate student
Institute for Social and Political Studies
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

Abstract Research linguocultural codes in their complex impact on the psyche of the recipient finds more and more supporters. The author considers on the basis of psycho-physiological data of a special program for calculating the impact of the text on the human psyche prose Sholokhov. The researcher highlights poetonimy as a separate Nomination layer having both the specific features and general peculiar to Russian names at all. The article presents the loaded and not loaded with names that are different decoded by our consciousness.

Keywords: linguistic and cultural code; suggestion; poetonimy.

Введение

Встречая ту или иную номинацию в художественном тексте, читатель выстраивает определенные ассоциации, зачастую не догадываясь о том, что данные связи скрыто «навязаны» самим автором текста. Работа ассоциативного механизма сознательного и бессознательного привлекала многих исследователей [2; 3; 4; 18, с. 103–112; 15 и др.], в том числе анализу эмоциональных состояний личности и суггестивной направленности онимов посвящены работы Симонова П. В. [13]; Леонтьева А. Н. [10]; Рубинштейна С. Л. [12]; Шелестюк Е. В. [16]; Карабулатовой И. С. [7; 8] и др., что подтверждает актуальность исследования суггестивных воздействий на человека. Основываясь на данных исследованиях, можно прийти к выводу, что суггестия свойственна любым текстам и осуществляется на различных уровнях воздействия на эмоциональную сферу индивида и общества в целом.

Материалы и методы

Исследование *суггестивного* характера воздействия посредством номинаций героев произведений М. А. Шолохова проводится *впервые*, что, во-первых, представляет вклад в теорию языка и послужит дальнейшему лингвокультурологическому познанию поэтониимики, в частности, при разработке теории имен собственных в художественном тексте. Во-вторых, анализ поэтонимов как *элементов лингвокультурного кода* необходим для наиболее полной интерпретации литературного текста, поскольку имена собственные аккумулируют в себе не только содержательную, но и подтекстовую информацию, раскрывают идейно-эстетическое содержание текста и оказывают суггестивное воздействие на чувства читателя в зависимости от интенций автора.

Тартуская семиотическая школа в своих теоретических положениях о знаковой природе культуры отмечает ее формирование из большого количества *кодов* [11], находящихся в постоянном взаимодей-

ствии. В общем понимании *код* – это система условных обозначений или сигналов [4, с. 364]. Общелингвистическое понятие *кода* представляет собой «набор значимых единиц и правил их соединения, позволяющий передавать сообщения» [1, с. 23]. Любая научная отрасль знаний опирается на существующие приемы и методы, поэтому для анализа антропонимического материала нами были задействованы как традиционные методы исследования: описательный, статистический, исторический, сравнительно-сопоставительный, ареальный и стилистический, – так и новые: психолингвистические, лингво-математические, психофизиологические, статистические.

Дискуссия

Многие исследователи языка (В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, В. В. Воробьев, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов) отмечали поликодовый феномен культуры: культурные коды обладают способностью перевоплощаться, принимая вербальное выражение в форме лингвокультурных кодов. [5, с. 189]. В данной работе под *лингвокультурным кодом* мы понимаем «симбиоз вербального и культурного кодов» [9], систему имен персонажей произведений М. А. Шолохова, объединенных, как и любые системы символов, тематической общностью (*имя* – знак, маркер, идентификатор), особенностями имяназвания на Дону, формирующими образы персонажей.

Имена героев художественных произведений важны для их создателя, поскольку отражают особенности характера, несут положительную или отрицательную окраску, а также, что немаловажно, оказывают *суггестивное воздействие* на читателя, формируя собой своеобразный лингвокультурный код. Именно лингвокультурный код выступает элементом, через который происходит трансляция культурных, политических, исторических событий, закодированных в поэтонимах сборника «Донские рассказы» и романе «Поднятая целина» М. А. Шолохова, рассматриваемых в рамках данной статьи и оказывающих суггестивное воздействие на читателя.

Под *суггестивным воздействием* в общем смысле следует понимать «комплексное социально-психологическое воздействие на *ratio* и *emotion* человека с эффектом внушения, изменяющее нейрофизиологическую динамику адресата» [6, с. 98]. Используя суггестивные (внушительные) воздействия на читателя, автор формирует установки личности персонажа, наделяя его определенными психологическими особенностями, оказывающими влияние на отношение читателя к персонажу, в том числе, на уровне его именования.

И. Ю. Черепанова *суггестией* называет «арсенал средств и приемов направленного воздействия на установки личности» [15, с. 7], причем исследователь указывает, что установка личности подразумевает неосознаваемую «изготовку психики к определенному восприятию, решению, действию» [15, с. 7]. В данной работе мы, вслед за М. Р. Желтухиной, остановимся на следующем определении *суггестии*: «это вид вербального и невербального воздействия на адресата, основанный не на информировании и логической аргументации, а на внушении» [6, с. 6], причем суггестивность зависит от информативности и следует параллельно эмоциональности. Именно стимулирование *эмоционального состояния* реципиента, на наш взгляд, является важным элементом суггестивного воздействия, поскольку таким путем формируется *суггестивность текста*, предполагающая воздействие на подсознание читателя.

Е. В. Шелестюк в своем диссертационном исследовании утверждает, что суггестивность текста проявляется в следующих допропозициональных лингвистических характеристиках текста: на уровнях фонетики, просодики, графики, орфографии, синтаксиса, лексики, словообразования, морфологии [16, с. 9–10]. Кроме того, суггестия может косвенно проявляться в композиционных, стилевых и структурных особенностях текста.

Результаты

В данной статье остановимся на суггестивном воздействии вариантов номинаций персонажей, формирующих лингво-

культурный код донского казачества описываемого М. А. Шолоховым периода. Путем количественного подсчета номинаций в сборнике «Донские рассказы» и романе «Поднятая целина» нами выявлено поименованных персонажей в количестве 406 единиц, 772 варианта номинации, что подтверждает ценность произведений М. А. Шолохова как источника изучения региональной антропонимии, поскольку поименованные персонажи составляют ядро поэтонимического пространства.

На первом месте по вариативности личных имен собственных в сборнике «Донские рассказы» и романе «Поднятая целина» стоит имя *Михаил* (11 вариантов употребления имени: *Михаил, Михаль, Михалья, Михалютко, Минюшка, Мишка, Мишатка, Миша, Мишенька, Михайло, Минька*). Личное имя *Петр* имеет 9 вариантов употребления имени: *Петр Пахомыч, Петенька, Петро, Петруха, Петька, Петюшка, Петяха, Петяшка, Петя*: «Не будь, *Петруха*, таким вредным человеком...» («Путь-дороженька») [18, с. 263]. На третьем месте по количеству вариантов имени *Григорий* и *Гликерия* (имя одной из главных героинь), представленные в 6 вариантах номинации (*Гликерия, Лукерья, Луша, Лушаня, Лушенька, Лушка*): «*Лушенька* моя, ты у меня как цветок!» [17, с. 339]. Поэтонимы *Варвара* и *Андрей* и представлены в 5 вариантах именовании в исследуемых нами произведениях: «Вот что, *Варюха-горюха*, обожди меня тут...» [17, с. 376]. Встречаются объекты номинации, не имеющие вариаций (*Ермил, Степанида, Осип, Трофим*) – это, как правило, именовании эпизодических персонажей.

Для анализа поэтонимов нами была использована методика А. А. Биркина «Код речи», позволяющая выявить суггестивные нагрузки слова и текста на реципиента речи. А. А. Биркин доказывает, что трансформированные во внутренний сигнал знакобуквы или звукобуквы являются кодами или *управляющими кодами* [4, с. 9], из которых состоит поток речи. Иначе говоря, *код речи* по А. А. Биркину – это последовательность частей речевого сигнала внешней среды, преобразованных

мозгом в соответствующий по структуре внутренний *речевой сигнал* (курсив автора), представленный во взаимодействии нейронов с образами (маркерами) кириллических букв [4, с. 119]. В процессе *декодирования* (преобразования внешних сигналов в систему кодов), в зависимости от стадии восприятия речи, выделяется несколько этапов: 1-ый этап декодирования – образование управляющих кодов (энграмм), эквивалентных знакобуквам или звукобуквам; 2-й этап – образование из полученных кодов 1-го этапа декодирования энграмм слов, где действует принцип: чем длиннее слово, тем большую динамическую нагрузку декодирования (ДНД) оно имеет. Иначе говоря, под *динамической нагрузкой декодирования* понимается «функциональный ресурс, затрачиваемый мозгом» [4, с. 363], сложность восприятия получаемой информации. Эти нагрузки в интегральном показателе (индексе нагрузки) вычисляются специальной программой, разработанной А. А. Биркиным. Достоверность данной программы получена в результате обработки частотных словарей А. С. Шарова, которые включают более 90 % лемм и словоформ всего русскоязычного пространства. Таким образом, были получены достаточно точные и строго математические параметры встречаемости каждой буквы (кода) в тексте.

Целью нашего исследования не был анализ всего поэтонимического материала произведений М. А. Шолохова, нами были исследованы поэтонимы сборника «Донские рассказы» и романа «Поднятая целина», имеющие наибольшее количество вариантов именовании (*Михаил, Григорий, Петр, Гликерия, Варвара, Анна, Андрей, Евдокия, Дмитрий, Даниил*) и все варианты номинаций данных персонажей, а также другие имена героев исследуемых текстов (*Александр, Федор, Иван, Василий, Елизавета, Владимир, Семен, Тимофей, Анастасия* и др.) и их варианты именовании, изъятые путем случайной выборки, итого 150 поэтонимов и 334 варианта именовании.

Рассмотрим нагрузки первого этапа декодирования поэтонимов по параметрам кода речи в виде таблицы, представив ее в

сокращения, что не влияет на случайный характер выборки:

Официальная форма именованя	Время восприятия (Усл.сек.)	Индекс	Вариант именованя («Бытовое имя»)	Время восприятия (Усл.сек.)	Индекс	Снижение времени восприятия	Снижение нагрузки восприятия
Михаил	0,5	57	Михаль	0,4	0	1	1
			Михаля	0,5	0	0	1
			Михалятко	0,7	0	0	1
			Минюшка	0,5	0	0	1
			Мишка	0,4	0	1	1
			Мишатка	0,5	81	0	0
			Миша	0,3	0	1	1
			Мишенька	0,5	0	0	1
			Михайло	0,5	66	0	0
			Минька	0,4	0	1	1
Григорий	0,6	40	Гриша	0,4	0	1	1
			Гришака	0,5	88	1	1
			Гришка	0,5	0	1	1
			Гришенька	0,6	0	0	1
			Гришуха	0,5	0	1	1
Петр	0,3		Петя	0,3	0	0	0
Варвара	0,5	458	Варька	0,4	58	1	1
			Варя	0,3	0	1	1
Александр	0,7	87	Санюшка	0,5	67	1	1
			Саня	0,3		1	1
Анна	0,3	106	Нюра	0,3	0	0	1
Гликерия	0,6	68	Лукерья	0,5	0	1	1
			Лушка	0,4	0	1	1
Дмитрий	0,5	147	Митя	0,3	0	1	1
Василий	0,5	154	Вася	0,3	0	1	1
Владимир	0,6	84	Володя	0,5	46	1	1

Данные представленной нами таблицы отражают тот факт, что мозг, как любая другая вычислительная система, не может обработать всю информацию, он ограничен в возможностях вычислений (как по объему, так и по способностям к обработке анализаторами различных сигналов или

воздействий внешнего мира). Практически все полные (официальные) формы имени обладают высокой динамической нагрузкой (индекс высокий – слово является тяжелым для восприятия: *Дмитрий* – 147), а бытовые (сокращенные формы имени чаще всего имеют индекс нагрузки

декодирования = 0 либо меньший индексу официального именованя: *Митя* – 0), что имеет свое объяснение.

Нервная система человека постоянно борется с усложнением языка с позиций нагрузок декодирования слов. В процессе эволюции человеческого общества возникли различные по нагрузкам декодирования слова. Тяжелые, не адекватные эволюционным вычислительным возможностям мозга слова в данный период времени отживали, а легкие укоренялись в языке (*Гликерия* – *Лукерья* – *Лушка*): «... *святой великомученицы Гликерии*», или «Ты на меня не цыкай! Ты на жену свою *Лушку* стучи кулаком...» [17, с. 166]. Данными примерами подтверждается факт о том, что неофициальный план в городах бывает ограничен семейным кругом близких знакомых, а в деревнях, где практически все знакомы друг с другом, широко распространены неофициальные формы общения.

Итак, современной стилистически нейтральной нормой считается именование взрослых людей полным именем в сочетании с отчеством, а детей – сокращенными именами. Если мало знакомые люди называют взрослого сокращенным именем без отчества или полной формой имени называют ребенка, то очевидно нарушение общепринятой нормы, что, несомненно, является значимым для стилистики и может нести суггестивный характер воздействия на реципиента.

Суггестивного воздействия также позволяет добиться использование различных суффиксов, изменяющих форму имени, причем от вариативности именованя меняется отношение к именуемому. Так, вариативность имени *Михаил* представлена писателем в одном контексте, указывая на отношения говорящих к персонажу: «Для отца он – *Минька*. Для матери – *Минюшка*. Для деда – в ласковую минуту – постреленыш, в остальное время <...> *Михайло Фомич* <...> А для всех остальных: для соседок-пересудок, для ребятешек, для всей станицы – *Мишка* и «нахаленок»...» («Нахаленок») [18, с. 304]. Данный пример иллюстрирует, что сущность

объекта номинации не меняется, значит, суффиксы являются не словообразующими, а формообразующими.

При исследовании вариантов поэтонимов важно учитывать лингвокультурологические особенности употребления номинаций, например, лиц, участвующих в коммуникации, половозрастную характеристику, особенности ареала, официальность обстановки и временной срез, описываемый автором.

Так, к донской особенности относятся форманты -АТКА/-АТКО/-ЯТКА, -АКА (*Дунятка*, *Нюратка*, *Михалятко*, *Гришака*), имеющие высокий индекс нагрузки декодирования поэтонимов (*Михаил* – 57, *Мишатка* – 81, *Миша* – 0; *Григорий* – 840, *Гришака* – 88, *Гриша* – 0) и являющиеся дополнительным приемом суггестивного воздействия с целью передать атмосферу и реальность происходивших событий: «Кличьте вечерять *Гришаку*» («Коловерть») [18, с. 324]; «...может детишкам бы чего... *Мишатке*... *Дунюшке*...» [17, с. 122]. Известно, что донское казачество привержено к строгому соблюдению каноничности и традиций, включая традиции именованя на Дону, что объясняется наличием номинаций с тяжелой динамической нагрузкой, это можно объяснить тем, что социальный фактор и следование канонам не позволяет языку «очищаться» от более тяжелых по нагрузке декодирования и восприятия именованя.

Одним из известных приемов суггестивного воздействия является прием *тавтологии* слова или части слова (А. А. Биркин предлагает более расширенную дефиницию терминопонятия *тавтология* – «это повторение кодов текста, влекущее деформацию его относительно эволюционной модели» [4, с. 236].

Исследователь суггестивных технологий в фольклоре И. С. Карабулатова [7; 10; 11] отмечает, что суггестивное воздействие может быть прямым (императивным) и косвенным, преднамеренным и непреднамеренным. Косвенное внушение обычно представлено в скрытом виде и характеризуется «непроизвольным и незаметным усвоением» [6, с. 97], влияю-

щим на бессознательное реципиента. Прямое внушение применяется при помощи внедрения в сознание специальных словесных формул, экспрессивных воздействий. Примером прямого суггестивного воздействия является следующая вариативная цепочка поэтонимов: «Ой, *Михаил, Михаля, Михалятко* ты мое!» («Нахаленок») [18, с. 307]. Таким образом, благодаря богатству вариативных форм имен, применяемых для именованного одного и того же персонажа, автор использует градационный переход от менее эмоциональных имен к более экспрессивным вариантам, создавая суггестивный характер песни, исполняемой персонажем М. А. Шолохова своему сыну.

Заключение

Таким образом, природа нервной системы человека борется против насилия «тяжелыми» динамически-нагруженными словами, человек стремится к упрощению речи (отсюда, язык аббревиатур и сокращения общеупотребительных слов в сленге рабочих и молодежи). Благодаря использованию особенностей имянаречения определенного этноса, в частности, именованного населения области войска Донского, суггестивное воздействие на читателя формируется определенными способами в зависимости от характера и отнесенности текста, а также цели автора. Суггестивным воздействием на читателя можно сформировать необходимые представления о своих персонажах как в открытом виде (*Лукешка косая*), так и на различных уровнях скрытого подтекста.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: (стилистика декодирования). – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Бехтерев В. М. Гипноз, внушение, телепатия. – М.: Мысль, 1994. – 364 с.
3. Биркин А. А. Код речи. – СПб., 2007. – 407 с.
4. Биркин А. А. Природа речи. – М., 2009. – 384 с.
5. Ефименко Т. Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 3. – № 3. – С. 188–191.
6. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиадискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. – Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
7. Карабулатова И. С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. – Тюмень: Академия, 2004. – 268 с.
8. Карабулатова И. С. Трансформации имени собственного в новых условиях постсоветского пространства и проблемы толерантного коммуникативного поведения. Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2007. – Т. 1. – № 6. – С. 42–49.
9. Киреева И. И. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Флора»: автореф. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. – Самара, 2008. – 16 с.
10. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
11. Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПб, 1998. 704 с.
12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Издательство «Питер», 2002. 720 с.
13. Симонов П. В. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Мозг: эмоции, потребности, поведение. – М.: Наука, 2004. – 437 с.
14. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская и др. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
15. Черепанова И. Ю. Дом Колдуньи: суггестивная лингвистика. – Санкт-Петербург: Лань, 1996. – 202 с.
16. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: дисс. ... д. филол. н. – Челябинск, 2009. – 299 с.
17. Шолохов М. А. Поднятая целина: Роман. М.: «Просвещение», 1973. – 656 с.
18. Шолохов М. А. Собрание сочинений в 8-ми т. Т. 7. Они сражались за Родину: Главы из романа; Рассказы / сост. М. Манохиной. – М.: Худож. лит., 1986. – 559 с.

Bibliografičeskij spisok

1. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka: (stilistika dekodirovanija). – M.: Prosveshhenie, 1990. – 300 s.
2. Behterev V. M. Gipnoz, vnushenie, telepacija. – M.: Mysl', 1994. – 364 s.
3. Birkin A. A. Kod rechi. – SPb., 2007. – 407 s.
4. Birkin A. A. Priroda rechi. – M., 2009. – 384 s.
5. Efimenko T. N. Vzaimodejstvie lingvokul'turnyh kodov v processe mezhkul'turnoj kommunikacii // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Serija: Gumanitarnye nauki. – 2012. – T. 3. – № 3. – S. 188–191.
6. Zheltuhina M. R. Troпологическая suggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rečevogo vozdeystvija tropov v jazyke SMI: monografija. – Volgograd: Izd-vo VF MUPK, 2003. – 656 s.
7. Karabulatova I. S. Kul'tura detstva Tjumenskoj oblasti: tradicii i sovremennost'. – Tjumen': Akademija, 2004. – 268 s.

8. Karabulatova I. S. Transformacii imeni sobstvennogo v novyh usloviyah postsovetskogo prostanstva i problemy tolerantnogo kommunikativnogo povedenija. *Mir lingvistiki i komunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. – 2007. – T. 1. – № 6. – S. 42–49.
9. Kireeva I. I. Strukturno-semanticheskie i pragmaticheskie harakteristiki anglijskogo lingvokul'turnogo koda «Flora»: avtoref. na soisk. uch. st. kand. filol. nauk. – Samara, 2008. – 16 s.
10. Leont'ev A. A. Osnovy psiholingvistiki. – M. : Smysl, 1997. – 287 s.
11. Lotman Ju. M. Ob iskusstve. – SPb. : Iskusstvo-SPB, 1998. 704 c.
12. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii. – SPb. : Izdatel'stvo «Piter», 2002. 720 s.
13. Simonov P. V. Izbrannye trudy. V 2 t. T. 1. *Mozg: jemocii, potrebnosti, povedenie*. – M. : Nauka, 2004. – 437 s.
14. Teorija i metodika onomasticheskih issledovanij / A. V. Superanskaja i dr. – M. : Nauka, 1986. – 254 s.
15. Cherepanova I. Ju. *Dom Koldun'i: suggestivnaja lingvistika*. – Sankt-Peterburg : Lan', 1996. – 202 s.
16. Shelestjuk E. V. *Rechevoe vozdejstvie: ontologija i metodologija issledovanija: diss. ... d. filol. n.* – Cheljabinsk, 2009. – 299 s.
17. Sholohov M. A. *Podnjataja celina: Roman*. M.: «Prosveshhenie», 1973. – 656 s.
18. Sholohov M. A. *Sobranie sochinenij v 8-mi t. T. 7. Oni srazhalis' za Rodinu: Glavy iz romana; Rasskazy* / sost. M. Manohinoj. – M. : Hudozh. lit., 1986. – 559 s.

© Лоскутова Е. Н., 2016

О СОСТАВНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С ЭЛЕМЕНТОМ *ГУЛ* В ПОЭЗИИ АЛИШЕРА НАВОИ

Н. М. Улуков
Н. Ш. Баходирова

Доктор филологических наук, доцент
студентка
Наманганский государственный университет
г. Наманган, Узбекистан

ABOUT THE POETIC COMBINATIONS WITH THE MEANING OF “GUL” IN ALISHER NAVOI’S POETRY

N. M. Ulukov
N. Sh. Bahodirova

Doctor of Philological Sciences, assistant professor
student
Namangan State University
Namangan, Uzbekistan

Abstract. In the world literature, specifically in classic and modern Uzbek poetry poetic units of the symbol of beloved play a great role being used more frequently. And they do some lingvopoetic functions serving for fiction and expressing with images. The works of Alisher Navoi who is the greatest representative of Uzbek classic poetry are characterized by being rich in linguistic units of beloved. Especially, poetic units including flower were used skillfully in his poetry and they play great linguistic and poetic role in describing the beauty of beloved. In this article, to Uzbek natural selection poetry, especially particular for Navoi poetry that express wife as flower poetic combinations of lingvopoetic features.

Keywords: traditional assimilation; poetic combination; poetic obras; methodic meaning marks; semantic groups.

Большинство произведений узбекской классической поэзии посвящено теме любви и проникнуто романтическим духом. Как правило, в строках о любви лирический герой отражает красоту прекрасной возлюбленной и ее безысходное состояние. Для описания возлюбленной используются различные сравнения. В узбекской классической литературе использование новых тропов наряду с традиционными всегда свидетельствует о высоком поэтическом даре и авторитете автора. Примером подобных инноваций могут служить поэтические единицы с элементом *гул* (букв. «цветок») в поэзии Алишера Навоий.

Уподобление возлюбленной цветку является одним из традиционных сравнений узбекской литературы. Человек – дитя природы, по этой причине влюбленный сравнивает свою возлюбленную прежде всего с изящными творениями (Бога), находящимися рядом с ним (прежде всего, с окружающими его цветами). Красота, нежность и очарование

возлюбленной служат основанием для этих сравнений.

Принадлежит в историко-этимологическом отношении к персидско-таджикскому пласту лексики узбекского языка, слово (словообразовательный элемент) *гул* обозначает либо часть растения, либо – способом синекдохи – все растение целиком. В то же время оно соответствует семам *гўзал* («прекрасный»), *чиройли* («красивый»), *нозик* («изящный») и т.п. В результате взаимодействия этих сем слово *гул* в узбекской классической и современной литературе превратилось в символический образ, используясь в значении *ёр* («возлюбленная») и обозначая присущие возлюбленной красоту и нежность. Проиллюстрируем сказанное следующим бейтом:

*Неси ул гулнинг Эрам гулзоридин
ортуг эмас,*

*Жилва айлар сарвиму, ё гунчайи
хандониму?* [1, с. 400]

Предлагаем построчный перевод:
Цветы из райского сада не превосходят

ее; лучше ли колеблемый кипарис ее стройного стана или раскрывшийся бутон – ее смеющихся губ?

В этом бейте Алишер Навои называет возлюбленную цветком, сравнивая ее стан с кипарисом, а губы с бутоном, доводя сравнение до совершенства с помощью аллегорий, и специфических для восточной поэзии тропов и стилистических фигур речи, основанных на сравнении (иштикок, талмех, тажохули ориф, таносуб). Эти сравнения порождают аллюзию изгнания из райского сада.

В поэзии Алишера Навои есть более 30 поэтических единиц – слов и изафетных единиц – для сравнения лица, фигуры, внешнего вида, грации возлюбленной с цветком: *гуландом, гули боги жинон, гули навхоста, гули оташин,*

гули раъно, гули рухсор, гули сарвқомат, гули сероб, гули суманбар, гули хандон, гули шаъмжабин, гул хирмани, гулбарг, гулбарги нозпарвард, гулбарги тар, гулбарги хандон, гулбонг, гулбун, малоҳат гулбуни, гулжабин, гулистон, гулрух, гулрухи раъноқад, гулрухи танноз, гулрӯ, гулрӯй сийминбар, гулхад, гулчехра, гулчехраи хуршедвад, гулишан, гулъузур, бинафшапӯш гул и т. п.

Однако в составных поэтических единицах с элементом *гул* также наблюдается и лексическая дублетность: *гули рухсор // гулрухсор // гулрух // гулруй* и т. п. *Гул* как самостоятельное слово и как элемент составных поэтических единиц можно представить в виде следующей таблицы:

Слово		Сочетание	
Простое слово (непроизводная или производная основа)	Сложное слово	Изафетное сочетание	Определяющее сочетание
<i>гул</i>	<i>гулчехра</i>	<i>гулчехраи хуршедваши</i>	<i>малоҳат гулбуни</i>
<i>гулистон</i>	<i>гуландом</i>	<i>гули хандон</i>	<i>бинафшапӯш гул</i>
<i>гулишан</i>	<i>гулжабин</i>	<i>гули раъно</i>	<i>гул хирмани</i>

Каждая из сформированных на основе морфемы *гул* поэтических единиц, обладая самостоятельной семантикой, выполняет различные поэтические функции, такие как образное изображение возлюбленной в тексте, выражение поэтического восприятия ее характера и т. д. Например, изафетное сочетание *гули сарвқомат* служит образным выражением прелести и нежности лица возлюбленной, а также сравнением ее стана с кипарисом:

Фироқинг аро, эй гули сарвқомат,

Не сарв, не гул кӯргали истиқомат [2, с. 57].

Предлагаем построчный перевод: *В разлуке с тобой, стройная краса, ни один кипарис, ни один цветок не радует глаз.*

В этом бейте, утверждается, что поскольку возлюбленная похожа на цветок, то ее стройность подобна изяществу цветка. В следующем бейте Навои также делает главный акцент на стройности, присущей возлюбленной:

Гоҳ сарв узра, гаҳе гул уза булбул нагмасоз,

Ваҳки, менмен гунгу лол ул сарви гулрухсорсиз [1, с. 175].

Предлагаем построчный перевод: *Соловей плачет то над кипарисом, то над цветком, но без стройной красавицы с лицом, подобным розе, я не знаю, что делать, словно глухонемой.*

В семантическом отношении случаи использования слова *гул* как элемента

составной поэтической единицы можно разделить на следующие группы:

1. Единицы, описывающие в основном лицо возлюбленной: *гули рухсор* (*гулрухсор*), *гули шаъмжабин*, *гулистон*, *гулрух*, *гулрӯ*, *гулхад*, *гулчехра*, *гулчехраи хуришедваи*, *гулишан*, *гулӯзор*, *гули раъно* и др.

2. Единицы, описывающие лицо и стан возлюбленной: *гули сарвқомат*, *гулрухи раъноқад*, *гуландом*, *гули суманбар* и др.

3. Единицы, описывающие душевное состояние возлюбленной: *гули хандон*, *гулбарги нозпарвард*, *гулбарги тар*, *гулбарги хандон*, *гули навхоста* и др.

Алишер Навои при определении сущности возлюбленной также пользуется названиями видов цветов. Например, в следующем бейте применяется форма поэтического обращения к возлюбленной – *нилуфарим*:

Гулишани фақр ичра то кирдим, эрур балким эмас,

Гунбади нилуфарий гулишанда бир нилуфарим [1, с. 320].

Предлагаем построчный перевод: *Я забрался в цветник, может быть, есть моя лилия среди синего лилейного цветника под небом, может быть, нет.*

Слово *нилуфар* (водяная лилия) образовано соединением персидско-таджикских основ *нилу* (соответствует тюркским *кўк*, *тўқ* *кўк*) и *фар* (соответствует тюркским *ярқираш*, *чирой*) – букв. «темно-голубое сияние». В бейте цвет водяной лилии (*нилуфар*) связан с концептом *кўк гумбаз* («голубой свод»), что допускает следующее прочтение: «Прекрасная возлюбленная напоминает (мне) водяную лилию из цветущего края под небесами». Данное изысканное сравнение – плод поэтического гения. Не случайно в современном узбекском литературном языке слово *нилуфар* используется в качестве имени нарицательного и имени собственного. В бейте от названия цветка фактически образовано название цвета или оттенка (*нилуфарий*). Иногда для выражения цвета можно использовать

названия растений без дополнительных словообразовательных элементов, ср.:

Эй Навоий, ул бинафшапӯи гулнинг васфида

Бўлмасун ҳар не ёзарсен когазе илло бинафиш [1, с. 221].

Предлагаем построчный перевод: *Навои, пусть бумага никогда не станет фиолетовой, даже впитав все, что ты пишешь в восхвалении красоты, одетой в фиолетовый цвет.*

Использованная для определения возлюбленной единица *бинафшапӯи гул* по сути является прилагательным на персидско-таджикском и образована из слова *бинафша* («фиалка»), перешедшего в тюркский в качестве названия цветка и глагола настоящего времени *пӯш*, имеющего смысл *ёпмоқ* («закрывать»). В бейте говорится *бинафша ёпинган гул* (*закрытый цветок фиалки*), но имеется в виду *бинафша рангида кийинган гўзал* (*красота, одетая в цвет фиалки*). Для поэта фиалка – суть цвет красоты возлюбленной, радующей глаз.

Лексема *лола* («тюльпан»), обозначающая на персидско-таджикском нежный цветок, при соединении с элементом *рух* как вариантом слова *рухсор*, образует поэтические единицы *лола юзли*, *нозик ёр* («нежную возлюбленную, напоминающую обличьем тюльпан»). Здесь признак красоты лица возлюбленной – румянец – похож на алый цвет тюльпана и поэтически изображает душевное состояние возлюбленной:

Агар булбул гулистон ичра кўрди хордин озор,

Ва лекин кўрмади, эй лоларух, озор мен янглиг [2, с. 113].

Предлагаем построчный перевод: *Соловей страдает от шипов в цветнике, но и он не страдает, как я, розолик.*

В бейте соловей очень страдает от шипов, ранящих его в саду, однако его страдания – ничто в сравнении со смущением зардевшейся возлюбленной.

Как видим, Алишер Навои не только искусно использует традиционные сравнения, но и создает собственные неповторимо-изысканные новые поэтические единицы, не уступающие

традиционным по совершенству
содержания и формы.

Библиографический список

1. Алишер Навоий. Мукаммал асарлар тўплами. – Т. 3. (Полное собрание сочинений. 3-том). – Ташкент : Фан, 1988.
2. Алишер Навоий. Мукаммал асарлар тўплами. – Т. 6. (Полное собрание сочинений. 6-том). – Ташкент : Фан, 1990.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alisher Navoiy. Mukammal asarlar toplami. – T. 3. (Polnoe sobranie sochinenij. 3-tom). – Tashkent : Fan, 1988.
2. Alisher Navoiy. Mukammal asarlar toplami. – T. 6. (Polnoe sobranie sochinenij. 6-tom). – Tashkent : Fan, 1990.

© Улуков Н. М., Баходирова Н. Ш.

METHODS OF TEACHING OF PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 81

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ-БИЛИНГВОВ

З. В. Поливара

*Доктор филологических наук, профессор
Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Россия*

THE PROBLEM OF FORMATION OF COHERENT WRITTEN SPEECH IN PRIMARY SCHOOL BILINGUAL

Z. V. Polivara

*Doctor of Philological Sciences, professor
Tyumen State University
Tyumen, Russia*

Abstract. Over the past twenty years Russia has significantly expanded migration processes. The so-called "non-indigenous population of Russia", is increasingly in terms of total Russian-speaking environment. Generally, adult workers do not lose their native language and the speech development of children takes place in conditions of natural bilingualism. Language is a Central characteristic of the nation that highlights the culture, identity and national consciousness of the people. Therefore particularly acute problem of education of migrant children in conditions of inclusive education. Migrants, once in the new environment, are forced to learn and actively use a foreign language for them is Russian language. If adult migrants received in the past cultural experience of the language use of the Russian language as a means of international communication, migrant children, caught in the migrant environment are a natural way of linguaphone infonow in a completely different environment, different structure of another language. Children-bilinguals often exposed to the occurrence of specific speech errors in Russian, due to the peculiarities of the interaction of language systems and speech disorder is not a dominant language.

Keywords: migrants; inflection; bilingual; predicate; coherent speech; speech production.

Введение

В последние годы традиции образовательного пространства России всё шире предполагают активную интеграцию детей-билингвов с речевыми дисфункциями в общеобразовательные учебные заведения, что в свою очередь вызывает острую потребность повышения уровня их познавательных способностей. Дети-билингвы вошли в категорию, так называемых, детей с «особыми образовательными потребностями», при обучении которых требуется не только усвоение языка, но и формирование межкультурных и межэтнических коммуникаций.

«Языковая компетентность» определяется как субъективная характеристика, представляющая собой сплав знаний, умений и качеств языковой личности, позволяющих личности быть эффективной в речемыслительной деятельности [1; 2]. Сущностью развития субъекта является освоение им социального опыта. Недоразвитие речи является существенным препятствием на пути к социальному взрослению, вызывает значительные трудности адаптации в социальной среде. Идея речевой компетентности связывается в современном сознании с идеей прогресса, повышением социального и

культурного престижа продуктов речевой деятельности.

Материалы и методология

Представляется необходимым обратиться к понятию «речевая деятельность», которая интегрирует и деятельностный, и речевой, и личностный аспекты. Понимается как сложнейшее психофизиологическое образование и, являясь орудием мышления, регулирует собственно психические процессы человека. Речь, как средство общения, становится одновременно и механизмом интеллектуальной деятельности, позволяющим выполнять операции отвлечения и обобщения, создавая основу категориального мышления.

Связная письменная речь предполагает системное овладение языковыми средствами и является наиболее сложным видом деятельности для детей-билингвов.

Обратимся к лингвотерминалогическому обозначению связной письменной речи. Для глубокого понимания данной дифиниции в лингвистической литературе представлено дифференцированное толкование понятий «письмо», «письменная речь», «связная речь», «дискурс», «текст».

Дискуссия

По мнению многих ученых, изучающих проблему письменной речи (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Н. И. Жинкин и др.), не стоит употреблять понятие «письменная речь» как синоним письма, представляющего собой написание слова на основе звукобуквенного анализа его структуры.

«Письменная речь не есть простой перевод устной речи в письменные знаки, и овладение письменной речью не есть просто усвоение письма... Письменная речь совершенно особая речевая функция, отличающаяся от письма по своему значению, строению и способу функционирования» [5].

Письменная речь включает в себя три основные составляющие:

- Субъект, или продуцент,
- Процесс порождения речи (письменно-речевая деятельность на основе языковых средств),

- Текст, или письменный дискурс.

Согласно современным представлениям, именно *текст*, а не предложение является реальной единицей речи. На уровне текста реализуется замысел высказывания, осуществляется взаимодействие языка и мышления. Изучая лингвистику текста, исследователи часто обращаются к термину «дискурс». Под дискурсом понимается два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи. Дискурс может состоять и из одного предложения при условии, что оно будет обладать всеми признаками, которыми обладают два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи и образующих смысловой дискурс.

До сих пор при осуществлении коррекционно-развивающей работы по формированию письменной речи у учащихся-билингвов в недостаточной степени учитываются и особенности речепорождающего механизма. По мнению Л. С. Выготского, речь детей младшего школьного возраста предикативна, или «глагольна» [3]. Глагол обладает мощной способностью управлять другими словами. К нему как к единице предикативного ядра примыкает большая часть второстепенных членов, обслуживающих конструктивные потребности глагола. Причем конструктивная роль глагола распространяется на целое высказывание, текст. В этом и проявляется организующая сила данной категории.

Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что психолого-педагогическая технология будет эффективной, если:

- учитывать принцип взаимодействия развития устной и письменной речи, а также глагольность речи как особенность речепорождающего механизма детей младшего школьного возраста;
- при осуществлении коррекционно-развивающей работы учесть и реализовать потенциальные возможности речевого развития учащихся с системным недоразвитием языковых средств.

Результаты

В исследовании принимали участие учащиеся-билингвы школ г. Тюмени, посещающие Тюменский центр логопедии и

развития речи. Общая выборка составила 156 испытуемых в возрасте 8–12 лет.

На констатирующем этапе опытной работы установлено, что учащиеся-билингвы 2–3-х классов не владеют навыком построения сложных предложений. Аграмматичные конструкции составляют в сочинениях учащихся от 20 до 100 % текста. Анализ синтаксического оформления сочинений учащихся-монолингвов массовой школы свидетельствует о более высоких показателях. В работах учащихся общеобразовательной школы не выявлено многочисленных нарушений на уровне слова, словосочетания и предложения.

Сравнительный анализ сочинений позволил определить, что по сравнению со сверстниками с сохранной речевой деятельностью дети-билингвы испытывают значительные затруднения при создании собственной письменной продукции. В работах учащихся-билингвов выявлены нарушения всех категорий текста. Чаще всего в работах детей встречаются такие виды нарушений, как сужение или расширение частей текста, привнесение фактов, нарушение причинно-следственных отношений в высказывании, ограниченность лексики, отсутствие лексико-грамматической связи.

В сочинениях учащихся-билингвов отмечены нарушения в синтаксическом построении и лексико-морфологическом оформлении, что подтверждает недостаточную сформированность лексико-грамматического строя речи.

В целом анализ письменной продукции детей-билингвов позволил выявить нарушения цельности и связности высказываний, которые обусловлены повреждением механизма порождения письменной речи у детей данной категории, что влечет за собой несформированность устных и письменных высказываний.

У младших школьников-билингвов, имеющих речевые дисфункции, отмечается недостаточный уровень сформированности процессов глагольного словообразования, незрелость грамматических понятий, бедность глагольного словаря, ограниченность ассоциативных полей, что препятствует нормальному развитию син-

тагматического и парадигматического аппаратов языка. Данная несформированность синтагматических и парадигматических отношений обусловлена, в свою очередь, недостаточностью когнитивных процессов, связанных с усложненными условиями речемыслительной деятельности детей-билингвов.

Стойкие грамматические нарушения у учащихся-билингвов обнаруживаются как на уровне элементарных письменных высказываний (предложений), так и при конструировании ими письменного текста. Недостаточный объем высказывания и неадекватный выбор последовательности изложения содержания определяют стойкий характер нарушений показателей связности и цельности текста, что указывает на дисфункционирование операциональной структуры сложноорганизованного речепорождающего механизма неродного языка.

Таким образом, полученные в ходе экспериментального исследования данные, подтверждают необходимость создания специальных технологий, направленных на развитие у учащихся-билингвов, имеющих речевые дисфункции, необходимых предпосылок формирования связной письменной речи: на пооперационное формирование у них системы обобщенных знаний и их инвентаризацию в процессе создания собственной письменной продукции на русском языке.

В данной работе предлагается один из возможных способов формирования дискурсивной деятельности на основе изучения лексико-грамматических свойств глагола как базового компонента связной письменной речи.

Для формирования понятия «глагол» у учащихся-билингвов необходимо проводить коррекционную работу над лексическим значением различных глаголов, над вариантами словообразования, рассматривать роль глагольного слова в словосочетании и предложении, тексте, анализировать его конструктивные возможности. Немаловажную роль играет логопедическая работа по коррекции морфологического и структурного аграмматизма.

При формировании умений конструировать письменный текст целесообразно использовать операции, предполагающие последовательное выполнение заданий. На всех этапах обучения как при формировании понятия «глагол», так и при обучении конструированию письменного текста предполагается обязательное использование смысловых и содержательных опор высказываний невербального и вербального характера в сравнительном языковом аспекте.

В связи с тем, что зрелая речь на втором языке отличается от речи на родном языке только кодом, а все остальные компоненты (мышление, оперативная память, опережающее планирование и т. д.) универсальны, функционирование или не функционирование этих универсальных компонентов в речи на втором языке зависит от того, как усвоен новый для ребенка-билингва код, то есть иностранный материал тормозит функционирование универсальных механизмов речи. В то же время адекватность усвоения достигается только в том случае, если осуществлено необходимое число повторений данной языковой единицы в условиях, воспроизводящих те условия, в которых эта единица должна функционировать. В этой связи принципиальное значение в этнопсихолингвокоррекционном подходе ведущая роль отдается речевым упражнениям.

Несомненно, что тот или иной уровень адекватного выражения падежных форм и значений может определяться условиями, в которых на решающей стадии осуществляется активизация конкретного падежного значения.

Заключение

Для овладения речевой деятельностью на втором языке необходимо не только понять механизмы концептуализации фрагментов действительности, но и усвоить иноязычные вербальные средства выражения данных концептов как функциональную систему реализации смыслов, а также способы их связи для продуцирования собственных предложений, адекватно

отражающих речевое намерение и уместных в конкретных ситуациях общения.

Дальнейшие теоретические и эмпирические исследования могут способствовать повышению эффективности коррекционной работы по преодолению нарушений устной и письменной речи у детей билингвов.

Библиографический список

1. Аврорин В. А. Двужычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М. : Высш. шк., 1972. – С. 337–341.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч. – М., 1982. – Т. 2.
4. Karabulatova I. S., Polivara Z. V. Turkic and Slavs: bipolylinguism in globalization and migrations (on an example of Tumen region). In the: Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 832-836, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12263
5. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. – М. : Изд-во МГУ, 1973.
6. Поливара З.В. Психолингвистические аспекты коррекции речевых дисфункций у детей-билингвов // Специальное образование. – Екатеринбург, 2012. – № 3.
7. Протасова Е. Ю., Родина Н. М. Многоязычие в детском возрасте. – 2-ое изд. – СПб : Златоуст, 2010.

Bibliografickij spisok

1. Avrorin V. A. Dvujazychie i shkola // Problemy dvujazychija i mnogojazychija. – М., 1972.
2. Vinogradov V. V. Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. – М. : Vyssh. shk., 1972. – S. 337–341.
3. Vygotskij L. S. Myshlenie i rech' // Sobr. soch. – М., 1982. – Т. 2.
4. Karabulatova I. S., Polivara Z. V. Turkic and Slavs: bipolylinguism in globalization and migrations (on an example of Tumen region). In the: Middle-East Journal of Scientific Research 17 (6): 832-836, 2013. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.17.06.12263
5. Lurija A. R. Osnovy nejropsihologii. – М. : Izd-vo MGU, 1973.
6. Polivara Z.V. Psiholingvisticheskie aspekty korrekcii rechevyh disfunkcij u detej-bilingvov // Special'noe obrazovanie. – Ekaterinburg, 2012. – № 3.
7. Protasova E. Ju., Rodina N. M. Mnogojazychie v detskom vozraste. – 2-oe izd. – SPb : Zlatoust, 2010.

© Поливара З. В., 2016

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDESKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016 ГОДУ**

Дата	Название
5–6 апреля 2016 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2016 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2016 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2016 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2016 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2016 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2016 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2016 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2016 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2016 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2016 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2016 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2016 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2016 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2016 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2016 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2016 г.	Реклама в современном мире: история, теория и практика
25–26 мая 2016 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2016 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2016 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2016 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2016 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2016 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2016 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2016 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2016 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования

5–6 октября 2016 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Реферативные базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Россия), • Open Academic Journal Index по адресу, • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада) • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor за 2015 г. – 1,041, • Scientific Indexing Services за 2015 г. – 1,09, • General Impact Factor за 2015 г. – 2,1825, • РИНЦ за 2014 г. – 0,194.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия) 	
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и практический журнал «Akademická psychologie»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и аналитический журнал «Sociologie člověka»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis.

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

Vědecký a praktický časopis

№ 1, 2016

Čtvrtletní

Šéfredaktorka – **Irina S. Karabulatova**

Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.

Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.

Redaktorka – I. G. Balašova
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 30.03.2016. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 6,9
100 kopií.

VYDAVATEL:

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
IČO 29133947
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz